Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ 3 Шкафъ 19
Полка 2 № 8

ЗАПИСКИ

Семипалатинскаго Подотдѣла

Западно-Сибирскаго отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО

Географическаго Общества.

п. 259869.

Выпускъ I-й.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ.
Типографія Семипалат. Обл. Правленія.
1903.

Матеріалы для исторіи Степного Края.

V. Къ исторіи Каркаралинскаго и Аягузскаго округовъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX ст. *)

Вторая четверть мин. ст.—одна изъ самыхъ интересныхъ эпохъ въ новѣйшей исторіи Средней киргизской орды. Начавшееся съ половины 20-хъ годовъ открытіе въ этой ордѣ русскихъ округовъ происходило, съ внѣшней стороны, не иначе, какъ по просьбамъ самихъ киргизъ, а между тѣмъ почти во всѣхъ этихъ округахъ, вскорѣ послѣ ихъ открытія, возникли безпорядки, выражавшіеся, главнымъ образомъ, въ томъ, что киргизы, говоря официальнымъ языкомъ того времени, „отлагались", т. е. бросали свои кочевки и болѣе или менѣе значительными группами удалялись изъ округовъ къ югу, въ независимыя тогда отъ Россіи прибалхашскія степи. Причиной безпорядковъ выставляется, обыкновенно, недовольство киргизъ новыми порядками, но объясненіе это, въ виду своего слишкомъ общаго характера, мало разъясняетъ истинный смыслъ явленія. Наряду съ „отлагавшимися" были, наоборотъ, очень довольные, которые не только не возмущались противъ русской власти, а просили даже о присылкѣ къ себѣ казачьихъ отрядовъ. Г. Добросмысловъ

*) Первые четыре очерка настоящихъ „Матеріаловъ" помѣщены въ изданныхъ Семипалатинскимъ Обл. Статистическимъ Комитетомъ Памятныхъ Книжкахъ Семипалатинской области на 1900 и 1902 г.г.

въ своемъ историческомъ очеркѣ Тургайской области[1]) указываетъ, какъ на главную причину волненій среди киргизъ во второй четверти мин. ст., на недовольство киргизскихъ султановъ на упраздненіе ханской и сокращеніе ихъ собственной власти. Но въ Средней ордѣ ханское званіе далеко не имѣло той силы, какъ въ Малой ордѣ, а во вторыхъ, не выяснено даже, когда султаны имѣли больше власти, до или послѣ открытія округовъ. Въ частности, въ округахъ Средней орды, входящихъ въ настоящее время въ составъ Семипалатинской области, общаго движенія киргизской знати къ возстановленію ханскаго званія не могло быть уже потому, что самыя могущественныя племена, жившія въ этихъ округахъ, найманцы и аргынцы, управлялись султанами изъ разныхъ ханскихъ линій[2]), генеалогическое единство которыхъ, признаваемое киргизами, въ реальной жизни имѣло очень мало значенія. И дѣйствительно, въ Каркаралинскомъ округѣ, гдѣ во главѣ волостей стояли потомки хана Букея, большинство ихъ, въ періодъ волненій, не только остались на сторонѣ русской власти, но открыто враждовали съ самымъ виднымъ вождемъ возставшихъ киргизъ, Кенесары Касымовымъ. Въ Аягузскомъ округѣ противъ русской власти боролся только извѣстный султанъ Сиванкулъ Ханхожинъ, но его борьба была вызвана исключительно тѣмъ, что при открытіи округа власть захватилъ не онъ, а давно враждовавшій съ нимъ султанъ Сартъ Ючинъ (Джочинъ).

Въ числѣ причинъ волненій среди киргизъ можно, конечно, указать на вражду между отдѣльными родами, на султанскія распри, на сборъ ясака и т. д., и т. д. Но въ сущности всѣ такія указанія въ настоящее время имѣютъ характеръ лишь предположеній, а не выводовъ на основаніи детально разработанныхъ данныхъ изъ исторіи Средней киргизской орды. Какъ мнѣ приходилось уже говорить въ дру-

[1]) Извѣстія Оренбург. Отдѣла И. Р. Географ. О—ва, в. 17, стр. 342.

[2]) См. мою «Замѣтку о киргиз. родахъ и султанахъ» въ Памятной Книжкѣ Семипалатинской области на 1902 г.

гомъ мѣстѣ, пока разрабатывалась преимущественно исторія Малой орды, свѣдѣнія же о Большой и особенно Средней ордѣ отличаются крайней неполнотой, почему о правильномъ освѣщеніи фактовъ, а тѣмъ болѣе о соціологическихъ выводахъ не можетъ быть рѣчи. Изслѣдователю исторіи Средней киргизской орды приходится поэтому ограничиться собираніемъ и группировкой архивныхъ матеріаловъ, воздерживаясь отъ заманчивыхъ обобщеній и широкихъ картинъ. Конечно, у каждаго, кто занимается такой работой, складывается своя схема киргизской исторіи, образуется свое пониманіе ея фактовъ, но все это изъ области гипотезъ пока не выходитъ и можетъ служить лишь руководящей нитью при дальнѣйшей работѣ.

Настоящій очеркъ изъ серіи моихъ „Матеріаловъ для исторіи Степного края“, какъ и предыдущіе, представляетъ собою сводку данныхъ изъ архивныхъ дѣлъ, хранящихся при Семипалатинскомъ Областномъ Правленіи и Каркаралинскомъ Уѣздномъ Управленіи. Очевидная и крайне досадная для меня неполнота очерка[1]) объясняется исключительно неполнотой указанныхъ данныхъ. Благодаря ей я вынужденъ былъ начать описаніе киргизскихъ волненій въ Каркаралинскомъ округѣ лишь съ самаго конца 30-хъ годовъ мин. ст., хотя они начались значительно ранѣе. Что касается изложенной въ настоящемъ очеркѣ исторіи за то же время Аягузскаго округа, то для болѣе полнаго уясненія происходившихъ тамъ событій я долженъ указать на другой свой очеркъ, спеціально посвященный исторіи открытія этого округа.

Наибольшей силы смуты въ Каркаралинскомъ округѣ, послѣ его открытія, достигли въ 1838 г. Съ ихъ усмиренія я и начинаю свой очеркъ. Напомню, что въ это время дѣйствовалъ противъ русскихъ Кенесары Касымовъ, имя котораго пользовалось большой извѣстностью и среди каркара-

[1]) Ея, конечно, не было бы, еслибъ я имѣлъ возможность поработать въ главномъ архивѣ всего Степного Края, находящемся въ Омскѣ, пока же я даю все, что можно было добыть въ Семипалатинскѣ и Каркаралахъ.

линскихъ киргизъ. Какъ я сказалъ выше, безпорядки среди послѣднихъ выразились, главнымъ образомъ, въ „отложеніи", въ массовомъ уходѣ за Балхашъ, гдѣ въ то время собиралась со всѣхъ сторонъ киргизская вольница. Волненія не ограничились Каркаралинскомъ округомъ, а захватили и сосѣдніе съ нимъ Акмолинскій, Баянъ-Аульскій и др. округа, входившіе въ составъ тогдашняго Западно-Сибирскаго Генералъ-Губернаторства. Но ихъ исторіи, за неимѣніемъ подъ руками архивныхъ матеріаловъ, касаться я не буду.

I.

Чтобы положить конецъ смутамъ въ степи, Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири князь Горчаковъ испросилъ въ 1839 г. Высочайшее разрѣшеніе на командированіе въ округа особыхъ отрядовъ, которые должны были принять мѣры къ возвращенію отложившихся волостей. На послѣднія рѣшено было наложить контрибуцію, какъ это и прежде не разъ дѣлалось въ Западно-Сибирскомъ Генералъ-Губернаторствѣ[1]). Для руководства при взысканіи контрибуціи отрядамъ и Приказамъ была дана княземъ Горчаковымъ инструкція, которую я привожу дословно, какъ любопытный образчикъ тогдашнихъ репрессивныхъ мѣръ противъ киргизъ. Инструкція эта, подъ названіемъ *„постановленій для взысканія контрибуціи съ киргизъ отложившихся волостей въ истекшемъ 1838 году"*, состояла изъ слѣдующихъ 6 пунктовъ съ примѣчаніями:

„1) Съ киргизъ, возвратившихся добровольно въ истекшемъ 1838 и въ началѣ сего года до выступленія отрядовъ въ степь, никакой контрибуціи не взыскивать, а собрать только безнедоимочно ясакъ по принадлежности. съ тѣхъ только киргизъ, коимъ истекло льготное время и которые были уже обложены онымъ[2]). вмѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ

[1]) См. Приложеніе I.

[2]) По уставу о сибирскихъ киргизахъ, на основаніи котораго открывались въ Западно-Сибирскомъ Генералъ-Губернаторствѣ округа въ киргизской степи, при открытіе каждаго округа мѣстные киргизы пользовались 5-лѣтней льготой отъ податей.

непремѣнную ихъ обязанность по степнымъ обычаямъ удовлетворить ограбленныхъ ими торговцевъ и другіе убытки, нанесенные во время послѣднихъ безпокойствъ казнѣ или частнымъ лицамъ и лежащіе на прямой ихъ отвѣтственности.

„2). Съ отложившихся киргизъ, бывшихъ причисленными къ округамъ и понынѣ еще не возвратившихся къ своимъ мѣстамъ, по приближеніи нашихъ отрядовъ, могущихъ возвратиться хотя бы и безъ сопротивленія, наказывать взысканіемъ тройного ясака, т. е. по 6 гол. со 100, и сверхъ того объявить имъ, что они обязываются непремѣнно удовлетворить за похищенное непосредственно ими по степнымъ обычаямъ.

„*Примѣчаніе*. Со 100 взрослыхъ, 200 одного и двухгодовалыхъ и 400 жеребятъ по 6 лошадей отъ 3 до 9 лѣтъ, годныхъ къ фронту или упряжи, не стѣсняя въ семъ случаѣ отдатчиковъ на основаніи 3394 ст. 2-го тома Свода законовъ, въ коей сказано: „принимая ясакъ, не дѣлать излишней браковки, лишь бы только рогатый скотъ былъ здоровъ, а лошади годны къ употребленію“. Со 100 штукъ крупнаго рогатаго скота, 200 одного и двухгодовалыхъ и 400 телятъ взимать по 6 быковъ или коровъ средней величины безъ особаго выбора. Со 100 барановъ, исключая ягнятъ (съ коихъ не взимать контрибуціи), брать по 6 барановъ средней величины. Со 100 рабочихъ верблюдовъ брать по 6 годныхъ къ перевозкѣ тяжестей.

„3) Съ киргизъ, вошедшихъ равномѣрно въ составъ округовъ, которые будутъ оказывать сопротивленіе или удалятся въ глубь степи и возвратятся оружіемъ, взыскивать въ штрафъ пятую долю всего ихъ скота и, сверхъ того, объявить, что они должны удовлетворить лично ими обиженныхъ по степнымъ обычаямъ.

„*Примѣчаніе*. Съ 10 головъ брать по 2 въ совершенно равной соразмѣрности ихъ скота, т. е. съ 10 жеребцовъ 2, съ 10 кобылъ 2, съ 10 кобылъ матокъ 2, съ 10 быковъ 2, съ 10 коровъ 2, съ 10 коровъ матокъ 2, съ 10 барановъ 2, съ 10 овецъ 2, съ 10 овецъ матокъ 2, съ 10 верблюдовъ, употребляемыхъ для перевоза тяжестей, 2 и съ 10 нерабочихъ 2.

„4) Съ волостями, принадлежащими собственно Кенисарѣ Касимову и ближайшимъ его сообщникамъ, непринявшимъ вѣрноподданнической присяги, и не зачисленными въ составъ округовъ, наипаче, при малѣйшемъ сопротивленіи, поступить какъ съ непріятелями.

„5) Контрибуцію взыскивать со всевозможною справедливостію, для записыванія же взимаемой препровождается при семъ 5 тетрадей, въ которыхъ сверхъ записки прилагать печати или своеручныя росписки волостныхъ управителей и другихъ старшинъ въ количествѣ взысканнаго съ нихъ штрафа и выдавать квитанціи, при семъ приложенныя, занося оныя съ полною ясностію подъ статью, куда записанъ приходомъ взятый скотъ.

„6) Буде кто пожелаетъ вмѣсто скота внести деньгами, то принимать оныя безпрекословно по утвержденнымъ цѣнамъ: за лошадь по 45 р., быка 30 р. и барана по 3 р., записывая въ тоже время оные приходомъ, и выдавать квитанціи.

„*Примѣчанія:* 1) Мѣры удовлетворенія, означенныя въ помянутыхъ пунктахъ, не распространяются на отбарантованное киргизами между собой, коимъ предоставить по оному разбирательства по введенному порядку. 2) 2-й и 3-й пункты постановленія принять за постоянное правило и въ отношеніи тѣхъ волостей, которыя на будущее время, предпринявъ побѣгъ, будутъ возвращены посылкою за ними отрядовъ“[1]).

Получивъ изложенное распоряженіе Генералъ-Губернатора, Пограничный начальникъ[2]) полковникъ Ладыженскій, съ своей стороны, далъ Приказамъ подробныя наставленія, какъ должна взыскиваться съ киргизъ контрибуція, съ указаніемъ, что „Его Величество, соизволивъ одобрить эту мѣру нака-

[1]) Въ концѣ 1839 г. послѣдовало разъясненіе Генералъ-Губернатора, чтобы взимаемые въ контрибуцію лошади и скотъ „были сыты тѣломъ, а первые чтобъ были совершенно годны къ строевой казачьей службѣ“. Кромѣ того, вмѣсто верблюдовъ велѣно было брать лошадей, безъ всякой разцѣнки, т. е. вмѣсто каждаго верблюда по одной лошади.

[2]) Пограничное Управленіе было учреждено для завѣдыванія киргизскими округами 6 апрѣля 1838 г. взамѣнъ упраздненной Омской области, въ составъ которой входили эти округа.

занія непокорныхъ киргизъ, въ тоже время, по неизрѣченному милосердію своему, благоволилъ возложить на особую попечительность Его Сіятельства Г. Генералъ-Губернатора строгое и неослабное наблюденіе, чтобъ при взысканіи контрибуціи и въ распредѣленіи ея была наблюдаема возможная справедливость и безпристрастіе, чтобъ при этомъ не допускались никакія злоупотребленія и чтобъ самые киргизы не были напрасно притѣсняемы"[1]). Экзекуціонные отряды должны были состоять не менѣе какъ изъ 150 казаковъ при одномъ конно-артиллерійскомъ орудіи, съ отряднымъ начальникомъ во главѣ и при одномъ изъ членовъ Приказа съ двумя толмачами. Согласно съ наставленіями полковника Ладыженскаго, отряды, по достиженіи отложившихся волостей, тотчасъ должны были захватывать почетнѣйшихъ старшинъ, біевъ и волостныхъ управителей, хотя бы силой оружія, если волостью будетъ оказано сопротивленіе. Захваченные біи и проч. должны были оставаться заложниками, волости же—направляться на мѣста ихъ обычныхъ кочевокъ. Лошадей для передвиженія отрядовъ и скотъ для ихъ продовольствія обязаны были доставлять тѣ же киргизы, но не иначе, какъ съ выдачей имъ, въ полученіи того и другого, квитанцій. Затѣмъ, на обратномъ пути отрядные начальники должны были приступить къ сбору контрибуціи, для чего въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ еще не было исчисленія скота, они обязаны были произвести перечетъ его при помощи находившихся при отрядахъ взятыхъ въ заложники біевъ и пр. Раскладка контрибуціи, величина которой опредѣлялась соразмѣрно числу скота въ волости, предоставлялась самимъ киргизамъ. Вмѣстѣ со сборомъ контрибуціи отрядные начальники должны были собирать безнедоимочно и ясакъ съ тѣхъ волостей, которыя до удаленія изъ предѣловъ округа были имъ обложены, но своевременно его не уплатили. Также предписано было поступать и съ застигнутыми отрядомъ волостями изъ другихъ округовъ. Собранный скотъ, смотря

[1]) Всѣ цитаты въ настоящей статьѣ безъ обозначенія источниковъ взяты изъ архивныхъ дѣлъ.

по мѣстнымъ условіямъ, могъ или держаться при отрядахъ, или отсылаться, подъ росписки, въ Приказы, послѣдніе же обязаны были отправлять его „при удобномъ случаѣ съ благонадежнымъ прикрытіемъ, а если въ значительномъ числѣ, то непремѣнно при офицерѣ“ въ Семіярскъ, гдѣ сдавать въ „вѣдѣніе“ командира 7-го казачьяго линейнаго полка есаула Потанина. Наконецъ, согласно волѣ Генералъ-Губернатора, полковникъ Ладыженскій въ тѣхъ же наставленіяхъ предписалъ, чтобы отрядные начальники и члены Приказовъ не вмѣшивались въ киргизскія „междуусобныя претензіи“, а только сдѣлали распоряженіе, „дабы всѣ дѣла между киргизами и удовлетвореніе ограбленныхъ ими (т. е. отложившимися) торговцевъ были окончены въ теченіе года по степнымъ обычаямъ“.

Въ Каркаралинскомъ округѣ отрядъ, подъ начальствомъ мѣстнаго отряднаго начальника сотника Реброва, выступилъ въ походъ изъ Каркараловъ 19 мая 1839 г. Приказомъ были прикомандированы къ отряду членъ Приказа Шушеринъ и толмачи Кошкаровъ и Ждановъ. Отрядъ, согласно распоряженію полковника Ладыженскаго, былъ сформированъ изъ 150 казаковъ при одномъ конно-артиллерійскомъ орудіи, съ запасомъ провіанта на 1½ мѣсяца. По рѣшенію Приказа, отрядъ долженъ былъ держать путь къ Актаускому укрѣпленію[1]), такъ какъ этой дорогой должны были возвращаться обратно отложившіяся волости, находившія себѣ временное пристанище у р. Чу. Въ сущности Каркаралинскому отряду предстояло очень мало работы, такъ какъ большая часть отлагавшихся киргизъ Каркаралинскаго округа[2]), повидимому, вернулась обратно до выступленія отряда, и Шушеринъ успѣлъ даже собрать съ нихъ ясакъ за 1838 годъ. На Чу, по свѣдѣніямъ Шушерина, находилась, между проч., часть киргизъ Карсонъ-Кирнеевской и Альтекэ-Сарымовской воло-

[1]) Актауское укрѣпленіе было устроено въ 1837 г. Укрѣпленіемъ завѣдывалъ особый комендантъ, обязанный наблюдать за кочевниками. Одновременно была устроена сѣть казачьихъ пикетовъ между Актау, Акмолами, Учъ-Булакомъ, Николаевской станицей, Петропавловскомъ и Кокчетавомъ.

[2]) См. Приложеніе II.

стей, но и тѣ готовились уже къ возвращенію обратно правой стороной р. Актау. Кромѣ каркаралинскихъ киргизъ, отряду предстояло вернуть обратно еще киргизъ двухъ волостей сосѣдняго Баянъ-Аульскаго округа, именно Кулюкъ-Каржасской и Сатылганъ-Алтынъ-Туринской, также находившихся въ отложеніи. Въ первой волости управителемъ былъ извѣстный Муса Чормановъ (бій), во второй бій Укубай Найзобековъ.

Отрядъ, какъ ожидалось, не встрѣтилъ на своемъ пути никакихъ затрудненій, и всѣ его распоряженія исполнялись киргизами безпрекословно. Первыми „мятежниками", встрѣченными отрядомъ, были спѣшившіе домой киргизы рода Баймуратъ изъ Карсонъ-Кирнеевской волости, въ числѣ 31 юрты. Съ нихъ тотчасъ же былъ взысканъ ясакъ за 1838 и 1839 года въ количествѣ 30 лошадей (съ 1566), 1 быка (съ 78 штукъ рогатаго скота) и 37 барановъ (съ 1890) и деньгами 58 р. 90 к. и собрано въ контрибуцію 93 лошади, 3 быка, 111 барановъ и деньгами 16 р. 80 к.[1]). Кромѣ того, „по вновь сдѣланному исчисленію" тѣ же 31 юрта уплатили за 200 своихъ верблюдовъ 12 штукъ этого скота[2]). Затѣмъ въ іюнѣ отрядъ поймалъ нѣсколько возвращавшихся обратно кибитокъ Альтекэ-Сарымовской волости, съ которыхъ и было взыскано въ ясакъ за 1838—1839 года и въ штрафъ всего 7 лошадей, 3 быка и 98 барановъ и деньгами 36 р. 80 к. Скотъ и деньги препровождались въ Приказъ. Этимъ дѣятельность отряда и закончилась: полковникъ Ладыженскій распорядился о немедленномъ возвращеніи его

[1]) При взысканіи контрибуціи съ этихъ киргизъ сотникъ Ребровъ и засѣдатель Шушеринъ встрѣтили нѣсколько затрудненій, о чемъ и сообщили немедленно въ Приказъ. По инструкціи князя Горчакова, при взысканіи контрибуціи исчисленіе скота надлежало производить только въ томъ случаѣ, если оно не было сдѣлано раньше, и въ тоже время предписывалось взыскивать штрафъ, сообразуясь съ возрастомъ скота, хотя въ производившихся ранѣе исчисленіяхъ никакого дѣленія скота по возрастамъ не дѣлалось и весь онъ считался за взрослый.

[2]) Впослѣдствіи отъ этихъ 31 юрты, отъ имени, вѣроятно, ихъ аксакала Арына Кенджегарина, поступила жалоба на Шушерина объ излишнихъ поборахъ не только скотомъ, но и вещами. Кенджегаринъ указывалъ, что онъ вернулся съ р. Чу въ округъ добровольно „по пригласительному письму Актаускаго коменданта, дождавшись удобнаго для перекочевки времени". По разслѣдованіи жалоба Кенджегарина была „оставлена безъ послѣдствій".

обратно, такъ какъ находившійся при отрядѣ засѣдатель Шушеринъ былъ необходимъ для слѣдствія по дѣлу о нападеніи киргизъ на переводчика Червева. Вслѣдствіе этого распоряженія отрядъ, безъ всякихъ потерь, вернулся въ Каркаралы 11 іюня, пробывъ въ походѣ всего около трехъ недѣль.

Контрибуціонный скотъ предназначался на удовлетвореніе лицъ, ограбленныхъ киргизами. По распоряженію Генералъ-Губернатора, весь подобный скотъ долженъ былъ сдаваться на правомъ флангѣ линіи коменданту г. Петропавловска, а на лѣвомъ въ форпостѣ Семіярскомъ командиру 7-го казачьяго полка есаулу Потанину[1]). Какихъ хлопотъ стоило такое передвиженіе скота, видно изъ того, что для отправки изъ Каркараловъ въ Семіярскій форпостъ сравнительно незначительнаго количества скота, взысканнаго Каркаралинскимъ отрядомъ, потребовался конвой изъ 30 казаковъ съ 2 урядниками. На перегонъ скота конвой употребилъ около трехъ недѣль и сдалъ его въ довольно печальномъ видѣ, съ искалеченными спинами, ногами и проч., а изъ лошадей нѣкоторыя оказались даже больными сапомъ. Вѣроятно, такіе случаи были не рѣдки и при отправкѣ скота изъ другихъ округовъ, потому что вскорѣ послѣдовало отъ Генералъ-Губернатора распоряженіе, чтобы на линіи отнюдь не посылались лошади, „одержимыя прилипчивыми болѣзнями“, а держались бы при отрядахъ до полнаго выздоровленія, и чтобы взятый въ контрибуцію и отбитый у киргизъ крупный рогатый и мелкій скотъ, вмѣсто отправки, употреблялся на провіантъ казаковъ, по опредѣленнымъ цѣнамъ.

II.

Для увеличенія незначительныхъ русскихъ силъ въ Каркаралинскомъ округѣ весной того же 1839 года, когда Шушерину и Реброву было поручено собирать съ киргизъ кон-

[1]) Послѣдній сдавалъ его, въ свою очередь, въ особую Коммиссію, „учрежденную въ Семипалатинскѣ для продажи отбитаго скота“.

трибуціонный скотъ, въ Каркаралы былъ командированъ сотникъ Волковъ съ отрядомъ изъ 200 казаковъ. Казаки прибыли въ Каркаралы къ 1 мая и, наравнѣ съ мѣстными отрядными казаками, поступили временно въ распоряженіе Приказа. Только въ половинѣ іюля, въ виду извѣстій о передвиженіяхъ въ степи Кенесары Касымова, Волковъ получилъ отъ Генералъ-Губернатора предписаніе двинуться немедленно съ своимъ отрядомъ на Тленынъ-Чатскій пикетъ, причемъ Приказъ долженъ былъ дать ему изъ числа контрибуціоннаго скота 200 заводныхъ лошадей, а въ случаѣ недостатка послѣднихъ, потребовать лошадей отъ киргизъ черезъ Старшаго султана, который, помимо того, обязывался дать Волкову „до 50 самыхъ благонадежныхъ киргизъ въ проводники".

Предписаніе объ отправкѣ Волкова на Тленынъ-Чатскій пикетъ застало Приказъ и отрядпаго начальника Реброва совершенно къ этому не подготовленными: контрибуціонный скотъ былъ уже отправленъ въ Семіярскій форпостъ, а значительная часть казаковъ была „раскомандирована". Въ степь по разнымъ дѣламъ были посланы Приказомъ засѣдатель Нѣговскій и нѣсколько толмачей и при каждомъ изъ нихъ находились небольшіе казачьи отряды, такъ что для сформированія отряда для Волкова пришлось посылать нарочныхъ для возвращенія казаковъ въ Каркаралы[1]). Наконецъ, 24 іюля отрядъ былъ сформированъ и выступилъ въ походъ, причемъ Волковъ, по распоряженію Приказа, долженъ былъ сначала направиться на р. Большую Нуру, чтобы получить отъ находившагося тамъ засѣдателя Нѣговскаго заводныхъ лошадей, а также проводниковъ. Для взиманія съ киргизъ вьючныхъ лошадей Волкову было выдано Приказомъ особое „открытое предписаніе на имя волостныхъ управителей, ро-

[1]) Лѣтомъ 1839 г. въ Каркаралинскомъ отрядѣ числилось:

	Оберъ-офицеровъ.	Урядниковъ.	Нижнихъ чиновъ.
Годичныхъ — — —	3	11	106
Водворившихся —	„	8	45
Присланныхъ для Усиленія отряда	1	17	196
Всего —	4	36	347

доначальниковъ и старшинъ". До большой Нуры отрядъ сопровождали старшій султанъ Каркаралинскаго округа Турсунъ Чингисовъ и султанъ Кушпекъ Таукинъ, которые вмѣстѣ съ Нѣговскимъ обязаны были собрать для отряда лошадей и проводниковъ. Къ мѣсту стоянки Нѣговскаго Волковъ прибылъ 29 іюля и здѣсь тотчасъ получилъ все необходимое. Часть лошадей была ему дана изъ числа „отбитыхъ" Нѣговскимъ у „мятежныхъ" киргизъ[1]), большая же часть была собрана съ волостей Куянчи-Тагаевской, Карсонъ-Кирнеевской и Альтекэ-Сарымовской, гдѣ Нѣговскій находился въ командировкѣ. Изъ тѣхъ же волостей были взяты и проводники. На другой день, 30 іюля, Волковъ отправился въ путь.

Въ архивныхъ дѣлахъ, какими я имѣлъ возможность пользоваться, имѣются лишь крайне отрывочныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ отряда Волкова въ степи, гдѣ онъ пробылъ до 9 октября, т. е. больше двухъ мѣсяцевъ. Изъ одного сообщенія Волкова въ Акмолинскій Приказъ видно, что Кенесары нападалъ на Волкова „въ полуторыхъ тысячахъ человѣкъ" въ ночь на 2 октября въ 30 вер. отъ Тленынъ-Чатскаго пикета, но Волковъ „удачнымъ движеніемъ отразилъ разбойника и прогналъ отъ отряда съ потерею его трехъ человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ, нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными". Это произошло уже на возвратномъ пути Волкова въ Каркаралы и онъ о случившемся „объявлялъ встрѣчаемымъ волостямъ, чтобъ были въ осторожности и кочевали ближе къ Каркараламъ", что тѣми и было исполнено. Затѣмъ, судя по другому донесенію Волкова, можно заключить, что онъ „возвратилъ съ Голодной степи" какіе то киргизскіе аулы, причемъ двухъ киргизъ изъ этихъ ауловъ счелъ необходимымъ арестовать въ виду ихъ попытки бѣжать къ Кенесары. Двое послѣднихъ киргизъ вмѣстѣ съ

[1]) Изъ донесенія Нѣговскаго въ Приказъ видно, что у него находилось въ это время 313 „захваченныхъ лошадей". Выдать изъ нихъ Волкову 200 заводныхъ лошадей, какъ первоначально распорядился Приказъ, онъ не нашелъ возможнымъ, „потому что по слѣдствію, производимому (имъ) объ этихъ лошадяхъ, открываются настоящіе имъ хозяева, возвратившіеся изглубь степи, кромѣ 25".

тремя взятыми въ плѣнъ изъ отряда Кенесары были потомъ сданы Волковымъ въ Каркаралинскій Приказъ для „содержанія ихъ подъ строгимъ гауптвахтеннымъ карауломъ“ впредь до распоряженія Генералъ-Губернатора[1]). Наконецъ, еще изъ одного донесенія Волкова видно, что имъ во время своего похода было взято въ контрибуцію и „отбито“ у киргизъ много разнаго скота, въ томъ числѣ 2000 лошадей. 17 октября Волковъ со всѣмъ своимъ отрядомъ и этими лошадьми, вслѣдствіе полученнаго предписанія, вышелъ изъ Каркараловъ и отправился на линію въ Семіярскій форпостъ.

Судя по отрывочнымъ свѣдѣніямъ въ дѣлахъ бывшаго Каркаралинскаго Приказа, лѣтомъ слѣдующаго 1840 г. каркаралинскій отрядъ, подъ начальствомъ сотника Реброва и съ засѣдателемъ Приказа Шушеринымъ, опять ходилъ въ степь „противу мятежныхъ скопищъ“. Во время этого похода отрядъ „разбилъ“ десять ауловъ Баганалинской волости, причемъ было захвачено 60 лошадей, 1776 барановъ, 70 верблюдовъ и 3 головы рогатаго скота.

Къ началу 1841 г. всѣ отлагавшіеся киргизы Каркалинскаго округа, кажется, вернулись въ свои волости. Всего, по свѣдѣніямъ Приказа, находилось въ отложеніи 4602 кибитки, т. е. приблизительно около 20 т. человѣкъ[2]). Изъ числа этихъ киргизъ болѣе подробныя свѣдѣнія мнѣ удалось найти только о киргизахъ Альтекэ-Сарымовской, Карсонъ-Кирнеевской и Куянчи-Тагаевской волостей, откуда за Балхашъ уходило около половины всѣхъ кибитокъ. Вернувшись изъ забалхашскихъ степей, киргизы этихъ волостей первоначально въ самый Каркаралинскій округъ не пошли, а остались кочевать около Актаускаго укрѣпленія, коменданту котораго Пограничный начальникъ полковникъ Ладыженскій предписалъ въ сентябрѣ 1839 года оказывать кочевавшимъ вблизи укрѣпленія киргизамъ «покровительство и въ нужныхъ случаяхъ защиту». Пользуясь отдаленностью отъ Кар-

[1]) Киргизы эти были потомъ преданы военному суду „какъ соучастники въ мятежѣ и прочихъ законопротивныхъ поступкахъ бунтовщика Кенесары“.

[2]) См. Приложеніе II.

караловъ, киргизы, какъ доносилъ Приказъ Пограничному начальнику, перестали исполнять предъявлявшіяся къ нимъ требованія, ясака не вносили и проч., почему Приказъ обратился съ просьбой о разрѣшеніи перевести этихъ киргизъ съ Актау въ округъ. О томъ уже просили и управители Альтекэ-Сарымовской (султанъ Газы Букеевъ), Куянчи-Тагаевской (Шанхай Ишимовъ) и Карсонъ-Кирпеевской (Худайменды Газинъ) волостей. Со стороны Пограничнаго Управленія препятствій къ такому водворенію не встрѣтилось, и Приказъ командировалъ на Актау лѣтомъ 1840 г. сотника Измайлова съ толмачами Суворовымъ и Михайловымъ, къ которымъ, съ разрѣшенія Приказа, присоединился для оказанія содѣйствія султанъ Худайменды Газинъ. Киргизы силой были отправлены въ округъ, причемъ дѣло не обошлось безъ обычныхъ тогда злоупотребленій: помимо жалобъ на насилія, киргизы обвиняли толмача Суворова въ поборахъ, а султана Худайменды—въ захватѣ скота. Такъ какъ послѣдній обвинялся еще въ нѣсколькихъ тяжкихъ преступленіяхъ (о чемъ будетъ сказано ниже) и о немъ вообще были извѣстія, что своими притѣсненіями султанъ этотъ вынудилъ даже киргизъ къ самой откочевкѣ изъ округа, то Пограничное Управленіе сочло необходимымъ произвести о его дѣйствіяхъ особо тщательное разслѣдованіе, для чего въ Каркаралинскій округъ былъ командированъ, въ качествѣ слѣдователя, подполковникъ Пассекъ[1])

III.

Упомянутый въ предыдущей главѣ султанъ Худайменды Газинъ (Султангазинъ) сдѣлался впослѣдствіи однимъ изъ наиболѣе видныхъ сторонниковъ Кенесары Касымова среди киргизъ Каркаралинскаго округа. Извѣстность Худайменды началась, кажется, съ 1833—1834 г.г., когда у него про-

[1]) Въ архивныхъ дѣлахъ есть указаніе, что Пассеку, между проч., было передано Пограничнымъ Начальникомъ какое то „частное письмо засѣдателя Шушерина о причинѣ отложенія киргизъ".

изошло крупное столкновеніе съ частью киргизъ Альтекэ-Сарымовской волости, сопровождавшееся взаимной барантой и убійствомъ съ той и другой стороны нѣсколькихъ человѣкъ[1]). Вѣроятно, на Худайменды было не мало и другихъ жалобъ, потому что въ 1837 году Начальникомъ Омской области было предписано смѣстить Худайменды[2]) съ должности управителя Карсонъ-Кирнеевской волости за его «стѣснительныя, противныя закону и несоотвѣтственныя должности волостного управителя дѣйствія». Смуты въ округѣ въ 1838 г. спасли Худайменды отъ этого униженія и даже дали ему возможность дѣйствовать еще смѣлѣе. Вообще это было очень удобное время для всѣхъ любящихъ поживиться на чужой счетъ, и Худайменды, подъ маской преданности правительству, усердно занимался захватомъ чужого скота. Здѣсь я разскажу исторію одного изъ его грабежей, закончившихся обвиненіемъ Худайменды въ сопротивленіи властямъ. Въ началѣ октября 1838 г. въ Каркаралинскій Окружный Приказъ явился киргизъ Айдабульской волости Баянъ-Аульскаго округа Кылчирбай Турсунбаевъ съ жалобой на Худайменды, что султанъ этотъ незадолго передъ тѣмъ угналъ у него съ родственниками изъ рода Тёртъ-аулъ 366 лошадей. Съ жалобой объ угонѣ тѣхъ же 366 лошадей, но не на самого Газина, а на его теленгутовъ, обратился къ Начальнику Омской области и засѣдатель отъ киргизъ въ Баянъ-Аульскомъ Приказѣ поручикъ Бочтай Турсунбаевъ, вслѣдствіе чего Каркаралинскому Приказу было предписано немедленно произвести разслѣдованіе по жалобамъ Турсунбаевыхъ. Приказъ поручилъ это сдѣлать переводчику Червеву, который въ 1840 г. былъ командированъ для сбора ясака въ кочующія на границѣ съ „Ташкиніей“ волости Альтекэ-Сарымовскую, Куянчи-Тагаевскую и Карсонъ-Кирнеевскую.

---

[1]) Слѣдствіе объ этихъ происшествіяхъ началось въ 1834 г., закончилось же дѣло въ Каркаралинскомъ Окружномъ Приказѣ (откуда должно было идти на ревизію въ Обл. Правленіе сиб. кирг.) ... въ 1857 г., т. е. черезъ 23 года! Послѣдніе допросы свидѣтелей производились въ 1845 г.

[2]) Худайменды былъ сыномъ султана Газы или, правильнѣе, Султангазы, одного изъ сыновей хана Букея.

Въ распоряженіи Червева находился отрядъ изъ 10 казаковъ съ урядникомъ; при ихъ содѣйствіи онъ долженъ былъ всѣхъ «противниковъ» представлять немедленно въ Приказъ[1]). Съ тѣмъ же отрядомъ отправились въ степь командированный Баянъ-Аульскимъ Приказомъ для разбора дѣла Турсунбаевыхъ толмачъ Еманаковъ и, отъ имени истцовъ, киргизы того же округа біи Базиль Турсунбаевъ, Айтпай Чонгинъ и Биты Джамановъ. По „спопутности“ Червеву, кромѣ того, было поручено вызвать въ Приказъ „подъ благовиднымъ предлогомъ, отнюдь не объявляя прямой надобности“, сыновей султана Урмака Абитеева Тортана и Коске, которыхъ управлявшій Омской областью въ сентябрѣ 1838 г. приказалъ посадить на недѣлю „подъ гауптвахтенный караулъ“ за „баранты и разстройства киргизовъ“.

Какъ только отрядъ сталъ приближаться къ мѣсту кочевки Худайменды, до Червева начали доходить слухи, будто Худайменды, узнавъ о приближеніи къ нему русскихъ съ тёртъаульцами, собралъ „значительное скопище“ изъ своихъ приверженцевъ и рѣшилъ напасть на отрядъ и прогнать его. какъ это сдѣлалъ незадолго до того съ толмачемъ Елгинымъ старшина Джаманкулъ. Червевъ сначала не вѣрилъ подобнымъ слухамъ, но когда, прибывъ въ аулъ султана Абулгазы Букеева, услышалъ тоже самое и отъ него, рѣшился принять мѣры предосторожности. По словамъ того же Букеева, на урочище Уйрантау, гдѣ былъ расположенъ его аулъ, прикочевали было Тортанъ и Коске Урмаковы, которыхъ Червеву приказано было арестовать, но онъ долженъ былъ отказаться и отъ этого, такъ какъ Коске за нѣсколько дней до его прибытія откочевалъ къ Худайменды, Тортана же, во избѣжаніе недоразумѣній, Червевъ рѣшилъ взять на обратномъ пути. Надѣясь лучше выполнить возложенныя порученія при посредничествѣ почетныхъ киргизъ, Червевъ пригласилъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ Худайменды султана Абулгазы, на что тотъ согласился подъ

[1]) Передъ этимъ собрать ясакъ за 1838 г. съ названныхъ волостей поручалось толмачу Елгину, но онъ сдѣлать этого не могъ въ виду сопротивленія киргизъ.

условіемъ, чтобы по дорогѣ пригласить еще отца Худайменды султана Газы. Но послѣдній, когда Червевъ пріѣхалъ въ его аулъ на р. Токрау, ѣхать къ сыну отказался, говоря, что такого „разбойника и барантовщика“ онъ не хочетъ видѣть. Конечно, это была пустая отговорка. Правда, когда Худайменды ограбилъ тёртъаульцевъ, его отецъ вмѣстѣ съ султаномъ Абулгазы, какъ передали Червеву, стали, было, совѣтывать Худайменды прекратить занятіе барантой, чѣмъ такъ его разсердили, что онъ ограбилъ нѣсколько самихъ совѣтниковъ, даже отца. Но потомъ Худайменды съ ними помирился, причемъ уступилъ своему отцу небольшую часть отбарантованныхъ у тёртъаульцевъ лошадей. Вотъ на эту то ссору съ сыномъ и намекалъ Газы, отказываясь къ нему ѣхать, послѣ чего не рѣшился сопровождать Червева и султанъ Абулгазы, немедленно возвратившійся въ свой аулъ. На просьбы Червева дать ему для содѣйствія какихъ-нибудь почетныхъ киргизъ, Газы указалъ на нѣсколько біевъ, а самъ предупредилъ послѣднихъ, чтобы они отнюдь не ѣздили съ Червевымъ. Положеніе становилось довольно опаснымъ, и поэтому Червевъ рѣшилъ идти сначала на р. Джамчу, гдѣ кочевали недовольные Худайменды киргизы, чтобы взять тамъ почетныхъ людей и тогда уже отправиться къ послѣднему. По дорогѣ, во время ночной стоянки отряда въ 25 вер. отъ аула Худайменды, къ Червеву пріѣхалъ работникъ каркаралинскаго торговца изъ бухарцевъ Фаиза Абдикеева и сообщилъ, что Худайменды готовится отогнать у отряда лошадей. Не смотря на принятыя предосторожности, въ ту же ночь, дѣйствительно, исчезло у казаковъ и тёртъаульцевъ 13 лошадей. Затѣмъ одинъ изъ тертъаульцевъ разузналъ, что султанъ Коске Урмаковъ, собравъ до 150 киргизъ. остановился вер. въ 15 отъ отряда, чтобы, соединясь съ Худайменды, тоже собиравшимъ киргизъ, напасть на тертъаульцевъ, а если ихъ станетъ защищать Червевъ, то драться и съ нимъ. Червевъ перевелъ свой отрядъ на возвышенное мѣсто, и оттуда казаки на самомъ дѣлѣ увидѣли толпу разъѣзжавшихъ киргизъ, человѣкъ

въ 30. Угонъ лошадей оказался также дѣломъ Коске, причемъ ему дѣятельно во всемъ помогалъ киргизъ Кара-Айтымбетевской волости Ульджебай Байджановъ. Этотъ Ульжебай съ Коске, какъ удалось узнать Червеву, группировали вокругъ себя удальцовъ изъ разныхъ волостей, съ которыми и занимались постоянно барантой. Въ это время значительную помощь отряду оказалъ находившійся въ тѣхъ мѣстахъ по торговымъ дѣламъ бухарецъ Фаизъ Абдикеевъ, къ посредничеству котораго прибѣгнулъ Червевъ. Послѣ переговоровъ, Коске не только „уничтожилъ свое скопище", но черезъ нѣсколько дней вернулъ даже похищенныхъ у отряда лошадей. Тогда Червевъ снова рѣшился отправиться къ Худайменды. Путь къ нему шелъ черезъ аулъ Коске и Ульджебая, расположенный въ такомъ ущельѣ среди каменистыхъ горъ, гдѣ, какъ донесъ Червевъ Приказу, „прилично жить однимъ только разбойникамъ". О захватѣ Коске и Ульджебая нельзя было, конечно, и думать. Судя по донесенію Червева, во время переговоровъ его съ Коске послѣдній не отрицалъ, что „живетъ только воровствомъ и грабежами" и не безъ иронiи замѣтилъ, что онъ не „виноватъ за угонъ тертъаульскихъ и подводныхъ лошадей, а виноваты неосторожно караулившіе ихъ киргизы".

Достигнувъ, наконецъ, аула Худайменды, Червевъ предложилъ ему разсчитаться съ тертъаульцами. на что Худайменды согласился, но только потребовалъ, чтобы они открыли ему истинное количество отбарантованныхъ лошадей. Начались оригинальные переговоры, кончившіеся тѣмъ, что тертъаульцы опредѣлили это количество въ 220 (вмѣсто 366), включая 30 лошадей за убытки по разъѣздамъ, Худайменды же больше 55 дать не соглашался, объясняя, что и этихъ лошадей его киргизы не отбарантовали у тертъаульцевъ, а отбили у какихъ то барантачей. Рѣшеніе спора объ остальныхъ лошадяхъ Худайменды предложилъ предоставить біямъ, какихъ должны были избрать обѣ спорящія стороны, но тертъаульцы на это не согласились, требуя, чтобы отвѣтчики явились для разбора дѣла въ Приказъ. Благодаря на-

стояніямъ Червева, Худайменды обѣщалъ собрать отвѣтчиковъ и съ ними лично явиться въ Приказъ.

О своихъ злоключеніяхъ Червевъ нѣсколько разъ сообщалъ въ Приказъ, прося выслать ему на подмогу еще 25 казаковъ, что Приказомъ и было исполнено. Такимъ образомъ возникло въ Приказѣ дѣло „о составленіи скопища султанами Худайменды Газинымъ и Коске Урмаковымъ противъ переводчика Червева", тянувшееся потомъ много лѣтъ. Производство слѣдствія по этому дѣлу Приказъ поручилъ первоначально засѣдателю Шушерину, который весной 1839 года былъ командированъ съ отрядомъ для взысканія контрибуціи съ отложившихся волостей[1]). Шушерину было предписано арестовать Худайменды, Коске и Тортана Урмаковыхъ и другихъ виновныхъ и, кромѣ того, окончить дѣло Турсунбаевыхъ. Послѣ появленія въ степи большого, сравнительно, русскаго отряда, Худайменды оказался гораздо уступчивѣе и поспѣшилъ окончить споръ съ тертъаульцами миромъ, въ чемъ тѣ и дали Шушерину подписку. Гораздо труднѣе было другое порученіе — производство слѣдствія по дѣлу Червева, и Шушеринъ во время своей командировки успѣлъ допросить лишь небольшую часть прикосновенныхъ къ дѣлу киргизъ. Коске Урмаковъ и Ульджебай Байджановъ въ концѣ концовъ сознались въ участіи „въ скопищѣ", но объяснили составленіе его простымъ желаніемъ киргизъ напугать тертъаульцевъ, а не намѣреніемъ напасть на русскихъ. Напротивъ, Худайменды отъ всякаго участія въ безпорядкахъ отрекся, указывая даже, что онъ всѣми мѣрами старался ихъ прекратить и вообщее оказывалъ русскимъ не сопротивленіе, а помощь. Десять киргизъ были взяты подъ стражу, въ томъ числѣ сознавшіеся въ своей винѣ султанъ Коске и Ульджебай. Но въ Пограничномъ Управленіи на первыхъ порахъ всему этому дѣлу не было придано серьезнаго значенія, вслѣдствіе чего было приказано „не стѣснять Газина"[2]),

[1]) См. выше гл. I.

[2]) Пограничный Начальникъ нашелъ, что „султанъ Худайменды Газинъ безусловнымъ исполненіемъ разныхъ приказаній его и Приказа устраняетъ всякое сомнѣніе въ уклоненіи отъ дѣлъ".

арестованныхъ же было разрѣшено отдать на поруки.

Разслѣдованіе дѣла, какъ сказано выше, продолжалось многіе годы. Одни допрошенные дѣлали ссылки на другихъ, тѣ опять указывали на новыхъ лицъ и т. д., и т. д. Послѣдніе допросы по дѣлу происходили въ 1846 г., т. е. спустя семь лѣтъ послѣ происшествія, когда, конечно, самыя воспоминанія о немъ не могли отличаться особой точностью. Дѣло успѣло перебывать за это время у многихъ засѣдателей, изъ главныхъ же обвиняемыхъ султану Худайменды, какъ будетъ описано ниже, удалось бѣжать къ Кенесары. Наконецъ, по требованію Генералъ-Губернатора злополучное дѣло было отправлено Приказомъ въ 1846 г. въ Омскій Окружный Судъ „для разсмотрѣнія и самаго рѣшенія“, куда были препровождены всѣ вообще дѣла о Худайменды[1]).

IV.

Изъ всѣхъ дѣлъ о Худайменды Газинѣ и его сообщникахъ самыя серьезныя послѣдствія имѣло дѣло объ ограбленіи ими въ концѣ 1839 г. нѣсколькихъ азіатскихъ купцовъ (преимущественно ташкентцевъ): Сарымсака Азаматова, Ибрагима Амирова и др.[2]). Стоимость похищенныхъ товаровъ ташкентцы опредѣлили, при подачѣ жалобъ, въ 64781 р.

[1]) Изъ одной справки Каркаралинскаго Приказа видно, что въ Омскій Окружный Судъ были препровождены въ 1845 г. слѣдующія дѣла о Худайменды Газинѣ: 1) „По жалобамъ киргизъ Карсонъ-Кирнеевской волости на волостного своего управителя султана Худайменды Газина за насилія“, 2) „По объявленію султана маіора Газы Букеева и сына его Худайменды о нападеніи на аулъ послѣдняго, разграбленіи онаго, отгонѣ скота и убійствѣ притомъ женщины киргизами Альтекэ-Сарымовской волости“, 3) „По отношенію засѣдателя Акмолинскаго Приказа Сердюкова о нападеніи на аулъ капитана Кулубека Ескенина, угонѣ лошадей султаномъ Худайменды Газинымъ съ товарищами въ 100 человѣкъ“, 4) „По объявленію Акмолинскаго округа бія Кулубека Ескенина объ угонѣ у него 1514 лошадей и грабежѣ съ 19 человѣкъ одежды султаномъ Худайменды и Коскою“, 5) „По прошенію казанскаго татарина Суюндука Абдулмуклинова о нанесеніи ему побоевъ и отнятіи денегъ 2 т. р. султаномъ Худайменды Газинымъ“ и 6) „По объявленію купецкаго сына Хусаинова объ ограбленіи у него товаровъ на значительную сумму султаномъ Худайменды и о прочемъ“.

Изъ справокъ того же Приказа за предшествующіе годы видно, что о Худайменды велось еще нѣсколько дѣлъ: о грабежѣ „значительнаго количества имѣнія у караваннаго начальника Каирбека Султанбекова“, „по просьбѣ тараклинскихъ киргизъ въ грабежѣ у нихъ скота и имущества султаномъ Худайменды Газинымъ“, вообще „о противозаконныхъ поступкахъ“ Х. Газина и толмача Суворова и проч.

[2]) См. Приложеніе III.

43 к. и, вѣроятно, въ виду значительности такой суммы Пограничное Управленіе обратило на дѣло особое вниманіе, поручивъ произвести слѣдствіе подполковнику Пассеку. Затѣмъ лѣтомъ 1841 г. въ разборѣ дѣла приняли непосредственное участіе самъ Пограничный Начальникъ полковникъ Вишневскій и чиновникъ особыхъ порученій Главнаго Управленія Западной Сибири Тютчевъ. Повидимому, всѣ главные обвиняемые были арестованы, но изъ нихъ Худайменды Газинъ успѣлъ бѣжать. Для поимки Худайменды 6 сентября 1841 г. въ степь былъ командированъ, съ 25 казаками, заурядъ-хорунжій Кузнецовъ, съ порученіемъ отъ Приказа, въ случаѣ, если не удастся арестовать Худайменды, то „захватить отца его султана маіора Газы Букеева и женъ Худайменды со всѣмъ ихъ скотомъ и имѣніемъ и препроводить къ Каркараламъ". Въ аулѣ Худайменды Кузнецовъ нашелъ однихъ только женщинъ: какъ самъ Худайменды, такъ и всѣ его тюленгуты куда то скрылись. Тогда Кузнецовъ приказалъ задержать всѣ находившіеся вблизи аула табуны и стада Худайменды, а женамъ его велѣлъ откочевать къ Каркараламъ. Послѣднія, однако, Кузнецова не послушались, силой же взять ихъ онъ не рѣшился, „какъ онѣ не простого киргиза жены, съ коими бы можно было поступать совершенно противнымъ порядкомъ". Взятые Кузнецовымъ, очевидно въ качествѣ свидѣтелей, султаны Джолда и Джанай Чингисовы и Тюлюкъ Турсуновъ, а также отецъ Худайменды султанъ Газы не только всячески отговаривались отъ принятія участія въ дѣйствіяхъ Кузнецова, но помогли даже женамъ Худайменды ночью куда то бѣжать. Такимъ образомъ, Кузнецовъ долженъ былъ ограничиться только захватомъ разнаго имущества и скота Худайменды. Всего скота имъ и еще однимъ урядникомъ (кажется, нѣсколько раньше) было захвачено у Худайменды и доставлено въ Каркаралы 29 верблюдовъ и свыше 500 лошадей разнаго возраста[1]).

[1]) Впослѣдствіи казакъ Мѣльковъ, находившійся въ отрядѣ Кузнецова, донесъ на него, что Кузнецовъ самъ способствовалъ бѣгству женъ Худайменды и даже отдалъ часть его скота старшинѣ Истаю. Послѣдній затѣмъ бѣжалъ изъ округа.

Какъ только Кузнецовъ вернулся изъ своей командировки, Пограничный Начальникъ полковникъ Вишневскій и чиновникъ особыхъ порученій Тютчевъ, находившіеся тогда въ Каркаралахъ, пригласили на общее совѣщаніе трехъ довѣренныхъ отъ ташкентцевъ и обвиняемыхъ ими султановъ Маджика Кучукова и Коске Урмакова, а за Худайменды отца его Газы. На этомъ совѣщаніи истцы и отвѣтчики пришли къ соглашенію передать дѣло на рѣшеніе третейскаго суда, причемъ ташкентцы избрали судьями семипалатинскаго купца Абулгазы Гумирова и старшину Кучумовской волости Бекчу Чортандаева, а султаны—старшинъ Кара-Айтымбетевской волости Матаса Чувашева и Тараклинской Кочака Тлемысова. Соглашеніе было оформлено подпиской, въ заключеніи которой говорилось: „чѣмъ же біи сіи рѣшатъ искъ этотъ, мы обязываемся остаться довольными, приговоръ ихъ хранить свято и ненарушимо и привести оный въ точное исполненіе“. Султаны приложили печати, такъ какъ всѣ они оказались неграмотными.

Избранные судьи, очевидно, были заранѣе ознакомлены съ дѣломъ, потому что въ тотъ же день успѣли постановить рѣшеніе. „Дабы положить конецъ въ искѣ по настоящему дѣлу—говорилось въ рѣшеніи судей—мы полагаемъ, чтобы отвѣтчики, состоящіе, какъ извѣстно намъ, изъ 82 человѣкъ, о которыхъ можно узнать отъ отвѣтчика султана Коске Урмакова, уплатили истцамъ 9 т. барановъ, въ число коихъ должны поступить въ уплату всѣ вещи и скотъ султана Худайменды, представленные въ Приказъ начальникомъ отряда, и еще имѣющійся скотъ отыскаться, считая лошадей: отъ 4 до 9 лѣтъ по 7 барановъ, по 4-му и 3-му годамъ по 5 барановъ, по 2-му году по 2 барана; рогатыхъ: большихъ по 7 барановъ, 5 лѣтъ по 6 барановъ, 4 и 3-лѣтнихъ по 3 барана, 2-лѣтнихъ по 2 барана; верблюдовъ большихъ по 17 барановъ. Остальное же зачѣмъ количество барановъ разложить по ровной части на каждаго отвѣтчика изъ числа означенныхъ 82 человѣкъ, изъ коихъ если не будетъ кто либо въ состояніи уплатить причитающейся на него части, то

взыскать оную съ поручителей (?) по Худайменды, исполненіе чего возложить на Старшаго султана при содѣйствіи Приказа".

Я привелъ рѣшеніе судей цѣликомъ, какъ характерный образчикъ тогдашняго правосудія въ степи. Судей выбирали два отвѣтчика и за третьяго его отецъ, а между тѣмъ взысканіе было наложено не только на этихъ 3 отвѣтчиковъ, а еще на 79 человѣкъ, о которыхъ было „можно узнать" отъ одного изъ отвѣтчиковъ. Рѣшеніе, конечно, давало широкое поле произволу, а между тѣмъ ни Вишневскому, ни Тютчеву оно не показалось несправедливымъ, и первый тотчасъ приказалъ Каркаралинскому Приказу „привесть это рѣшеніе въ немедленное исполненіе и о успѣхѣ въ этомъ доносить черезъ каждую недѣлю".

По полученіи такого предписанія, Приказъ передалъ ташкентцамъ весь скотъ, уже захваченный у Худайменды[1]), взысканіе же съ виновныхъ киргизъ остального скота было возложено на Старшаго султана Турсуна Чингисова. Кромѣ того, въ степь, съ разными порученіями по тому же дѣлу, было командировано Приказомъ нѣсколько толмачей и казачій сотникъ Маслаковъ. Вообще Приказъ въ дѣлѣ объ удовлетвореніи ташкентцевъ проявилъ необычайную для того времени энергію, какой далеко не отличалась его дѣятельность по другимъ гораздо болѣе важнымъ вопросамъ. Исключеніемъ явился только Старшій султанъ Турсунъ Чингисовъ, родственныя связи котораго съ султанами[2]), обвинявшимися въ ограбленіи ташкентцевъ, конечно, заставляли его, гдѣ можно, становиться скорѣе на сторону первыхъ, чѣмъ послѣднихъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ судьи постановили приведенное выше рѣшеніе, Коске Урмаковъ, обязан-

[1]) По разцѣнкѣ на барановъ, ташкентцы получили тогда 2800 барановъ. Получить остальное имущество Худайменды они отказались, а потому имущество это было потомъ продано съ аукціоннаго торга за 260 р., которые и были вручены ташкентцамъ, по оцѣнкѣ, за 52 барана.

[2]) Отецъ Худайменды—Газы Букеевъ былъ роднымъ братомъ отца Турсуна—Чингиса Букеева. Братъ Турсуна Солтанъ выдалъ свою дочь замужъ за Маджика Кучукова.

ный въ силу этого рѣшенія указать похитителей, бѣжалъ съ гауптвахты, и поэтому Приказъ рекомендовалъ Турсуну Чингисову обратиться за такимъ указаніемъ къ другому султану, также содержавшемуся на гауптвахтѣ, Маджику Кучукову. Воспользовался ли Турсунъ такимъ оригинальнымъ совѣтомъ или нѣтъ, въ архивной перепискѣ нѣтъ свѣдѣній. По требованію Турсуна, къ нему для содѣйствія былъ прикомандированъ переводчикъ Червевъ и даны 20 казаковъ, съ которыми Турсунъ и отправился въ степь въ началѣ октября (1841). Здѣсь ему пришлось прежде всего сократить черезчуръ усердную дѣятельность нѣкоего Кошкарова, одного изъ толмачей, посланныхъ Приказомъ для розысковъ бѣжавшихъ Худайменды и Коске и принадлежащаго имъ скота. Въ аулѣ отца Худайменды султана Газы Букеева Кошкаровъ перечислилъ весь скотъ и излишекъ послѣдняго противъ записаннаго за этимъ султаномъ во время послѣдней переписи хотѣлъ, было, отобрать подъ тѣмъ предлогомъ, что такой излишекъ скота, вѣроятно, принадлежитъ не Газы, а Худайменды. Излишняго скота у Газы, противъ показаній переписныхъ вѣдомостей, оказалось, дѣйствительно, очень много (130 лошадей, 2100 барановъ и проч.), тѣмъ не менѣе султанъ Турсунъ приказалъ Кошкарову скотъ этотъ оставить у Газы „до особаго распоряженія“[1]). Тотъ же Кошкаровъ отобралъ у нѣкоторыхъ киргизъ Альтекэ-Сарымовской и Карсонъ-Кирнеевской волостей, гдѣ управителями были Газы и Худайменды, 17 верблюдовъ, 175 лошадей и 1700 барановъ, опять таки подъ предлогомъ, что скотъ этотъ принадлежалъ Худайменды. Въ рапортѣ въ Приказъ Кошкаровъ донесъ, что Худайменды, при своемъ бѣгствѣ, оставилъ скотъ на сохраненіе у разныхъ киргизъ, о чемъ Кошкарову сообщили, будто бы, старшины названныхъ выше волостей. Въ аулахъ тѣхъ же киргизъ Кошкаровъ захватилъ какихъ то „служанокъ“ Худайменды, которыхъ и пе-

[1]) По этому вопросу было потомъ особое „разслѣдованіе“, и скотъ оказался принадлежащимъ дѣйствительно султану Газы.

редалъ вмѣстѣ со скотомъ султану Турсуну. Врученіемъ послѣдняго скота ташкентцамъ, кажется, и ограничилась вся дѣятельность Турсуна. За то другіе толмачи старались не отстать въ усердіи отъ Кошкарова. Такъ, Червевъ въ Наданъ-Тобуклинской волости захватилъ скотъ и имущество сидѣвшаго въ Каркаралинской гауптвахтѣ султана Маджика Кучукова и находившагося на порукахъ брата его Ніазбека. Такъ какъ довѣренные отъ ташкентцевъ разъѣзжали по степи вмѣстѣ съ толмачами, то Червевъ тотчасъ передалъ имъ скотъ, а вещи Кучуковыхъ отправилъ въ Приказъ. Кромѣ Кучуковыхъ, по совершенно голословному указанію Ніазбека, скотъ былъ взысканъ Червевымъ и съ другихъ киргизъ Надавъ-Тобуклинской и Тараклинской волостей, виновныхъ, будто бы, въ ограбленіи ташкентцевъ. Затѣмъ толмачъ Пирожковъ, находясь въ Карсонъ-Кирнеевской волости, разузналъ, судя по его донесеніямъ, отъ нѣкоторыхъ старшинъ этой волости, будто султанъ Худайменды и его приверженецъ старшина Истай оставили у киргизъ этой волости, а частью въ волостяхъ Альтекэ-Сарымовской и Куянчи-Тагаевской 12 коровъ и 1163 барана, которые, по распоряженію Приказа, безъ дальнѣйшихъ разслѣдованій также были отобраны и сданы на храненіе управителямъ названныхъ волостей. Изъ этого скота много штукъ погибло, такъ что въ концѣ концовъ его рѣшено было продать съ аукціона[1]). Наконецъ, сотникъ Маслаковъ, командированный для поимки бѣжавшихъ султановъ, найти ни одного изъ нихъ не могъ, а захватилъ за то отца султана Коске управителя Тараклинской волости султана Урмака Абитеева съ тремя другими сыновьями и женой Коске, хотя никто изъ нихъ никуда не скрывался и никакого сопротивленія Маслакову не оказалъ. Все семейство Урмака, въ числѣ 8

[1]) Въ видѣ курьеза приведу, что о состояніи отбираемаго у киргизъ скота волостные управители обязаны были представлять рапорты Приказу, а этотъ послѣдній о содержаніи такихъ рапортовъ сообщалъ въ Пограничное Управленіе. Такъ, и. д. волостного управителя Еспергень Садырбаевъ доносилъ, что изъ числа переданныхъ ему 1163 барановъ „волею Божіей издохло таковыхъ 3 барана". На рапортѣ значится резолюція Приказа: „о упалыхъ 3 баранахъ донести Г. Состоящему въ должности Пограничнаго Начальника"...

юртъ, со скотомъ и имуществомъ было отправлено Маслаковымъ на р. Талду, въ 25 вер. отъ Каркараловъ. Несомнѣнно, Урмаку удалось заблаговременно многое припрятать, а скотъ отдать на сохраненіе, почему Маслаковъ и захватилъ только 6 верблюдовъ, 30 лошадей и 1 корову. Урмакъ и скотъ, принадлежащій ему лично, были затѣмъ „отданы на поручительство“ четыремъ старшинамъ Тараклинской волости, куда „для наблюденія за оной“ былъ командированъ Приказомъ толмачъ Куртуковъ съ 2 казаками.

Взысканіе съ киргизъ скота въ пользу ташкентцевъ шло съ такимъ успѣхомъ, что къ половинѣ октября ихъ довѣренные получили, въ счетъ присужденныхъ 9 т. барановъ, 5569, да еще должны были получить отъ продажи имущества Коске и др. Но, вѣроятно къ немалому разочарованію и Приказа, и ташкентцевъ, въ серединѣ же октября 1841 г. послѣдовало распоряженіе Генералъ-Губернатора „немедленно остановить исполненіе приговора біевъ ..... не давать дѣлу никакого дальнѣйшаго дѣйствія, принявъ, однако, мѣры къ охраненію оставшагося послѣ Худайменды и другихъ бѣжавшихъ лицъ имущества и порученію его въ благонадежное призрѣніе для обезпеченія иска ташкентскихъ и бухарскихъ торговцевъ, такъ какъ самый побѣгъ тѣхъ лицъ обличаетъ уже нѣкоторымъ образомъ вину ихъ въ грабежѣ“. Генералъ-Губернаторъ призналъ, что дѣло о грабежѣ ташкентцевъ „на основаніи 3458 ст. 2 т. Св. зак. принадлежитъ къ числу уголовныхъ“ и поэтому, прежде преданія виновныхъ суду, поручилъ произвести по дѣлу слѣдствіе чиновнику особыхъ порученій Семенову, который для этой цѣли вскорѣ прибылъ въ Каркаралы. Съ ташкентцевъ же приказано было потребовать „вѣрнаго обезпеченія или законнаго поручительства“ въ томъ, что въ случаѣ рѣшенія дѣла не въ ихъ пользу они возвратятъ весь полученный уже ими скотъ и деньги, въ противномъ случаѣ то и другое они должны были возвратить.

И вотъ началась та „волокита“, какой отличались такъ слѣдствія „добраго стараго времени“. Семеновъ не сталъ

узнавать о виновныхъ отъ того или иного султана, а наоборотъ счелъ необходимымъ допрашивать и передопрашивать массу киргизъ. Въ показаніяхъ своихъ они то отрицали вовсе прикосновенность къ дѣлу, то сознавались, то указывали на другихъ, благодаря чему привлекались новыя лица, устраивались безконечныя „очныя ставки" и т. д., и т. д. Оказалось даже, что изъ всѣхъ бухарцевъ и ташкентцевъ, жаловавшихся на киргизъ, допрошенъ раньше былъ только одинъ Сарымсакъ Азаматовъ[1]), а въ довершеніе всего понадобилось отбирать показанія даже у переводчика Червева съ казаками и баянъ-аульскими киргизами, на которыхъ когда то было учинено нападеніе.

Первымъ былъ допрошенъ сидѣвшій въ заключеніи бывшій управитель Наданъ-Тобуклинской волости Маджикъ Кучуковъ. Зная, что Худайменды и Коске бѣжали, онъ безъ стѣсненій выставилъ ихъ главными виновниками всего дѣла. Но Коске и Худайменды вскорѣ самимъ пришлось давать отвѣты Семенову. Одинъ киргизъ Тараклинской волости, подкупленный, кажется, ташкентцами, донесъ Семенову, что Коске пріѣхалъ тайно въ аулъ къ отцу для свиданія съ своими женами. Приказъ тотчасъ же командировалъ въ аулъ къ Урмаку толмача Пирожкова и сотника Иванова съ 25 казаками, которымъ и удалось ночью захватить Коске и киргиза, помогшаго ему бѣжать съ гауптвахты. Выгораживая себя, Коске, напротивъ, сталъ обвинять во всемъ Маджика, а также бывшаго еще въ бѣгахъ Худайменды.

Допросъ Коске происходилъ 11 іюня 1842 г., а 16 числа того же мѣсяца въ Приказъ явился одинъ киргизъ Карсонъ-Кирнеевской волости Джаркымбай Тазовъ и заявилъ, что онъ посланъ султаномъ Худайменды для объявленія, что султанъ этотъ „возвращается сюда (т. е. въ округъ) съ отлагавшимися въ глубь степи киргизами сего (Каркаралинскаго) округа и Акмолинскаго, всего въ 600 кибитокъ; по

[1]) Семеновъ потребовалъ, чтобы всѣ „истцы" явились къ нему въ Каркаралы, но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, изъ нихъ явился одинъ только раньше допрошенный Сарымсакъ Азаматовъ, остальные же такъ и остались не допрошенными.

случаю слабаго здоровья вскорѣ самъ до Каркараловъ доѣхать не можетъ, а надѣется прибыть въ Приказъ непремѣнно 17 или 18 числа". При этомъ посланный разъяснилъ, „что какъ онъ, такъ и прочіе киргизы возвращаются съ помощью султана Худайменды Газина. Хотя они и прежде желали возвратиться сюда, но были задерживаемы юсуновскими киргизами, неподвѣдомственными Россіи; и нынѣ тоже они хотѣли остановить ихъ, но султанъ (т. е. Худайменды) принялъ рѣшительныя мѣры къ защитѣ ихъ, и они возвратились благополучно". Очевидно, Худайменды разсчитывалъ, что благодаря такому возвращенію изъ за Балхаша въ округъ 600 кибитокъ начальство смѣнитъ свой гнѣвъ противъ него на милость, но разсчеты хитраго султана не оправдались. 17 іюня Худайменды явился къ Семенову, и въ тотъ же день, по приказанію послѣдняго, какъ „главный участникъ грабежа" былъ отправленъ „подъ строгій караулъ". Худайменды не придумалъ ничего другого, какъ, въ свою очередь, обвинить во всемъ Маджика Кучукова и Коске Урмакова. Султановъ держали теперь въ строгомъ заключеніи и, какъ видно изъ архивной переписки, Семеновъ озаботился о заготовленіи для болѣе важныхъ арестованныхъ „десяти паръ ножныхъ кандаловъ положеннаго вѣсу". Жизнь въ заключеніи плохо дѣйствовала на киргизъ, и многіе изъ нихъ, какъ увидимъ ниже, не дожили до суда.

Наконецъ, въ началѣ 1843 г. Семеновъ закончилъ слѣдствіе. Въ виду важности дѣла, въ которомъ было замѣшано столько вліятельныхъ каркаралинскихъ султановъ, Генералъ-Губернаторъ нашелъ необходимымъ ходатайствовать о разсмотрѣніи его въ Омскомъ Окружномъ Судѣ. Вслѣдствіе соотвѣтствующаго представленія Генералъ-Губернатора, разсмотрѣннаго въ Комитетѣ Министровъ, 13 апрѣля 1843 г. состоялось въ этомъ смыслѣ Высочайшее повелѣніе, съ тѣмъ, чтобы дѣло потомъ поступило на ревизію въ Пограничное Управленіе сибирскихъ киргизовъ. Къ этому времени въ Каркаралахъ находилось въ заключеніи 48 человѣкъ, въ томъ числѣ 43 простыхъ киргиза, 2 старшинъ и 3 султана:

Худайменды Газинъ, Коске Урмаковъ и Ніазбекъ Кучуковъ[1]). Всѣ арестованные были переведены въ Омскъ, гдѣ также подверглись заключенію. Впослѣдствіи 16 изъ нихъ, какъ „оговариваемые только въ грабежѣ, но въ томъ не сознавшіеся и постороннически не уличенные", были освобождены изъ подъ стражи съ отдачей подъ надзоръ ихъ управителей.

На допросѣ въ Судѣ почти всѣ обвиняемые, не исключая султановъ, жаловались на Семенова, обвиняя его въ пристрастномъ веденіи слѣдствія, въ нанесеніи побоевъ и т. п. Отъ показаній, записанныхъ Семеновымъ, также почти всѣ отказались, утверждая, что такихъ показаній не давали, что въ дѣйствительности никакихъ очныхъ ставокъ не устраивалось и т. д. Напротивъ, всѣ показанія, данныя подполковнику Пассеку, султаны „утвердили во всей ихъ силѣ и безъ всякаго дополненія".

6 марта 1844 г. Омскій Окружный Судъ постановилъ заключеніе по дѣлу, оставивъ безъ вниманія приведенныя выше жалобы киргизъ на слѣдователя Семенова. Согласно заключенію Суда, подлежали ссылкѣ въ каторжныя работы султаны Худайменды Газинъ, Коске Урмаковъ и Ніазбекъ Кучуковъ и 12 простыхъ киргизъ; 28 человѣкъ были оправданы, 4 оставлены „въ подозрѣніи" и о 19 киргизахъ „за смертію ихъ оставлено безъ положенія". Все имущество осужденныхъ лицъ было признано подлежащимъ продажѣ „на пополненіе исковъ потерпѣвшихъ", преимущественно же въ возвратъ казнѣ прогонныхъ денегъ, употребленныхъ слѣдователями по этому дѣлу. „А какъ по рѣшенію біевъ — говорится въ заключеніи Суда- было допущено взысканіе на удовлетвореніе претендателей безъ точнаго изысканія истины виновныхъ, а по дѣйствіямъ самопроизвольнымъ лицъ, участвовавшихъ въ томъ рѣшеніи, прежде еще судебнаго приговора, то, дабы не обременить невинныхъ напраснымъ платежемъ, предоставить Каркаралинскому Приказу при ис-

[1]) Маджикъ Кучуковъ къ тому времени умеръ. Изъ списка 6 октября 1843 года видно что Худайменды Газину было тогда 37 лѣтъ, Коске Урмакову 26 и Ніазбеку Кучукову 18

полненіи рѣшенія, когда оно взойдетъ въ законную свою силу, учинить по имѣющимся у него по сему предмету свѣдѣніямъ разсчетъ и возвратить каждому изъ нихъ принадлежащія части, что у кого, кромѣ виновныхъ, было отобрано".

Въ опредѣленіи Пограничнаго Управленія, на ревизію котораго поступило затѣмъ это злополучное дѣло, въ нѣсколькихъ пунктахъ ясно проглядываетъ мысль, что заключеніе Суда отличалось слишкомъ большой строгостью. Такъ, Управленіе постановило „включить въ протоколъ особою статьею, что такъ называемая баранта или отгонъ скота съ насиліемъ, а не простая кража, хотя по законамъ россійскимъ причисляется къ уголовнымъ преступленіямъ, но по понятіямъ киргизъ, глубоко въ нихъ вкоренившимся, это уголовное преступленіе считается между ними удальствомъ невиннымъ и не подлежащимъ суду и осужденію. Эти понятія, переходя отъ одного поколѣнія къ другому, въ теченіе многихъ столѣтій могли укоренить это заблужденіе, заслуживающее, впрочемъ, нѣкотораго снисхожденія по необразованности дикой и кочевой жизни киргизъ. Къ облегченію мѣры наказанія султану Худайменды Газину въ той же статьѣ включить: первое, что онъ изъ бѣговъ явился добровольно и что при томъ возвращеніи оказана имъ значительная для Правительства услуга возвращеніемъ съ собою изъ отложившихся киргизъ 600 кибитокъ". Пограничное Управленіе рѣшило „постановить по дѣлу сему особое мнѣніе", которое и представить Пограничному Начальнику. Къ сожалѣнію, въ архивныхъ дѣлахъ, какими я пользовался, мнѣнія этого не оказалось. Дѣло затѣмъ поступило въ Сенатъ, гдѣ и было окончательно рѣшено 28 февраля 1845 г., т. е. черезъ 5 слишкомъ лѣтъ послѣ ограбленія ташкентцевъ. Къ ссылкѣ въ каторжныя работы было присуждено 11 человѣкъ, въ томъ числѣ султаны Коске Урмаковъ и Ніазбекъ Кучуковъ, что же касается Худайменды Газина, то Сенатъ призналъ необходимымъ, „не дѣлая нынѣ никакого заключенія, велѣть Омскому Окружному Суду обсудить его

преступленія по всѣмъ дѣламъ и, постановивъ общее по нимъ рѣшеніе, въ дальнѣйшемъ ходѣ поступить по установленному порядку".

V.

Въ то самое время, когда велось дѣло объ ограбленіи султаномъ Худайменды и другими ташкентцевъ и бухарцевъ, въ томъ же Каркаралинскомъ округѣ возникло не менѣе запутанное и важное дѣло „о противозаконныхъ поступкахъ азіатцевъ". Дѣло это не только проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на причины „отложенія" киргизъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ яркую характеристику отношеній къ послѣднимъ какъ мѣстной администраціи, такъ и тѣхъ „ташкентцевъ" и „бухарцевъ", изъ за которыхъ были осуждены на каторгу сподвижники Худайменды. Поэтому я счелъ необходимымъ, наряду съ подробнымъ изложеніемъ многотомнаго дѣла „объ ограбленіи ташкентцевъ", привести повозможности подробныя данныя и изъ дѣла о „противозаконныхъ поступкахъ азіатцевъ".

Фактически дѣло началось съ того, что въ декабрѣ 1839 г. управитель „отложившейся" Таминской волости поручикъ Сиванбаевъ отправилъ къ Пограничному Начальнику письмо, въ которомъ, какъ на причину отложенія этой волости, указывалъ на притѣсненія киргизъ со стороны нѣкоторыхъ азіатскихъ торговцевъ. Сиванбаевъ жаловался, что въ Каркаралинскомъ округѣ поселились три бѣглеца: крестьянинъ Казанской губерніи Мухамедъ-Аминь Махмутовъ, выдающій себя за семипалатинскаго мѣщанина Габдуллу Файзуллина; выходецъ изъ Коканда Бегашъ Бектауловъ, превратившійся въ тобольскаго бухарца, и бухарецъ Мурза-Габибъ Мурзагазимовъ. Всѣ они, при помощи Худайменды Газина, выставляя свидѣтелями разныхъ бродягъ, приставшихъ къ этому султану, предъявляли къ таминцамъ всякія несправедливыя претензіи и забирали, подъ предлогомъ уплаты за мнимые грабежи, много скота. Сиванбаевъ доносилъ, что

волость его хотѣла бы вернуться въ округъ, но боится, что со стороны названныхъ торговцевъ опять начнутся притѣсненія. Вслѣдствіе этого Сиванбаевъ просилъ Пограничнаго Начальника о производствѣ слѣдствія для выясненія личности названныхъ торговцевъ и о томъ, былъ ли въ дѣйствительности у нихъ какой-нибудь свой товаръ и посылали ли они этотъ товаръ черезъ таможенныя заставы.

Каркаралинскій Окружный Приказъ, отъ котораго были потребованы свѣдѣнія по прошенію Сиванбаева, сообщилъ въ Пограничное Управленіе, что „Сиванбаевъ выдумалъ доносъ свой несправедливо къ закрытію своей измѣны къ Россійскому Правительству“ и что, напротивъ, семипалатинскій мѣщанинъ Габдулла Файзуллинъ и петропавловскій бухарецъ Бегашъ Бектауловъ, проживая въ Каркаралахъ по паспортамъ, занимаются торговлей и не только ни въ чемъ предосудительномъ замѣчены не были, но на нихъ никакихъ жалобъ отъ киргизъ не поступало и они даже „дѣлали Правительству нѣкоторыя услуги“.

Вслѣдствіе такого донесенія Приказа, письмо Сиванбаева было, говоря канцелярскимъ языкомъ, „оставлено безъ послѣдствій“ и „бѣглецы“, на которыхъ онъ жаловался, снова получили возможность обдѣлывать свои темныя дѣлишки. Время „отложенія“ волостей было, вообще, для этого самымъ удобнымъ, такъ какъ киргизы въ глазахъ администраціи являлись „бунтовщиками“, почему на нихъ легко было взводить всякія обвиненія. Такъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, въ то время поступали многіе „азіатцы“, стараясь съ лихвой возмѣстить свои дѣйствительные, а частью и мнимые убытки и потери. Рядъ жалобъ на „грабежи“ киргизъ не замедлили подать и нѣкоторые изъ обвинявшихся Сиванбаевымъ бѣглецовъ. Напр., Мурзагазимовъ въ 1839 г. подалъ въ Каркаралинскій Приказъ три жалобы, обвиняя въ ограбленіи его каравановъ: султановъ Худайменды и Умира Газиныхъ (осенью 1838 г. при р. Токрау), одного старшину Карсонъ-Кирнеевской волости (осенью 1839 г. при р. Сарысу) и даже брата Старшаго султана Каркаралинскаго ок-

руга, Асана Чингисова (также осенью 1859 г. при р. Талдѣ). Содержаніе всѣхъ этихъ очень коротенькихъ жалобъ отличалось самымъ шаблоннымъ характеромъ: шелъ караванъ въ „Ташкинію“ или изъ нея, на него тамъ то напали такіе то киргизы, ограбили..... и т. д. Суммы убытковъ Мурзагазимовъ опредѣлялъ всегда тысячами рублей. Файзуллинъ отъ своего имени исковъ не предъявлялъ, а дѣйствовалъ какъ „довѣренный“ разныхъ азіатцевъ, въ томъ числѣ Мурзагазимова и еще башкирца Давлетши Хамитова, также обвинявшаго киргизъ въ грабежѣ своихъ призрачныхъ каравановъ. Такія жалобы Приказъ поручалъ обыкновенно разслѣдовать толмачамъ „по степнымъ обычаямъ“, а тѣ заканчивали свои разслѣдованія всегда очень скоро[1]). Особой успѣшностью въ этомъ отношеніи отличалась дѣятельность толмачей Якова Червева и Суворова, которые, въ концѣ концовъ, за рядъ злоупотребленій были „обращены въ казачье сословіе“. „Довѣренный“ Файзуллинъ разъѣзжалъ съ ними по степи и отыскивалъ виновниковъ грабежей. Гдѣ такіе виновники расплачиваться „добровольно“ не хотѣли, пускались въ ходъ угрозы, а не рѣдко и нагайка. Черезчуръ энергичная дѣятельность Суворова и Файзуллина вызвала со стороны киргизъ рядъ жалобъ въ Приказъ, справедливость которыхъ подтвердилъ даже засѣдатель Шушеринъ. Среди карсонъ-кирнеевцевъ, какъ узналъ этотъ засѣдатель, возникли наконецъ толки о томъ, чтобы „опять идти къ Актау и тамъ искать себѣ защиты“. Но „азіатцы“ были очень ловкіе люди и, очевидно, прекрасно знали все, что дѣлается въ Приказѣ. Какъ только поступили туда жалобы киргизъ, Файзуллинъ не замедлилъ представить отъ имени тѣхъ же самыхъ киргизъ оказавшіяся потомъ подложными свидѣтельства, что взысканія съ нихъ произведены безъ всякихъ насилій, за грабежи, и что они противъ Фай-

[1]) Вотъ образецъ одного изъ такихъ порученій Приказа: „предписать ему (переводчику Червеву) въ возвращеніе собственности хозяина (истца Давлетши Хамитова) поступить согласно степнымъ киргизскимъ обычаямъ, т. е. черезъ избранныхъ тяжущимися біевъ, *стараясь всемѣрно склонить отвѣтчиковъ на сознаніе въ выводимомъ на ихъ грабежѣ*“.

зуллина и его товарищей ничего не имѣютъ. Такія же „подписки“ киргизъ (тоже подложныя) представили и толмачи.

Незаконныя дѣйствія „азіатцевъ“ и толмачей вызвали, наконецъ, рѣзкій протестъ не только со стороны простыхъ киргизъ, но и ихъ султановъ. Въ январѣ 1841 г. Старшій султанъ Каркаралинскаго округа Турсунъ Чингисовъ, султаны капитанъ Кушпекъ Таукинъ, Джолда Чингисовъ, Ачимтай Батыревъ, два киргизскихъ засѣдателя и нѣсколько старшинъ подали Пограничному Начальнику, минуя Приказъ, слѣдующее „прошеніе“, приводимое мною, въ виду его характерности, буквально:

„Въ самомъ селеніи Каркаралахъ—писали просители—проживаютъ неизвѣстные намъ люди: первый, именующій себя бухаретдиномъ Мурзою Габуллой (Габибомъ) Мурзою—Газимовымъ, а второй—татариномъ Бегашемъ Бектауловымъ. Они, занимаясь торговлею всегда на чужой счетъ и большею частію пріобрѣтая капиталъ обманомъ состоящихъ въ вѣдомствѣ нашемъ киргизъ и самыхъ жителей селенія, весьма часто, какъ бы по привычкѣ къ оправдыванію собственныхъ своихъ предосудительныхъ поступковъ, приносятъ Приказу жалобы то о грабежѣ ихъ каравановъ въ степи, то о неплатежѣ кѣмъ-либо долгу—этимъ самымъ чернятъ честь нашу всегда готовыхъ жертвовать собственнымъ нашимъ (т. е. просителей) спокойствіемъ и, ежели нужно, достояніемъ, лишь бы только сохранить тишину между киргизами и предохранить всякаго торговаго иностранца отъ грабежа въ степи, зная, сколько это послѣднее обстоятельство сопряжено съ выгодою киргизъ россійскихъ подданныхъ и самой казны. Между тѣмъ, подъ предлогомъ ограбленія каравановъ, Мурза-Газимовъ и Бегашъ Бектауловъ уклоняются отъ платежа собственныхъ своихъ долговъ, многихъ безвинно приводятъ къ суду и даже подвергаютъ отвѣтственности“. „Вышедши изъ терпѣнія—заявляли дальше просители—переносить болѣе клеветы и ябедничества сказанныхъ намъ неизвѣстныхъ людей и зная совершенно, что они ни на право торговли, ни на проживаніе въ Каркара-

лахъ никакихъ письменныхъ видовъ и права не имѣютъ, а болѣе изъ опасенія, чтобъ они и самихъ насъ не опорочили своими несправедливыми жалобами и тѣмъ не помрачили бы честь нашу, осмѣлились всепокорнѣйше просить Ваше В-діе выслать сказанныхъ лицъ туда, отколь они прибыли. Причемъ имѣемъ счастіе доложить Вашему В-дію, что мы, какъ вѣрноподданные Россіи, пещась о благосостояніи киргизъ и собственномъ нашемъ, просимъ сего справедливо. До того же, изъ опасенія, дабы означенные люди, послыша о ходатайствѣ нашемъ, не могли прежде времени выѣхать и не увезли бы съ собою состоящихъ на нихъ долговъ, покорнѣйше просимъ предписать Каркаралинскому Внѣшнему Окружному Приказу имѣть надъ ними строгій надзоръ".

Жалоба, подписанная Старшимъ султаномъ, возымѣла дѣйствіе, и хотя Мурзагазимовъ, въ свою очередь, обратился съ жалобами на киргизъ, въ Пограничномъ Управленіи „поступки азіатцевъ" возбудили, наконецъ, желательныя подозрѣнія. Пошло въ ходъ даже указанное выше письмо Сиванбаева съ объясненіями Приказа, стоявшаго на сторонѣ „азіатцевъ". „Дабы устранить дальнѣйшій ропотъ народа", Пограничный Начальникъ предписалъ „немедленно изслѣдовать поступки азіатцевъ и въ особенности открыть, что они за люди, имѣютъ ли у себя паспорты на свободное проживаніе въ степи и для чего они тамъ живутъ, равно, когда и въ чемъ именно заключались услуги ихъ, оказанныя Правительству".

Такимъ образомъ формально возникло дѣло съ оригинальнымъ заголовкомъ „о противозаконныхъ поступкахъ азіатцевъ", первоначальное разслѣдованіе котораго Пограничнымъ Управленіемъ было возложено на находившагося „по дѣламъ службы" въ Каркаралахъ ассесора Пограничнаго Управленія Подозовъ-Чубковца.

Назначеніе слѣдствія надъ „азіатцами", конечно, не могло остаться неизвѣстнымъ въ степи, и обиженные ими киргизы начинаютъ усердно подавать на нихъ жалобы въ Пограничное Управленіе. Такъ послѣднее препроводило къ По-

дозовъ-Чубковцу слѣдующее прошеніе киргизъ Карсонъ-Кирнеевской волости, тяжбы которыхъ съ „азіатцами“ толмачи разбирали „по степнымъ обычаямъ“.

„Торгующіе въ волости нашей татары Даминь и Давлетчи и ташкентецъ Мурза Сартъ съ давняго уже времени не перестаютъ волости нашей дѣлать безпрестанныя притѣсненія, которымъ потворствуетъ старшина Байсеитъ Карбасовъ и которые до такой степени зорятъ насъ, что мы впослѣдствіи должны, безъ сомнѣнія, отъ таковыхъ нестерпимыхъ притязаній этихъ торговцевъ лишиться послѣдней своей собственности, къ тому же эти татары нарушаютъ всегда народное наше спокойствіе. Въ прошломъ 1840 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ эти татары, какъ то: Даминь и Давлетчи, почему—неизвѣстно, отняли у насъ 1100 барановъ; двѣ шубы, вышитыя шелкомъ, и два парчевыхъ халата, и того же сентября мѣсяца ташкентецъ Мурза Сартъ также угналъ у насъ 850 барановъ. Все это они взяли у насъ съ насиліемъ. Объ этомъ хотя мы просили Приказъ, но, за нѣсколькими повтореніями оному, мы ни въ удовлетвореніе за отобранное тѣми татарами, ни въ огражденіе отъ притѣсненій ихъ до сего времени ничего не видимъ. А посему осмѣливаемся утруждать особу Вашего В-дія (Пограничнаго Начальника) покорнѣйшей просьбою предписать, кому слѣдуетъ, о удаленіи выше означенныхъ торговцевъ изъ волости нашей и о удовлетвореніи насъ за отнятый ими скотъ и прочее“.

Подозовъ-Чубковецъ былъ занятъ разными порученіями и поэтому въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ успѣлъ допросить лишь султановъ. Въ виду окончанія его командировки, Пограничное Управленіе въ февралѣ 1842 г. предписало Приказу поручить производство слѣдствія по дѣлу объ „азіатцахъ“ засѣдателю Путьковскому, султанамъ же велѣно было объявить, „что по 3444 ст. II т. отъ нихъ зависитъ дозволеніе азіатцамъ торговли въ своихъ волостяхъ, что имъ извѣстно изъ наставленій, разосланныхъ къ нимъ для руководства“.

Допросы „азіатцевъ“ обнаружили, что они не только не оказывали никакихъ „услугъ Правительству“, какъ свидѣтельствовалъ когда то Приказъ, а почти всѣ не имѣли даже перваго признака благонадежности всякаго россійскаго обывателя—паспортовъ. Для характеристики личности допрошенныхъ азіатцевъ я приведу нѣкоторыя изъ ихъ показаній. Такъ, Мурза-Габибъ Мурза-Газимовъ, по его словамъ, прибылъ безъ „вида“ изъ „Ташкиніи“ въ Семипалатинскъ, а оттуда, лѣтъ около 13 назадъ, въ Каркаралы, гдѣ также жилъ безъ „вида“, занимаясь торговлей „урюкомъ, изюмомъ и др. мелочнымъ товаромъ“. Размѣры его торговли простирались, будто-бы, до 2—3 и болѣе т. руб. ас. Киргизъ, разумѣется, никогда не притѣснялъ, а напротивъ, они его не разъ грабили и „многіе киргизы разныхъ волостей“ не уплатили ему своихъ долговъ на нѣсколько т. руб. Другой „азіатецъ“, Бегашъ Бектауловъ, вышелъ изъ заграницы въ 1815 г., причислился къ числу ишимскихъ бухарцевъ, а затѣмъ переселился въ Каркаралы, гдѣ занимался, будто-бы, хлѣбопашествомъ; какъ и прочіе, „отечеству никакихъ услугъ не оказывалъ, наградъ отъ Правительства не получалъ“, а наоборотъ... состоялъ подъ судомъ „за пристанодержательство бѣглыхъ“ и „ввозъ съ линіи за границу хлѣбнаго вина“. Людьми въ такомъ же родѣ оказались и другіе обвиняемые киргизами „азіатцы“—Абдулла (Даминь) Файзуллинъ и башкирецъ Давлетша Хамитовъ. Изъ нихъ первый своей торговли не велъ, а по „довѣренностямъ“ разныхъ торговцевъ исполнялъ въ степи ихъ порученія. Наконецъ, по показанію Бектаулова, у него тоже была оригинальная профессія, а именно, при разборѣ дѣлъ „по степнымъ обычаямъ“ торговцы обыкновенно выбирали его біемъ...

Такъ какъ „азіатцы“, въ отвѣтъ на жалобы киргизъ, обвиняли ихъ въ грабежахъ, то слѣдствіе все расширялось и, несмотря на постоянныя „настоянія“ Пограничнаго Управленія, засѣдатели Приказа успѣли его окончить лишь къ 1848 г.

Слѣдствіе, къ которому была привлечена масса людей,

начиная съ простыхъ киргизъ и кончая толмачами и засѣдателями Приказа, вполнѣ обнаружило полную бездоказательность обвиненій, взводимыхъ „азіатцами“ на киргизъ. Какъ показалъ (болѣе толково, чѣмъ другіе) управитель Дюсенбай—Чекчековской волости Джолда Чингисовъ, „азіатцы“ (Мурза-Газимовъ и пр.), „не рѣдко случалось, отправлялись въ волости, взявъ съ собою самые ничтожные товары. Пріѣзжая въ какой-либо аулъ, объявляютъ старшинамъ, что ихъ ограбили киргизцы на значительную сумму товаровъ, тогда какъ они его вовсе не имѣли, о чемъ приносится жалоба Каркаралинскому Приказу, по распоряженію коего разобраться по киргизскимъ обычаямъ, выбираютъ біями (людей изъ) совершенно постороннихъ волостей, коимъ вовсе таковыя обстоятельства бываютъ въ справедливости неизвѣстными, но только рѣшенія основываютъ на ихъ (азіатцевъ) разсказахъ, полагая рѣшеніемъ за мнимо выводимый ограбленный товаръ заплатить отвѣтчикамъ на половинную сумму вещами или баранами..... Эти азіатцы..... стараются пріобрѣтать себѣ состояніе выше выводимыми обстоятельствами, тогда какъ они въ первыхъ годахъ прихода сюда рѣшительно у себя ничего не имѣли“. Затѣмъ всѣ киргизы жаловались на разныя истязанія, чинимыя имъ толмачами, на подложное составленіе „подписокъ“ всякаго рода и т. п.[1]).

[1]) Какъ выяснилось изъ показаній киргизъ, въ Каркаралинскомъ округѣ установился такой способъ рѣшенія по жалобамъ „азіатцевъ“ на грабежи киргизъ. Толмачи, которымъ поручалось разбирать такія жалобы „по степнымъ обычаямъ“, пріѣзжали въ степь съ истцами или ихъ довѣренными и, въ лучшемъ случаѣ, ограничивались принужденіемъ отвѣтчиковъ согласиться на рѣшеніе спора черезъ выборныхъ біевъ. Истцы выбирали такихъ біевъ или изъ числа стоявшихъ почему либо на ихъ сторонѣ старшинъ, изъ татаръ или, наконецъ, изъ киргизъ, живщихъ далеко и вовсе не знавшихъ спорнаго дѣла. Біи обыкновенно рѣшали споръ въ томъ смыслѣ, чтобы за отвѣтчиковъ приняли присягу лица по выбору истца, истецъ же выбиралъ опять таки или близкихъ себѣ киргизъ, или ничего не знавшихъ по дѣлу. Послѣдніе, боясь принести ложную присягу, отказывались отъ нея, вслѣдствіе чего біи присуждали, обыкновенно, въ пользу истца какую нибудь часть иска, чаще всего половину. Разслѣдованій споровъ почти никогда не дѣлалось. Но все это—въ лучшемъ случаѣ, бывало же такъ, что лица, избранныя для принесенія присяги, не увѣдомлялись объ этомъ, а затѣмъ, по истеченіи положеннаго срока, начиналось взысканіе, гдѣ и отличались толмачи... Въ худшемъ случаѣ неграмотныхъ киргизъ принуждали прилагать тамги и печати къ бумагамъ, содержаніе которыхъ читалось или переводилось невѣрно, ставились даже подложныя тамги и т. п.

12 февраля 1848 г. дѣло объ „азіатцахъ“ было, наконецъ, разсмотрѣно Каркаралинскимъ Приказомъ, откуда поступило затѣмъ на ревизію въ Пограничное Управленіе. Здѣсь дѣло дополнялось еще около 3 лѣтъ и лишь въ концѣ 1850 г. послѣдовалъ указъ Пограничнаго Управленія, въ силу котораго киргизы, по бездоказанности обвиненія ихъ въ грабежахъ, были „оставлены отъ дѣла свободными“, въ искѣ „азіатцамъ“[1]) по той же причинѣ отказано и съ нихъ было предписано взыскать, для отдачи киргизамъ, отобранный у послѣднихъ скотъ. „Обращаясь—говорилось въ заключеніи указа—къ неправильнымъ и беззаконнымъ дѣйствіямъ членовъ Каркаралинскаго Приказа, допустившихъ рѣшеніе дѣлъ по грабежамъ, несправедливое донесеніе высшему начальству объ азіатцахъ, проживавшихъ въ Каркаралахъ; допущеніе толмача Суворова по предписаніямъ къ рѣшенію дѣлъ за грабежъ, поводомъ чего были беззаконныя дѣйствія въ этомъ разѣ его, Суворова, въ томъ числѣ составленіе подложныхъ подписокъ по рѣшеніямъ такового жъ Червева, у котораго и самое дѣло было на рукахъ и онъ писалъ по оному просьбы и прочія бумаги,—то хотя бы отъ лицъ этихъ, а именно отъ бывшаго засѣдателя губернскаго секретаря Шушерина, столоначальника Червева и толмача Суворова и слѣдовало отобрать надлежащія свѣдѣнія и потомъ, по соображеніи таковыхъ, о поступкахъ ихъ передать установленнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе жъ въ Совѣтъ Общаго Пограничнаго Управленія, но какъ изъ числа выше означенныхъ лицъ губ. сек. Шушеринъ изъ вѣдомства Пограничнаго Управленія выбылъ, а Червевъ и Суворовъ обращены въ казачье войско, то посему и на основаніи I и XXXIV п.п. Всемилостивѣйшаго Манифеста 16-го апрѣля 1841 г. обстоятельство объ нихъ также оставить безъ положенія“.

---

[1]) Мурза-Газимовъ во время производства слѣдствія успѣлъ умереть, а Бектауловъ, „какъ вредный въ степи и заключавшійся по многимъ дѣламъ“ былъ въ 1843 г. высланъ въ Ишимъ съ воспрещеніемъ на всегда въѣзда во внѣшніе округа.

VI.

Въ Аягузскомъ округѣ, который оффиціально былъ открытъ въ 1831 г., всѣ усилія русской администраціи въ послѣдующіе годы были направлены къ фактическому „устройству" этого округа. Послѣднее, согласно дѣйствовавшему Уставу о киргизахъ 1822 г., прежде всего должно было состоять въ сформированіи волостей съ исчисленіемъ въ каждой кибитокъ и скота. Дѣло это, конечно, было вообще нелегкое, на Аягузѣ же оно осложнялось жестокой борьбой изъ за первенства двухъ богатыхъ и вліятельныхъ султановъ Сарта Ючина (Джучина) и Сиванкула Ханхожина, о которой я подробно разсказалъ въ своей статьѣ, посвященной исторіи открытія Аягузскаго округа[1]). Въ концѣ концовъ Сартъ побѣдилъ Сиванкула, и когда первый, при открытіи округа, сдѣлался его Старшимъ султаномъ, Сиванкулъ сначала старался о перечисленіи съ семействомъ и нѣкоторыми приверженцами въ открывавшійся тогда Кокпектинскій округъ, а въ 1833 г. откочевалъ въ Китай. Здѣсь, около границы, онъ сталъ грабить шедшіе въ Сибирь и изъ нея караваны и тревожить подвластныхъ Россіи киргизъ. Помимо мѣръ предосторожности, администрація пыталась склонить Ханхожиныхъ къ возвращенію изъ Китая, обѣщая не только прощеніе, но даже награды. Но Сиванкулъ слишкомъ много проигралъ въ своей безпокойной жизни, чтобы идти на компромиссы, и поэтому на предложенія вернуться отвѣчалъ гордымъ отказомъ. Напротивъ, находясь въ Китаѣ, вблизи отъ Аягузскаго округа, онъ могъ даже мечтать, разсчитывая на поддержку китайскихъ властей, вернуть свое былое значеніе и богатство. Китайское правительство, дѣйствительно, не разъ заявляло права на кокпектинскихъ и аягузскихъ киргизъ и въ тайнѣ поощряло ихъ къ сопротивленію противъ устройства русскихъ округовъ. И вотъ, благодаря этому, какъ въ Каркаралинскомъ и Баянъ-

[1]) См. Памятную Книжку Семипалатинской области на 1900 годъ.

аульскомъ округахъ „отлагавшіеся“ киргизы скрывались въ независимыя отъ Россіи степи за Балхашъ, на „Семь рѣкъ“, такъ аягузскіе и кокпектинскіе киргизы откочевывали въ Китай, гдѣ часть ихъ и приставала къ Сиванкулу. Отдаленность Аягуза отъ тогдашнихъ сибирскихъ центровъ, при постоянныхъ опасеніяхъ нарушить мирныя отношенія съ Китаемъ, все это заставляло высшую администрацію Сибири дѣйствовать на границѣ съ особой осторожностью, и аягузскіе киргизы были даже освобождены, по Высочайшему повелѣнію, отъ обложенія ясакомъ до окончательнаго устройства всѣхъ волостей новаго округа, которое подвигалось довольно медленно. Въ періодъ разсылки по округамъ экзекуціонныхъ отрядовъ для наложенія контрибуціи на „отложившихся“ киргизъ, аягузскихъ киргизъ, во избѣжаніе ихъ недовольства, рѣшено было не трогать, и сформированному на Аягузѣ отряду было предписано идти не въ волости Аягузскаго округа, а къ Балхашу, исключительно для оказанія содѣйствія Каркаралинскому отряду. Но Аягузскій Приказъ, неправильно понявъ данныя ему инструкціи, какъ только отрядъ сформировался, отправилъ его для наказанія мѣстныхъ „измѣнниковъ“. Въ подробномъ сообщеніи Пограничному Начальнику Приказъ, обрисовавъ положеніе округа къ началу 1839 г., перечислилъ всѣ волости, гдѣ для усмиренія киргизъ требовалось вмѣшательство отряда. Послѣдній, по распоряженію Приказа, прежде всего долженъ былъ отправиться въ кочевья султана Солтабая Бопина, затѣмъ въ аулы нѣкоторыхъ старшинъ Семизъ-Найманской волости, оттуда въ Кыржинскую волость, до кочевавшихъ въ Семирѣчьѣ садыровскихъ родовъ Анда, Аканай и др.

Судя по сообщенію Приказа, султанъ Солтабай Бопинъ, управлявшій Сиванской волостью, обвинялся въ томъ, что, оставивъ въ округѣ незначительную часть подвластныхъ ему киргизъ, со всѣми остальными откочевалъ въ 1838 г. въ Китай. Хотя Солтабай—доносилъ Приказъ—„желая оправдать себя въ неизмѣнѣ присяги, въ началѣ отклоненія своего нѣсколько разъ завѣрялъ письменно Приказъ въ вѣрности

своей", но „наконецъ замолчалъ и не только по 1 апрѣля, но даже и по настоящее время (май 1839 г.) ни слова отъ него нѣтъ".

Въ такой же откочевкѣ въ Китай, подъ предлогомъ посѣва хлѣбовъ, обвинялись четыре старшины Семизъ-Найманской волости. Хотя управитель этой волости Чибинтай Сагаловъ и удостовѣрялъ, что „у нихъ худого намѣренія нѣтъ, но на этого Сагалова—также доносилъ Приказъ—нельзя положиться какъ по извѣстному лицемѣрію вообще киргизъ, такъ и потому, что онъ, Сагаловъ, съ подчиненными своими въ числѣ прочихъ сподозрѣнъ въ измѣнѣ присяги".

Наконецъ, роды Анда, Аканай, Тогульбай, Каптагай, Сакай и Чуэмамбетей (?), принявшіе русское подданство въ 1830 г., обвинялись въ откочевкѣ къ „Семи рѣкамъ", а Кыржинская волость—опять таки въ Китай.

Причиной откочевки кыржинцевъ (въ 1834 г.), по мнѣнію Приказа, было желаніе ихъ избѣгнуть наказанія за совершенное ими нападеніе на сотника Черемнова. При управителѣ этой волости, султанѣ Омарѣ Бопинѣ, осталось такъ мало киргизъ, что онъ съ отцомъ своимъ Бопой Абулфеизовымъ былъ перечисленъ въ Акымбетевскую волость, которой управлялъ другой сынъ Бопы-Акымбекъ. Благодаря же откочевкѣ родовъ Анда, Аканай и др. въ Семирѣчье, „а болѣе по буйности ихъ", изъ родовъ этихъ не удалось сформировать волость.

Кромѣ перечисленныхъ киргизъ подозрѣнія въ Приказѣ возбуждали и дѣйствія только что названнаго управителя Акымбетевской волости султана Акымбека Бопина и управителя Туминской волости Османа Джанаева. Послѣдній обвинялся, помимо кочеванія въ предѣлахъ Китая, въ сокрытіи, при вторичномъ исчисленіи, скота у своихъ киргизъ, Акымбекъ же Бопинъ—въ нападеніи на аулы засѣдателя Акчи Ханхожина. Ограбивъ послѣдняго „безчеловѣчно", Акымбекъ бѣжалъ въ Китай, гдѣ кочевала большая часть его волости. Къ нему потомъ присоединились отецъ его

Бопа и братья Солтабай и Омаръ и всѣ они, перейдя рѣчку Урджаръ, стали кочевать „на ур. Теректы примѣрно не болѣе отъ сего Приказа 2½ дня ѣзды".

„Такъ какъ по выведеннымъ выше обстоятельствамъ—доносилъ Приказъ—султаны Акымбекъ Бопинъ и Османъ Джанаевъ съ подвѣдомственными киргизами весьма подозрѣваются въ измѣнѣ Правительству Россіи, то дабы, во первыхъ, молчаніемъ за ихъ проступки не дать понятія прочимъ киргизамъ, чтобы русскіе были на точкѣ безсилія или невниманія къ нимъ (!) и, во вторыхъ, чтобы поставить ихъ на пункты повиновенія (!) и тѣмъ смягчить сколько-нибудь нравы ихъ", Приказъ распорядился, чтобы отрядъ водворилъ этихъ султановъ съ ихъ киргизами „на обычныя мѣста", а „при какомъ разѣ если упорство отъ нихъ встрѣтится", то дѣйствовать по отношенію ихъ какъ „совершенно съ уклонившимися въ глубь степи и не повинующимися".

Аягузскій отрядъ, въ составѣ 219 человѣкъ при одномъ конно-артиллерійскомъ орудіи, съ провіантомъ на 1½ мѣсяца, выступилъ изъ Аягуза 25 мая 1839 г. Первоначально командованіе отрядомъ было возложено на сотника Жукова, при которомъ находился хорунжій Асановъ. Съ отрядомъ, по распоряженію Приказа, отправился засѣдатель Крайкинъ съ двумя толмачами. Жукову и Крайкину были даны подробныя инструкціи, какъ дѣйствовать въ степи, и вручена особая „шнуровая тетрадь", куда „рекомендовано" было заносить: „ежедневные переходы съ означеніемъ числа верстъ примѣрно и съ описаніемъ мѣстности пройденнаго пространства; дѣйствія свои по порученію; замѣчанія, относящіяся до мѣстности кочевьевъ и быта тѣхъ киргизъ, духа ихъ; свѣдѣнія объ обычаяхъ, извлекаемыя изъ дружескихъ бесѣдъ съ старѣйшинами и т. п."

Получивъ извѣстіе о распоряженіяхъ Приказа, Пограничный Начальникъ полковникъ Ладыженскій велѣлъ немедленно возвратить отрядъ обратно и счелъ необходимымъ командировать въ Аягузскій округъ чиновника особыхъ порученій Маслова. Послѣднему было поручено, во избѣжаніе

безпорядковъ въ округѣ, тотчасъ отмѣнить распоряженіе Приказа о сборѣ контрибуціи и все взысканное съ киргизъ возвратить обратно, а если окажутся арестованные, то ихъ освободить. Полковникъ Ладыженскій нашелъ свѣдѣнія Приказа объ откочевкѣ киргизъ въ Китай сомнительными и Маслову было предписано провѣрить на мѣстѣ эти свѣдѣнія, выяснить причины безпорядковъ на Аягузѣ, а главное, принять всѣ мѣры къ окончательному устройству волостей.

Распоряженіе Пограничнаго Начальника о возвращеніи отряда дошло до Аягуза тогда, когда отрядъ былъ уже въ волостяхъ. Черезъ нѣсколько дней по выступленіи Жукова, въ Приказѣ было получено два письма отъ одного изъ волостныхъ управителей поручика Кійсыка Тезекова, въ которыхъ онъ, жалуясь на грабежи Сиванкула Ханхожина и на бѣгство къ нему киргизъ, просилъ предписать отряду прежде всего заняться поимкой Сиванкула, причемъ предлагалъ даже лично себя въ проводники отряду. Вслѣдствіе такого важнаго предложенія, Приказъ тотчасъ же поручилъ Жукову и Крайкину „всемѣрно постараться захватить султана Сиванкула", а Кійсыку отвѣтилъ, чтобы онъ прибылъ къ отряду.

Сиванкулъ кочевалъ въ это время съ своими киргизами около Тарбогатайскаго хребта, въ предѣлахъ Аягузскаго округа. Узнавъ отъ киргизъ точно мѣсто его кочевки, отрядъ двинулся туда, разсылая по дорогѣ „секретные разъѣзды". За нѣсколько дней до приближенія къ стойбищу Сиванкула, отряду стали попадаться „въ немаломъ числѣ разъѣзжающія шайки киргизъ", а вер. въ 15 до этого стойбища, въ предгорьяхъ Тарбогатая, отрядъ встрѣтилъ, наконецъ, и самого Сиванкула съ массой киргизъ, „раздѣленныхъ на нѣсколько отдѣльныхъ частей, оконившихся о двуконь и вооруженныхъ турками, саблями и пиками и при двухъ значкахъ въ родѣ знаменъ". Не дойдя 2 вер. до скопища, Крайкинъ попытался вступить съ Сиванкуломъ въ переговоры, для чего послалъ къ нему двухъ киргизскихъ старшинъ, „дабы Ханхожинъ объяснилъ имъ по самой истинѣ о причинѣ выхода

своего противу военнаго отряда, ибо знавши мы, что какъ онъ вѣрноподданный Россійскому Правительству и не долженъ того дѣлать, и если не имѣетъ противныхъ намѣреній, то уступилъ бы для отряда занятое его скопищемъ мѣсто, какъ будучи удовлетворительное въ корму и водопойное, а между тѣмъ взялъ бы съ собой лучшихъ старшинъ, біевъ и почетныхъ киргизовъ, человѣкъ до 10, и явился бы съ ними въ отрядъ для личнаго выслушанія имѣющихся распоряженій высшаго начальства, относящихся къ общему благосостоянію всѣхъ народовъ, вѣрноподданныхъ Россійскому Правительству". Сиванкулъ отвѣтилъ посланцамъ, что требуемое мѣсто онъ уступитъ отряду и готовъ вступить въ переговоры, но не иначе, чтобы мѣсто для нихъ было избрано на серединѣ пути между русскимъ и киргизскимъ отрядами. Крайкинъ согласился и во время этихъ переговоровъ потребовалъ отъ Сиванкула, „чтобы онъ, какъ есть вѣрноподданный, не противоупорствуя распоряженіямъ высшаго начальства, основаннымъ по Высочайшему соизволенію Государя Императора, остался бы на точномъ исполненіи всѣхъ отъ него законныхъ требованій и собравшійся при немъ народъ возвратился бы въ аулы". Сиванкулъ не возражалъ и обѣщалъ дать отвѣтъ по совѣщаніи съ родоначальниками своихъ киргизъ. Но вмѣсто этого, вернувшись къ себѣ, Сиванкулъ „установилъ всѣ раздѣленныя на части толпы киргизъ (человѣкъ до 2000) въ боевой порядокъ и произвелъ ружейные выстрѣлы". Отрядъ отвѣтилъ двумя залпами изъ пушки, послѣ чего киргизы пустились въ бѣгство. Посланные за ними въ погоню 100 казаковъ съ урядникомъ Сильниковымъ добрались до самаго стойбища Сиванкула въ Тарбогатайскихъ горахъ. Казаки подобрали кое-какое оружіе, брошенное киргизами (10 „турокъ", саблю, пику, пистолетъ и даже 2 кольчуги и 1 шлемъ), и захватили двухъ отставшихъ отъ „скопища" киргизъ. Стойбище оказалось брошеннымъ, только въ одной юртѣ была найдена жена Сиванкула, почему то не успѣвшая бѣжать съ своимъ мужемъ. При стойбищѣ казаками было захвачено много скота и разныхъ

вещей. Плѣнные киргизы объяснили, что за два дня до прихода русскихъ Сиванкулъ отправилъ свое семейство съ лучшими лошадьми, верблюдами и другимъ имуществомъ къ китайскимъ предѣламъ. Казаки пустились въ новую погоню и захватили еще трехъ человѣкъ и небольшое количество скота. Самому Сиванкулу удалось перейти китайскую границу, дальше которой казаки въ погоню за нимъ не пошли. Тутъ же ими были захвачены 4 барантача изъ садыровскихъ киргизъ, 3 человѣка изъ шайки Сиванкула и потомъ еще 11 киргизъ, посланныхъ Сиванкуломъ для спасенія его жены. Всего скота было захвачено: 636 лошадей, 750 штукъ рогатаго скота, 230 верблюдовъ и 9800 барановъ.

Масловъ пріѣхалъ въ Аягузъ 10 іюня. Здѣсь его „довольно радушно и довѣрчиво", какъ онъ доносилъ, встрѣтилъ какой то султанъ и „лучшіе родовичи", съ которыми Масловъ, подъ прикрытіемъ отряда изъ 44 казаковъ, и отправился догонять Жукова. При проѣздѣ черезъ волости Сиванскую, Кыржинскую и Муруновскую Масловъ также вездѣ встрѣчалъ „радушіе" и готовность исполнять его требованія. Киргизы жаловались ему на грабежи садыръ-матаевцевъ и Сиванкула, около котораго, по ихъ словамъ, группировался сбродъ изъ разныхъ волостей. 16 іюня Масловъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ султановъ, достигъ р. Карасу, недалеко отъ китайской границы, гдѣ и нашелъ отрядъ. Погромъ Сиванкула, по мнѣнію Маслова, долженъ былъ произвести громадное впечатлѣніе на киргизъ. Самъ онъ рѣшился вернуться съ отрядомъ въ аягузскіе волости, для ихъ устройства. Тогда же Масловъ, въ виду жалобъ Крайкина на поведеніе сотника Жукова, пьянствовавшаго и безъ нужды волновавшаго киргизъ своимъ жестокимъ обращеніемъ, распорядился, чтобы Жуковъ вернулся въ Аягузъ, а командованіе отрядомъ временно поручилъ хорунжему Асанову. Жена Сиванкула[1]) съ другими плѣнны-

[1]) Жена Сиванкула, по распоряженію Генералъ-Губернатора, была затѣмъ отправлена на жительство въ Томскъ, причемъ ей было разрѣшено взять съ собой одну „служанку", если кто либо изъ султановъ захочетъ ей дать таковую. На содержаніе жены Сиванкула въ

ми[1]), а также скотъ и прочее имущество, захваченные во время бѣгства Сиванкула[2]), были отправлены въ Приказъ.

Разбитый Сиванкулъ вскорѣ сумѣлъ опять собрать вокругъ себя приверженцевъ и, засѣвъ съ ними въ Тарбогатаѣ, принялся усиленно грабить караваны по дорогѣ изъ Сибири въ Кульджу и Чугучакъ. О жалобахъ на это торговцевъ было доведено до свѣдѣнія Генералъ-Губернатора, который приказалъ принять самыя энергичныя мѣры къ поимкѣ Сиванкула и разсѣянію его шайки. Съ этой цѣлью къ Тарбогатаю были направлены два отряда: одинъ изъ Кокпектовъ („заграничный") подъ начальствомъ сотника Портнягина — собственно для поимки Сиванкула, и другой изъ Аягуза подъ начальствомъ сотника Нюхалова, назначеннаго на мѣсто Жукова, — для устройства на Тарбогатаѣ временнаго военнаго поста. При этомъ Нюхалову было предписано „не вступать ни подъ какимъ видомъ въ предѣлы китайскихъ владѣній подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности". Постовые казаки должны были охранять караваны „до совершеннаго удаленія Сиванкула".

Сотникъ Портнягинъ дѣйствовалъ очень успѣшно. Отрядъ его вышелъ изъ Кокпектовъ 21 іюля 1839 г., а 29 числа того же мѣсяца Сиванкулъ былъ уже схваченъ, въ

Томскѣ было назначено по 2 р. въ сутки. Въ Томскѣ она пробыла до лѣта 1840 г., когда ей было разрѣшено вернуться въ степь.

[1]) Всего было взято въ плѣнъ, кромѣ жены Сиванкула, 23 человѣка, изъ которыхъ по дорогѣ въ Аягузъ 4 бѣжало и 1 умеръ. Изъ остальныхъ 18-ти человѣкъ оказалось подвластныхъ Россіи киргизъ 7, неподвластныхъ 8 и ташкентцевъ 3. Подвластные Россіи киргизы, по распоряженію Генералъ-Губернатора, были отправлены въ Устькаменогорскъ для преданія военному суду, а прочіе на жительство въ Томскъ.

[2]) Захваченный у Сиванкула скотъ, по распоряженію Генералъ-Губернатора, Приказъ долженъ былъ отправить въ Семипалатинскъ и сдать тамъ въ особую „Коммиссію", учрежденную для продажи контрибуціоннаго скота. Приказъ, вопреки этому распоряженію, часть скота (главнымъ образомъ, лошадей и верблюдовъ) оставилъ при отрядахъ и только часть отправилъ затѣмъ въ Семипалатинскъ, почему потомъ возникло слѣдствіе о растратѣ скота. Масса скота погибла при передвиженіи изъ степи въ Аягузъ, изъ Аягуза въ Семипалатинскъ, а также въ отрядахъ и самомъ Аягузѣ, да и уцѣлѣвшій скотъ, при сдачѣ въ Коммиссію, оказался въ очень плохомъ видѣ. Такъ, изъ 9800 барановъ, по свѣдѣніямъ Приказа, погибло 454 шт., изъ 292 лошадей — 88, изъ 168 верблюдовъ — 38. Привожу этотъ фактъ въ видѣ очень характернаго примѣра, потому что тоже происходило и въ другихъ случаяхъ „контрибуціоннаго сбора" скота у киргизъ.

280 вер. отъ Кокпектовъ, около рѣчки Катнсу[1]). Настигнутый отрядомъ и желая спасти свою семью и скотъ, Сиванкулъ рѣшился пожертвовать собой и принялъ предложеніе Портнягина, сдѣланное черезъ важаковъ отряда и ташкентца Ишева, вступить въ переговоры. Согласно условію Сиванкула, переговоры состоялись въ одной верстѣ отъ отряда, причемъ Портнягинъ могъ взять съ собой только ташкентца Ишева и одного урядника. Сиванкулъ обѣщалъ явиться на другой день въ лагерь и дѣйствительно сдержалъ свое обѣщаніе, но въ тоже время всю свою шайку со скотомъ отправилъ дальше. Когда Портнягинъ узналъ объ этомъ, онъ арестовалъ Сиванкула и послалъ въ догонку за киргизами казаковъ, которые и захватили сноху Сиванкула и много скота. Остальная шайка, съ сыномъ Сиванкула, удалилась къ оз. Алакулю. Сотникъ Портнягинъ, сообщая Генералъ-Губернатору о поимкѣ Сиванкула, просилъ наградить, кромѣ трехъ казаковъ, ташкентца Аччу Ишева и трехъ „невѣрноподданныхъ“ киргизъ-байджигитцевъ за оказаніе значительной помощи отряду въ розыскахъ Сиванкула.

Взятіе въ плѣнъ Сиванкула[2]), стоявшаго много лѣтъ во главѣ всѣхъ недовольныхъ русскими порядками южныхъ киргизъ, имѣло очень большое значеніе для успокоенія края. Группировавшіеся около него киргизы разсѣялись, а часть изъ нихъ, бѣжавшіе когда то изъ Аягузскаго округа, вмѣстѣ съ сыномъ Сиванкула султаномъ Абдулханомъ тотчасъ обратились къ посредничеству управителя Сиванской волости Солтабая Бопина, прося его исходатайствовать о при-

---

[1]) Отрядъ Портнягина сдѣлалъ слѣдующіе переходы: отъ Кокпектовъ до ур. Джусъ-агачъ (40 вер.), Курайлы (20), до рѣчки Богасу (20), р. Базарки (23), ключа Аксуатъ (7), р. Карбаги (2), ключа Кумкуль (15), р. Дебески (15), р. Акджалъ (20), р. Кудай-ульганъ (10), р. Талды (20), ключа Аркалыкъ (50) и р. Катнсу (40), всего 282 вер.

[2]) Послѣ взятія въ плѣнъ Сиванкула Аягузскимъ Приказомъ былъ возбужденъ вопросъ объ удовлетвореніи многочисленныхъ „претензій“, которыя предъявлялись вслѣдствіе грабежей Сиванкула во время кочеванія его въ Китаѣ. Генералъ-Губернаторъ призналъ, что „за прежніе убытки, нанесенные разнымъ людямъ киргизами, подвѣдомственными султану Сиванкулу Ханхожину, удовлетворенія теперь дѣлать нельзя, ибо Сиванкулъ находился тогда не въ нашихъ, а въ китайскихъ предѣлахи“.

нятіи ихъ снова въ составъ округа[1]). Черезъ нѣсколько дней въ такіе же переговоры съ Портнягинымъ вступили и остальные Ханхожины. 18 августа явился въ Кокпекты Кучукъ Ханхожинъ съ извѣщеніемъ, что его семейство съ тюленгутами, въ числѣ 20 юртъ, переходитъ съ ур. Монракъ въ русскіе предѣлы, а 24 августа къ Портнягину прислалъ письмо одинъ изъ главныхъ сподвижниковъ Сиванкула братъ его Джанбубекъ, имѣвшій китайскій чинъ „ванъ". „Мы,— писалъ Джанбубекъ—находясь вѣрноподданными Государю, съ давнихъ временъ ушли по своему произволу; хотя мы вдали находились кочевкою, но мнѣніе наше было близкимъ, гдѣ ни ходили, и Государю противностей не имѣли. Теперь вы Сиванкула взяли, а въ прочихъ, вѣрно, надобности не имѣете, а если же имѣете надобность въ прочихъ, то отдайте мнѣ Сиванкула въ руки, который можетъ собрать подвластныя ему волости и возвратится опять, а какое можетъ имѣться дѣло, я самъ могу рѣшить и заплатить обще съ подвластнымъ народомъ". Конечно, просьба Джанбубека не была исполнена, и въ отвѣтъ на приведенное письмо Портнягинъ посовѣтывалъ ему черезъ посланца какъ можно скорѣе прикочевать къ Кокпектамъ, чѣмъ онъ и докажетъ свою „преданность Государю". Впрочемъ, и самъ Джанбубекъ едва ли надѣялся на удовлетвореніе своей просьбы, такъ какъ, по словамъ посланца, собравъ дѣтей своего умершаго брата Джалгынбая, съ другимъ своимъ братомъ Рустемомъ и сыномъ Сиванкула Абдулханомъ, въ сопровожденіи тюленгутовъ, перешелъ черезъ Тарбогатайскія горы и двигался къ Кокпектинскому отряду. Всѣ они, какъ оказалось, спрашивали тайкомъ совѣтовъ у Сиванкула, а Джанбубекъ, передъ приходомъ, еще разъ обратился съ письмомъ къ Портнягину, прося его ходатайствовать о возвращеніи Ханхожинымъ ихъ кстау въ горахъ Дулангарь и урочищахъ по рѣчкамъ Кокпекты, Букони и Чигилеку и джайляу въ Кол-

[1]) Интересно указаніе сына Сиванкула, что послѣ пораженія его отца, во время бѣгства, часть бывшихъ при немъ киргизъ-кыржинцевъ не замедлили пограбить стада Сиванкула. Тоже сдѣлали и нѣкоторые его тюленгуты.

бинскихъ горахъ. Въ сентябрѣ почти весь родъ Ханхожиныхъ прикочевалъ въ русскіе предѣлы. Просимыя ими мѣста оказались занятыми нѣкоторыми членами изъ семейства Ючиныхъ, а потому Генералъ-Губернаторъ распорядился, чтобы вопросъ о водвореніи Ханхожиныхъ былъ особо разсмотрѣнъ сотникомъ Портнягинымъ съ ассесоромъ Пограничнаго Управленія Подозовъ-Чубковцемъ. Послѣдніе для обсужденія претензій Ханхожиныхъ устроили въ Кокпектахъ съѣздъ султановъ, старшинъ и біевъ Муруновскихъ, Сиванскихъ и Кыржинской волостей Аягузскаго округа. Съѣздъ постановилъ уступить Ханхожинымъ нѣкоторыя мѣстности въ Назаръ и Мурзасъ-Муруновскихъ волостяхъ. Ханхожины просили потомъ о переводѣ ихъ на правую сторону Иртыша, но въ этомъ имъ было отказано, какъ и въ просьбѣ о прощеніи Сиванкула. Онъ умеръ въ ссылкѣ 15 іюня 1841 г.

Сотникъ Нюхоловъ на Тарбогатаѣ пробылъ до октября 1839 г. Здѣсь дѣятельность его состояла въ водвореніи въ округѣ вернувшихся туда послѣ плѣненія Сиванкула киргизъ, входившихъ раньше въ составъ Кыржинской и Акымбетевской волостей[1]), а также въ переговорахъ съ независимыми отъ Россіи киргизами пограничныхъ Байджигитской и Кызаевской волостей. Султанъ Байджигитской волости Сабекъ Сюковъ съ братьями не прочь былъ даже, судя по одному донесенію Нюхолова, вступить въ русское подданство, но когда многіе байджигитцы стали послѣ этого откочевывать отъ Сюковыхъ, Нюхоловъ ограничился отобраніемъ отъ этихъ султановъ и одного изъ султановъ Кызаевской волости Ботека Абулфеизова подписки въ томъ, что они карауловъ грабить не будутъ, съ русскими киргизами станутъ жить въ мирѣ, а въ случаѣ „прихода по какимъ либо служебнымъ обязанностямъ съ воли высшаго начальства“ русскихъ военныхъ отрядовъ, будутъ оказывать „въ законныхъ требованіяхъ должное пособіе и услугу“. Впрочемъ, въ этихъ подпискахъ говори-

[1]) Всего вернулось 159 ауловъ. Нюхоловъ, согласно ихъ желанію, причислилъ ихъ къ Сивановской и Туминской волостямъ. Управители послѣднихъ султаны Солтабай Бопинъ и Османъ Джанаевъ дали подписки съ ручательствомъ за эти аулы.

лось и о томъ, что подписавшіе ихъ султаны обязываются „власть Россійскаго Правительства принять". Дѣятельное участіе въ переговорахъ съ байджигитцами принимали султанъ Туминской волости Османъ Джанаевъ и поручикъ Кійсыкъ Тезековъ. Нюхоловъ добился даже отъ Сюковыхъ удовлетворенія небольшихъ претензій разныхъ торговцевъ изъ татаръ и ташкентцевъ, ограбленныхъ Сиванкуломъ вмѣстѣ съ байджигитцами.

Дальнѣйшее пребываніе Нюхолова на Тарбогатаѣ было признано излишнимъ, и по возвращеніи его въ Аягузъ присланный туда въ началѣ 1839 г. вспомогательный отрядъ изъ 200 казаковъ былъ отозванъ на линію.

VII.

Вернемся теперь къ дѣйствіямъ чиновника особыхъ порученій Маслова, который, какъ сказано выше, былъ командированъ Пограничнымъ Начальникомъ для разслѣдованія безпорядковъ въ Аягузскомъ округѣ и устройства волостей.

Послѣ стычки съ Сиванкуломъ Масловъ, вмѣстѣ съ засѣдателемъ Крайкинымъ, отправился, въ сопровожденіи казачьяго отряда, въ волновавшіяся, по свѣдѣніямъ Приказа, волости. Какъ видно изъ подробныхъ донесеній Маслова Пограничному Начальнику, сообщенія Приказа объ откочевкѣ аягузскихъ волостей въ Китай онъ нашелъ неосновательными. Оказалось, что Приказъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній ни о мѣстахъ кочевокъ киргизъ, ни даже о предѣлахъ округа, благодаря чему входившія въ составъ его земли считалъ китайскими. Въ Китай, въ цѣломъ составѣ, аягузскія волости не откочевывали, а время отъ времени туда удалялись изъ разныхъ волостей киргизы, виновные въ тѣхъ или иныхъ преступленіяхъ, особенно въ нападеніи на русскіе отряды, сопровождавшіе чиновниковъ при устройствѣ волостей. Такъ, часть кыржинцевъ бѣжала въ Китай послѣ

разбитія сотника Черемнова, часть туминцевъ—послѣ нападенія на засѣдателя Павлинова. Изъ числа бѣжавшихъ изъ округа киргизъ и вербовалъ, главнымъ образомъ, свою шайку Сиванкуль Ханхожинъ. Вообще, Масловъ признавалъ его первымъ виновникомъ непорядковъ на границѣ. Благодаря своей громкой извѣстности, Сиванкулъ манилъ къ себѣ киргизскую вольницу и жестоко грабилъ киргизъ подвластныхъ Россіи волостей, особенно гдѣ господствовали ненавистные ему Ючины.

Второй изъ главныхъ причинъ безпорядковъ въ Аягузскомъ округѣ Масловъ считалъ неустройство отдаленныхъ Садыровской и Матаевской волостей, киргизы которыхъ отличались своими грабежами. Эти грабежи волновали мирныхъ киргизъ и вызывали въ нихъ стремленіе къ мести, благодаря чему въ округѣ процвѣтала взаимная баранта.

Наконецъ, такіе же грабежи киргизъ Тобуктинскихъ волостей сосѣдняго Каркаралинскаго округа и захватъ ими зимовыхъ стойбищъ у сивановцевъ и семизъ-найманцевъ заставили тѣхъ и другихъ бросить свои родовыя кочевки и удалиться къ югу, что Приказъ ошибочно счелъ за откочеваніе ихъ въ Китай.

Такимъ образомъ, по заключенію Маслова, въ Аягузскомъ округѣ взысканію установленной контрибуціи подлежали только киргизы, удалившіеся къ Сиванкулу Ханхожину.

Главное вниманіе Масловъ обратилъ на вопросъ о сформированіи аягузскихъ волостей. Съ этой цѣлью онъ старался привлечь къ себѣ вліятельныхъ и почетныхъ киргизъ и, дѣйствительно, добился съ ихъ стороны постоянной поддержки. Такъ, ему во многомъ помогали управитель Сивановской волости султанъ Солтабай Бопинъ, управитель Туминской волости султанъ Османъ Джанаевъ (все люди, подозрѣвавшіеся Приказомъ въ измѣнѣ), а на пути отъ мѣста стычки съ Сиванкуломъ въ Садыровскую волость Маслову удалось даже склонить къ принятію русскаго подданства очень вліятельнаго султана Бексултана Агадаева, управлявшаго частью

семизъ-найманцевъ[1]). Бексултанъ изъявилъ согласіе на устройство въ его волости осѣдлаго пункта съ русской стражей, причемъ просилъ построить домъ и для него. Всѣхъ приставшихъ къ нему киргизъ изъ другихъ волостей Бексултанъ обѣщалъ больше при себѣ не держать[2]). Въ Садыровской волости Масловъ также встрѣтилъ „покорность“ со стороны „ея главныхъ родоначальниковъ“ — султановъ Буленя Шанхаева и Ибака Джабаева. Они не только обязались допустить „устройство“ ихъ волости, но обѣщались склонить къ тому же и матаевцевъ. Такъ какъ до Маслова дошли слухи, что послѣдніе, „разстраиваемые ташкентцами, между ими находящимися“, намѣрены или откочевать, или оказать русскимъ сопротивленіе, то онъ распорядился, чтобы Крайкинъ, задержавъ „главнѣйшихъ“ изъ садыровцевъ въ видѣ заложниковъ, немедленно двинулся съ отрядомъ въ кочевья матаевцевъ, „дабы этимъ поспѣшнымъ движеніемъ предупредить, сколько можно, всякое невыгодное ихъ покушеніе“. Кромѣ того Масловъ поручилъ Крайкину, при сформированіи Садыровской и Матаевской волостей, захватить главныхъ виновниковъ безпорядковъ и возмущающихъ киргизъ ташкентцевъ, а также настоять, чтобы всѣ „претензіи“ на садыровцевъ и матаевцевъ были удовлетворены „по степному разбирательству“. Затѣмъ Крайкинъ—самъ Масловъ возвращался въ Аягузъ—долженъ былъ привести къ присягѣ султана Бексултана Агадаева съ его киргизами и сформировать волость изъ булатчинскихъ киргизъ, согласившихся вступить въ округъ передъ самой стычкой съ Сиванкуломъ.

Описывая въ отчетѣ о своей командировкѣ причины безпорядковъ на Аягузѣ, Масловъ между прочимъ указалъ, что и самъ Приказъ не мало былъ въ нихъ повиненъ вслѣдствіе господствовавшихъ въ немъ „непорядковъ“ и „даже видовъ

[1]) При открытіи Аягузскаго округа Семизъ-найманцевская волость раздѣлилась на двѣ части. Меньшая ея часть, управителемъ которой сталъ султанъ Чибинтай Сагаловъ, вошла въ составъ округа, а большая, во главѣ съ Бексултаномъ Агадаевымъ, русскаго подданства не приняла.

[2]) См. Приложеніе IV.

злоупотребленій". Приказъ не заботился о киргизахъ, не принималъ мѣръ къ прекращенію баранты, не привелъ даже въ извѣстность, какъ сказано выше, предѣловъ округа, благодаря чему неосновательно обвинялъ киргизъ въ измѣнѣ. Наконецъ, поведеніе членовъ Приказа не могло вызвать къ нимъ уваженія среди киргизъ: между засѣдателями были „личности", а одинъ изъ нихъ, Пушкаревъ, жаловался даже, что „онъ былъ дранъ отряднымъ начальникомъ Герасимовымъ розгами"... Передъ отъѣздомъ изъ Аягуза Масловъ предложилъ Приказу исправить всѣ допущенные непорядки и, между прочимъ, распорядился, чтобы Приказъ, начиная съ весны до возвращенія киргизъ на зимовыя стойбища, содержалъ въ разныхъ мѣстахъ округа пикеты и разъѣзды, въ особенности по обѣ стороны Тарбоготая до рѣчки Караколъ и по р. Урджаръ[1]).

„Распорядясь, такимъ образомъ, мѣстнымъ распоряженіемъ уничтожить каждую причину непорядка и неспокойствія" — писалъ Масловъ Пограничному Начальнику — „осмѣливаюсь завѣрить Васъ, что въ прочномъ спокойствіи Аягузскаго округа и преданности его киргизъ теперь вовсе не представляется сомнѣній, если только тамошній Приказъ придержится въ своихъ дѣйствіяхъ сколько моихъ требованій, а болѣе повелѣній Вашихъ по настоящему предмету, въ руководство ему данныхъ". Чтобы округъ, затѣмъ, могъ „совершенно улучшиться", по мнѣнію Маслова, были необходимы слѣдующія мѣры. Во первыхъ, должно было „обратить вниманіе на его осѣдлость". Этому много способствовало бы удовлетвореніе просьбы султана Бексултана Агадаева (см. выше) и, въ слѣдъ за нимъ, другихъ „родовичей" о разрѣшеніи имъ построить дома въ своихъ кочевьяхъ, ибо „начало домостроительства, по неотъемлемой его связи съ земледѣліемъ, въ Аягузскомъ краѣ довольно въ обширномъ видѣ производящемся, можетъ быть началомъ ожидаемой осѣдлости". Въ тѣхъ же видахъ Масловъ находилъ необходимымъ разрѣшить Аягузскому отрядному начальнику Ню-

[1]) См. Приложеніе V.

холову устроить вблизи Аягуза мельницу и „предписать распространить тутъ хлѣбопашество". „Многіе аягузскіе киргизы—сообщалъ Масловъ—особенно дальніе, всѣ хлѣбопашцы и, не имѣя мельничнаго заведенія, большею частью употребляютъ хлѣбъ въ пищу зерномъ—поэтому подобное заведеніе (т. е. мельница), по необходимой надобности въ мукѣ, повлечетъ ихъ къ себѣ и сблизитъ, всего важнѣе, съ Приказомъ, если не кочевками, то взаимными отношеніями и привязанностію". Во вторыхъ, успокоенію округа содѣйствовало бы скорѣйшее „учрежденіе при Аягузскомъ Приказѣ лавокъ и базара", съ запрещеніемъ „производить торговлю русскимъ, ташкентцамъ, бухарцамъ и татарамъ въ волостяхъ". „Въ настоящее время—писалъ Масловъ—въ рукахъ этихъ людей вся киргизская торговля: они для нея постоянно кочуютъ вмѣстѣ съ волостями, а киргизы черезъ это всѣ нужды свои получаютъ на мѣстѣ. Между тѣмъ люди эти имѣютъ вліяніе, иногда невыгодное, на самые умы ихъ—по крайней мѣрѣ, пользуясь покровительствомъ и защитою этихъ киргизъ, изъ страха и необходимостей содѣйствуютъ ихъ предпріятіямъ, часто несовмѣстнымъ съ цѣлію Правительства. Обращеніемъ же торговли къ Приказу сколько предупредится этотъ безпорядокъ, но всего главнѣе киргизы, даже самые отдаленные, будутъ, по необходимой нуждѣ, посѣщать мѣстное начальство, которое черезъ это воспользуется всѣми выгодами въ управленіи". Въ четвертыхъ, для прекращенія грабежей садыровцевъ и матаевцевъ, а также независимыхъ отъ Россіи киргизъ Большой Орды, слѣдуетъ „назначить постоянный или хотя въ одно лѣтнее время бикетъ въ кочевьяхъ султана Бексултана Агадаева и отъ него разъѣзды по рѣчкѣ Чанчилы". Въ пятыхъ, необходимо произвести въ Аягузскомъ округѣ выборы на должности Старшаго султана и засѣдателей отъ киргизъ. Послѣ смерти въ 1832 г. Сарта Ючина должность Старшаго султана въ округѣ исправлялъ кандидатъ подполковникъ Джабай Шанхаевъ, „султанъ въ преклонныхъ лѣтахъ, слабый по уму и вліянію даже на собственную его Садыровскую волость". Было бы

всего лучше для округа, ослибы должность Старшаго султана занялъ Бексултал Агадаевъ, котораго Масловъ вообще просилъ „принять въ особенное вниманіе“, въ виду его силы и вліянія среди киргизъ и благопріятныхъ отзывовъ о немъ торговцевъ. Наконецъ[1]), „для показанія въ народѣ, сколько начальство милостиво и признательно къ преданнымъ и вѣрнымъ киргизамъ“, Масловъ просилъ „болѣе почетнѣйшимъ испросить награжденія, а менѣе значительнымъ послать таковыя при похвальныхъ листахъ“[2]).

Послѣ отъѣзда Маслова, согласно его распоряженію, Крайкинъ принялся за сформированіе Садыровскихъ и Матаевскихъ волостей. Садыровцы всѣ приказанія исполняли безпрекословно и даже вступили въ соглашеніе съ каракиреевскими киргизами по спорамъ о барантахъ. Было рѣшено предать забвенію старыя баранты и разсчеты вести только по барантамъ за послѣдніе три года. Не то ожидало Крайкина у матаевцевъ. При вѣсти о приближеніи русскихъ, подстрекаемые ташкентцами, они бросили обычныя мѣста кочевокъ и двинулись всей массой по направленію къ р. Чу. Вслѣдствіе этого отрядъ[3]) 12 іюля оставилъ Садыровскую волость и по предгорьямъ Алатау отправился въ догонку за бѣглецами. Черезъ недѣлю, 19 іюля, отрядъ настигъ ихъ между р.р. Караталомъ и Коксу,—гдѣ сгруппировалось около 4 т. киргизъ. Посланные къ нимъ для переговоровъ стар-

[1]) Мѣропріятія, предложенныя Масловымъ для устройства Аягузскаго округа, я изложилъ по пунктамъ по своему, такъ какъ собственный его отчетъ отличается массой повтореній и крайней сбивчивостью.

Отчетъ Маслова Пограничнымъ Начальникомъ былъ представленъ Генералъ-Губернатору, который разрѣшилъ произвести въ Аягузскомъ округѣ выборы Старшаго султана и засѣдателей отъ киргизъ и построить домъ Бексултану Агадаеву въ его кочевьяхъ („если только не предетавляется, по отдаленности ихъ отъ Приказа, никакой опасности для тѣхъ рабочихъ, которые, вѣроятно, будутъ назначены въ помощь къ постройкѣ этого дома“). Также было разрѣшено „построеніе“ при Аягузскомъ (и Каркаралинскомъ) Приказѣ лавокъ и базара, „когда есть возможность это сдѣлать на счетъ суммъ, отпускаемыхъ на построеніе при Приказахъ зданій и ремонтъ ихъ, или самихъ торговцевъ“. Воспретить послѣднимъ торговлю въ волостяхъ Генералъ-Губернаторъ не призналъ себя въ правѣ, а рекомендовалъ Пограничному Начальнику „черезъ кого слѣдуетъ добровольно согласить торговцевъ производить свою торговлю въ Приказахъ, а не въ волостяхъ, въ чемъ, вѣроятно, они увидятъ свою пользу по безопасности, сопряженной съ этой мѣрой“.

[2]) См Приложеніе VI.

[3]) Отрядомъ командовалъ сотникъ Медвѣдевъ.

шина Бійбатъ Бектурановъ и татаринъ Аминовъ добиться ничего не могли, почему отрядъ былъ двинутъ впередъ. Тогда на него со всѣхъ сторонъ устремились киргизы съ бывшими среди нихъ, въ числѣ около 100 человѣкъ, ташкентцами и стали стрѣлять по казакамъ. Впереди толпы ѣздилъ со значкомъ одинъ изъ ташкентцевъ и руководилъ нападавшими. У киргизъ также былъ свой значекъ. Отрядъ отвѣтилъ ружейными и пушечными выстрѣлами, отъ которыхъ киргизы тотчасъ разсыпались въ разныя стороны, увлекая въ бѣгство и ташкентцевъ. Послѣ этого киргизами были отправлены къ Крайкину посланцы съ просьбой о пощадѣ. Со стороны русскихъ потерь не было, у киргизъ же, между прочимъ, былъ тяжело раненъ предводительствовавшій ими ташкентецъ. 20 іюля къ Крайкину явились съ повинной сами матаевскіе султаны Иса Саиновъ и Джангыръ Шанхаевъ съ сыновьями Джанбубекомъ и Тобукомъ. Султаны, отъ лица народа, изъявили согласіе на устройство ихъ волости съ перечетомъ кибитокъ и скота и на возвращеніе къ прежнимъ мѣстамъ кочевокъ. Тогда же султанами было составлено прошеніе на имя Пограничнаго Начальника съ жалобой на притѣсненія ташкентцевъ, которые съ 1838 г. стали собирать съ матаевцевъ алымъ и требовали, чтобы они перешли въ ихъ подданство[1]). Султаны просили, чтобы на р. Аксу былъ устроенъ постоянный военный постъ для наблюденія за ташкентцами, такъ какъ иначе, по уходѣ русскихъ, они не замедлятъ возобновить свои притязанія и обиды[2]).

Покончивъ съ устройствомъ матаевцевъ и взявъ съ нихъ подписку „въ дѣйствительной ихъ преданности къ Россіи и недѣланіи баранты и грабежей между собою, равнымъ образомъ и проѣзжающимъ черезъ ихъ волости торговымъ людямъ обидъ и притѣсненій“, Крайкинъ съ отрядомъ отправился 2 августа на р. Лепсу къ садыровцамъ, чтобы закончить ихъ устройство, а затѣмъ передвинулся къ р. Тэнтэкъ-

[1]) Матаевцы и садыровцы вступили въ русское подданство при открытіи Аягузскаго округа.

[2]) Прошеніе было послано отъ имени „Матаевской волости султановъ, біевъ и вообще всѣхъ киргизовъ оной“.

су, гдѣ привель къ присягѣ семизъ-найманскаго султана Бексултана Агадаева. Дальнѣйшая дѣятельность Крайкина состояла въ устройствѣ, кромѣ Семизъ-Найматовской волости, еще нѣкоторыхъ другихъ волостей, причемъ обязательно производился перечетъ ауловъ, кибитокъ и скота и брались подписки, что такая то волость будетъ въ повиновеніи Россіи, жить съ сосѣдями въ мирѣ, баранты производить не станетъ и т. п. 9 октября 1839 г. Крайкинъ всѣ возложенныя на него порученія кончилъ и вернулся въ Аягузъ[1]).

VIII.

Предположенія Маслова, что послѣ устройства волостей въ Аягузскомъ округѣ водворится спокойствіе, далеко не оправдались, и въ округъ ежегодно приходилось отправлять на лѣто болѣе или менѣе значительные отряды съ линіи. Безпорядки, главнымъ образомъ, происходили на западной границѣ округа, гдѣ кочевали матаевцы, постоянно враждовавшіе съ независимыми тогда отъ Россіи киргизами юсуновцами, входящими въ составъ Большой Орды. Вражда сопровождалась взаимными набѣгами и барантой, о размѣрахъ которой можно судить, наприм., по слѣдующему донесенію толмача Михайлова, бывшаго въ февралѣ 1843 г. „по дѣламъ службы“ въ пограничныхъ волостяхъ. Киргизы сообщили Михайлову, что матаевцы вмѣстѣ съ садыровцами и аргынцами[2]), въ числѣ 5 т. человѣкъ, ѣздили на баранту въ Юсуновскія волости, откуда возвратились, взявъ въ плѣнъ „до 200 женъ и дѣтей“ (въ томъ числѣ 9 султанскихъ дочерей) и захвативъ въ добычу, кромѣ разнаго домашняго имущества, до 300 верблюдовъ, 900 лошадей, 200 штукъ рогатаго скота и 20 т. барановъ. При этомъ матаевцы ограбили, будто-бы, по пути 3 купеческихъ коша. Такой удач-

[1]) Какъ видно изъ представленной Крайкинымъ „вѣдомости“, въ составъ Аягузскаго округа въ 1839 г. вновь вступило 1390 ауловъ въ числѣ 5737 кибитокъ и 37325 д. об. п. См. прил. VII.

[2]) Не киргизами ли Каркаралинскаго округа?

ный набѣгъ, съ одной стороны, долженъ былъ вызвать месть юсуновцевъ, а съ другой, еще больше разжигалъ среди матаевцевъ ихъ страсть грабить сосѣдей. Въ томъ же февралѣ бій Байтулакъ Тенизбаевъ, собравъ около 2 т. человѣкъ изъ матаевцевъ, садыровцевъ и каракиреевскихъ волостей, не смотря на предостереженія Михайлова и султановъ Буленя Шанхаева, Ибака Джабаева и Исы Джангырова, снова отправился на баранту къ юсуновцамъ. Въ волостяхъ шелъ упорный слухъ, что тѣ же барантачи, во избѣжаніе наказанія со стороны русскихъ властей, готовились откочевать за Алатау въ китайскіе предѣлы. Такъ какъ сообщеніе Михайлова подтвердилъ Старшій султанъ Аягузскаго округа Бексултанъ Агадаевъ, то въ концѣ марта на границу былъ отправленъ казачій отрядъ въ 50 человѣкъ, а въ маѣ, на смѣну его, былъ присланъ съ линіи отрядъ въ 100 казаковъ, который и пробылъ тамъ до октября. Отрядамъ было предписано не переходить „ни подъ какимъ предлогомъ“ черезъ р. Лепсу и „не далѣе касаться, на случай надобности, какъ до южнаго склона Тарбогатайскаго хребта, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, преданія виновныхъ въ семъ военному суду“. Тому и другому отряду дѣйствовать оружіемъ не пришлось, такъ какъ матаевцы и садыровцы, при участіи засѣдателя Петрановскаго-Бѣлаша и Старшаго султана, сговорились съ юсуновцами окончить дѣла по обоюднымъ „претензіямъ“ черезъ избранныхъ обѣими сторонами біевъ. Послѣдніе постановили, чтобы спорящіе разсчитались „хозяинъ съ хозяиномъ полюбовно при посредствѣ обществъ“.

Но это былъ не миръ, а очень коротенькое перемиріе, и въ слѣдующіе годы набѣги и баранта между аягузскими киргизами и юсуновцами продолжались по прежнему. Юсуновцы жаловались Пограничному Начальнику; съ его стороны дѣлались неоднократныя „подтвержденія“ Аягузскому Приказу и Старшему султану „объ удержаніи между киргизами нашими и юсуновскими дружескихъ отношеній, тишины и спокойствія“; разсылались даже циркуляры по пограничнымъ

волостямъ о тѣхъ же „дружескихъ отношеніяхъ“ [1]),—но всѣ эти мѣры мало помогали дѣлу. Отряды приходилось держать на Лепсѣ не только лѣтомъ, но даже и зимой. Такъ въ концѣ 1844 г., вслѣдствіе сообщеній султана Буленя Шанхаева, что вражда между матаевцами и садыровцами, съ одной стороны, и юсуновцами, съ другой, „за всѣми миролюбивыми разсчетами“ не только не прекращается, а наоборотъ, усиливается, къ Буленю было послано 25 казаковъ во главѣ съ урядникомъ Каргаполовымъ. Туда же былъ командированъ Приказомъ засѣдатель Смельницкій, который „секретнымъ образомъ“ долженъ былъ разузнать о главныхъ виновникахъ безпорядковъ. По этому „секретному разслѣдованію“ оказалось, что „главное безпокойство существовало въ нашихъ (т. е. аягускихъ) волостяхъ, кочующихъ за предѣлами р. Лепсы и въ горахъ Алатавскихъ на ур. Джанке, гдѣ и Старшій султанъ Бексултанъ Агадаевъ кочуетъ“. Послѣднему—сообщалъ Пограничному Начальнику Смельницкій—„полагать должно, болѣе всѣхъ извѣстны безпорядки Семирѣченскаго края и отъ него также должно зависѣть и водвореніе спокойствія какъ въ нашихъ волостяхъ, такъ и въ юсуновскихъ“. Въ маѣ 1845 г. на Лепсу отправился другой отрядъ съ линіи изъ 50 казаковъ подъ начальствомъ сотника Черемнова, которому опять таки было предписано не переходить Лепсы и „не далѣе касаться, еслибъ встрѣтилась надобность, какъ до южнаго только склона Тарбогатайскаго хребта“.

Послѣ прибытія на Лепсу Черемнова, матаевцы, какъ всегда, присмирѣли, за то усилились безпорядки на южной границѣ округа, за которой кочевали байджигитцы и кызаевцы. Одна большая шайка барантачей подрядъ произвела нѣсколько нападеній даже на должностныхъ лицъ, вслѣдствіе чего Пограничное Управленіе распорядилось, „чтобы въ волостяхъ изъ среды самихъ же киргизъ учреждены были усиленные караулы при табунахъ и въ самыхъ аулахъ для охраненія отъ барантовщиковъ, а равно посылались бы без-

[1]) См. Приложеніе VIII.

прерывные разъѣзды изъ отборныхъ киргизъ для открытія и преслѣдованія хищниковъ". Надо думать, что само Пограничное Управленіе едва ли вѣрило въ выполнимость такого предписанія, и потому тогда же было рѣшено послать на р. Урджаръ казаковъ, а съ ними особый отрядъ, который Приказъ долженъ былъ сформировать изъ 100—200 „отборныхъ киргизъ". Хотя предполагалось даже сдѣлать начальникомъ этого киргизскаго отряда султана Барака, но, кажется, отрядъ такой сформированъ не былъ, да и самые казаки вскорѣ были отозваны съ Урджара.

IX.

Въ 1841 г. Кенесары Касымовъ, по ходатайству Оренбургскаго Генералъ-Губернатора Перовскаго, получилъ Всемилостивѣйшее прощеніе и временно удалился отъ границъ Западно-Сибирскаго Генералъ-Губернаторства въ степи между р. Сыръ-Дарьей и оз. Телекулемъ. Это, впрочемъ, не помѣшало ему разсылать свои шайки для баранты въ западно-сибирскіе округа. Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири князь Горчаковъ смотрѣлъ на Кенесары совсѣмъ иначе, чѣмъ неоднократно бравшій его подъ свое покровительство Перовскій: по округамъ Западной Сибири постоянно дѣлались предписанія схватить, если возможно, Кенесары, а въ 1843 г., по ходатайству того же князя Горчакова, Оренбургскому начальству было Высочайше повелѣно вмѣнить Кенесары въ обязанность кочевать около Оренбургской линіи, вдали отъ Западно-Сибирскаго Генералъ-Губернаторства. Тогда Кенесары сбрасываетъ маску и открыто поднимаетъ возстаніе среди оренбургскихъ киргизъ. Чтобы воспрепятствовать мятежникамъ врываться изъ южныхъ степей въ сѣверныя, было рѣшено устроить укрѣпленія у Муголжарскихъ горъ, на Иргизѣ и при сліяніи его съ Тургаемъ: изъ этихъ укрѣпленій и раньше существовавшихъ на Улутау и Актау должна была образоваться цѣлая оборонительная линія. Въ 1845 г. Кенесары получаетъ новое Все-

милостивѣйшее прощеніе, но въ томъ же году въ степь для усмиренія его опять пришлось выслать военные отряды, отъ которыхъ Кенесары скрылся сначала въ Туркестанъ, а потомъ перешелъ на р. Или, въ кочевья киргизъ Большой Орды.

Для Аягузскаго и Каркаралинскаго округовъ, съ появленіемъ Кенесары на Или, наступило еще болѣе тревожное время, чѣмъ прежде. Какъ всегда, Кенесары удалось и здѣсь найти себѣ дѣятельныхъ помощниковъ, въ особенности въ лицѣ каркаралинскаго султана Худайменды Газина. Послѣднему удалось какимъ то образомъ бѣжать 16 мая 1845 г. изъ омскаго острога и, несмотря на тщательные розыски, пробраться въ южныя степи за Балхашъ[1]). Небольшія шайки хищниковъ стали снова появляться въ пограничныхъ волостяхъ Каркаралинскаго округа, держа въ тревогѣ все населеніе. Въ серединѣ ноября 1845 г. одна изъ такихъ шаекъ, въ 100 приблизительно человѣкъ, разгромила въ Карсонъ-Кирнеевской волости цѣлыхъ четыре аула старшины Саукумбая Тазова, причемъ самъ Саукумбай былъ убитъ, а нѣсколько семействъ взято въ плѣнъ. Во главѣ шаекъ стояли султаны Иржанъ Саржановъ (племянникъ Кенесары) и неутомимый Худайменды Газинъ, рѣшившій жестоко разсчитаться со своими врагами въ Каркаралинскомъ округѣ и отомстить за нанесенныя ему обиды. Среди киргизъ ходили упорные слухи, что Худайменды собирается захватить въ округѣ свое семейство и отца Газы Букеева, чтобы перевести ихъ за Балхашъ. Самъ Кенесары въ концѣ 1845 г. былъ вер. въ 200 отъ Актау на ур. Джиты-Конуръ, откуда разсылалъ, кромѣ отрядовъ, посланцевъ по киргизскимъ волостямъ съ письмами, въ которыхъ на первомъ планѣ стояло требованіе, чтобы киргизы откочевывали къ нему подъ страхомъ, въ случаѣ непослушанія, полнаго разгрома.

---

[1]) Худайменды Газинъ бѣжалъ изъ острога „по слабости караула“ въ ночь на 16 мая вмѣстѣ съ арестантомъ изъ новокрещенныхъ киргизъ Александромъ Васильевымъ. О бѣгствѣ ихъ тотчасъ же было дано знать всѣмъ Приказамъ, отряднымъ начальникамъ и проч. для „самоакуратнѣйшаго розысканія“ бѣглецовъ.

Въ виду такихъ событій на границѣ Каркаралинскаго округа, туда былъ командированъ чиновникъ особыхъ порученій Ивашкевичъ, Каркаралинскому же Приказу Пограничнымъ Начальникомъ было разрѣшено снаряжать, въ случаѣ надобности, казачьи отряды, не испрашивая на то всякій разъ позволенія. Пограничный Начальникъ просилъ особымъ письмомъ Старшаго султана Каркаралинскаго округа Кушпека Таукина[1]), помимо принятія мѣръ предосторожности противъ грабителей, о захватѣ Газина. Сначала Таукинъ и Приказъ ограничились посылкой въ пограничныя волости засѣдателя отъ киргизъ Курджубая Иткарина и толмачей съ нѣсколькими казаками, но такъ какъ хищники не переставали пробираться въ округъ, и одна изъ пограничныхъ волостей, Карсонъ-Кирнеевская, гдѣ Худайменды когда то былъ управителемъ, сильно волновалась, Приказъ рѣшилъ отправить на границу отрядъ изъ 50 казаковъ. Отрядъ, подъ начальствомъ сотника Усова, выступилъ изъ Каркараловъ 11 декабря 1845 г. для слѣдованія въ Альтэкэ-Сарымовскую и Карсонъ-Кирнеевскую волости. Съ отрядомъ отправился и Старшій султанъ. Чѣмъ дальше отъ Каркараловъ, тѣмъ дорога становилась все труднѣе: вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ и гололедицы лошади и вьючные верблюды обрѣзали себѣ ноги, такъ что отрядъ съ величайшими усиліями проходилъ иногда въ сутки не болѣе 2 вер. Кушпекъ даже распорядился, чтобы мѣстные киргизы гнали впереди отряда, для проложенія ему дороги, по 100 и болѣе лошадей и верблюдовъ. Только благодаря этому отрядъ добрался черезъ нѣсколько дней до ур. Тогонбай въ предѣлахъ Альтэкэ-Сарымовской волости, въ 150 вер. отъ Каркараловъ. Здѣсь Кушпекъ собралъ черезъ гонцовъ управителей Альтэкэ-Сарымовской, Куянчи-Тагаевской и Карсонъ-Кирнеевской волостей для переговоровъ о положеніи дѣлъ на границѣ. Управитель послѣдней волости Испергень Садырбаевъ жаловался Кушпеку, что передъ самымъ выступленіемъ отряда Худайменды Газинъ съ Иржаномъ Саржановымъ снова были въ его во-

[1]) Былъ избранъ Старшимъ султаномъ вмѣсто Турсуна Чингисова.

лости и отбарантовали свыше 4 т. лошадей. Кушпекъ распорядился, чтобы волостные управители выставляли въ теченіе всей зимы отряды изъ „вооруженныхъ о двуконь“ киргизъ для наблюденія за хищниками[1]) и чтобы кочевавшіе вблизи границы киргизы перешли на кочевку ближе къ Приказу. Тогда же было захвачено семейство Худайменды и переведено къ Каркараламъ. Дальше ур. Тогонбая отрядъ, по бездорожью, не пошелъ и вернулся въ Каркаралы 25 декабря.

Пограничный Начальникъ одобрилъ всѣ мѣры, принятыя для охраны каркаралинскихъ киргизъ Кушпекомъ Таукинымъ, и вызвалъ его для личныхъ объясненій въ Омскъ. Тогда же Приказомъ было получено сдѣланное Генералъ-Губернаторомъ предписаніе „разрѣшить киргизамъ своего (т. е. Каркаралинскаго) округа, если шайки мятежнаго султана Кенесары Касымова будутъ покушаться нападать на табуны киргизъ нашихъ и отгонять лошадей, возвращать себѣ ограбленное тѣми самыми способами, каковыми у нихъ была похищена хищниками ихъ собственность, объявивъ только киргизамъ, чтобы они къ этому выбирали удобное время и составляли изъ себя вооруженную партію въ довольно значительномъ числѣ, дабы могли отражать могущія встрѣтиться со стороны хищниковъ нападенія“.

26 марта сотникъ Усовъ съ отрядомъ въ 125 человѣкъ при одномъ орудіи снова былъ посланъ въ степь для отраженія шаекъ Кенесары. Пунктомъ, гдѣ Усовъ долженъ былъ остановиться, было назначено ур. Ичке-Ульмесъ. Кромѣ того Старшему султану было предложено отъ имени Генералъ-Губернатора сформировать „для разъѣздовъ при отрядѣ и разузнанія о появленіи шаекъ“ особый отрядъ изъ 150—200 киргизъ. Впрочемъ, сотникъ Усовъ и на этотъ разъ пробылъ

[1]) Управитель Карсонъ-Кирнеевской волости Испергень Садырбаевъ далъ Кушпеку подписку, что его волость выставитъ отрядъ изъ 200 человѣкъ „вооруженныхъ, о два конь и съ пищей“, а управители Альтэкэ-Сарымовской и Куянчи-Тагаевской волостей обязались для составленія такихъ отрядовъ выставлять по 6 человѣкъ „съ каждаго аульнаго старшины“. Кушпекъ распорядился потомъ, чтобы и другія волости отправили къ границѣ небольшіе отряды изъ 10—25 человѣкъ.

въ степи очень недолго, такъ какъ на смѣну его отряда былъ командированъ съ линіи сотникъ Карбышевъ съ 125 казаками, Карбышевъ выступилъ изъ Каркараловъ 14 апрѣля, также на ур. Ичке-Ульмесъ (на Сары-су?), гдѣ пробылъ до середины августа, когда перешелъ на ур. Алтынъ-Сандыкъ, къ р. Джамчи, гдѣ были расположены кузеу пограничныхъ киргизъ.

Присутствіе отряда на границѣ и киргизскіе разъѣзды въ волостяхъ не помѣшали, однако, Худайменды Газину нѣсколько разъ врываться въ округъ и производить тамъ баранту. Худайменды хотѣлось освободить, во что бы то ни стало, своего отца[1]) и разорить аулы бывшаго Старшаго султана Турсуна Чингисова. Съ наступленіемъ весны въ округѣ опять появились и посланцы отъ Кенесары, съ приглашеніемъ къ киргизамъ откочевать изъ округа. Сотникъ Карбышевъ, очутившійся сзади этихъ шаекъ, въ сентябрѣ перешелъ ближе къ Приказу на ур. Каладжалъ и Ковуртюбэ. Въ концѣ того же сентября Карбышевъ получилъ предписаніе идти съ отрядомъ прямо степью въ Аягузскій округъ, охрана же каркаралинскихъ волостей была возложена на самихъ киргизъ: Приказу и Старшему султану было поручено озаботиться, чтобы въ аулахъ назначались усиленные караулы и „отряжались сильныя партіи изъ среды отборныхъ киргизъ подъ предводительствомъ надежныхъ людей для разсѣянія общими силами появившихся хишниковъ и поимки ихъ“. Въ тоже время Каркаралинскому отрядному

[1]) Наоборотъ, отецъ Худайменды султанъ Газы Букеевъ, по крайней мѣрѣ оффиціально, старался показать, что со своимъ мятежнымъ сыномъ онъ не хочетъ имѣть ничего общаго. Такъ, 2 января 1846 г. Газы подалъ въ Приказъ слѣдующее прошеніе: „носятся слухи, что султанъ Кенесары Касымовъ собралъ большое количество неблагонамѣренныхъ киргизъ, въ которомъ будто бы находится и сынъ мой Худайменды, бѣжавшій изъ омскаго городового острога, и это скопище будто бы кочуетъ по р. Чу при оз. Кокуйкулѣ, слѣдовательно въ недальнемъ разстояніи отъ мѣста кочевокъ пограничныхъ волостей, и подаетъ поводъ опасаться нападеній ихъ. А потому, желая охранить семейное спокойствіе и чтобъ не пожертвовать достояніемъ моимъ, я покорнѣйше прошу Окружный Приказъ исходатайствовать мнѣ съ семействомъ и тюленгутами въ числѣ 8 юртъ у начальства дозволеніе имѣть кочевку въ ближайшей отъ Приказа волости по назначенію моему“. Султанъ этотъ въ декабрѣ 1845 г. былъ отданъ Приказомъ „подъ благовидный и ни въ чемъ не стѣснительный надзоръ“ волостного управителя.

начальнику было предписано Пограничнымъ Начальникомъ, „что еслибы только встрѣтилась возможность настичь хищниковъ и разсѣять ихъ, въ такомъ разѣ посылалъ бы тотчасъ при офицерѣ летучій отрядъ казаковъ до 100 человѣкъ, а если нужно будетъ, то и болѣе".

Выставленіе киргизами въ предыдущую зиму отрядовъ въ пограничныя волости было сопряжено съ большими неудобствами и расходами для киргизъ, такъ какъ содержаться эти отряды должны были каждый на свой счетъ. Теперь Кушпекъ распорядился, чтобы всѣ волости сформировали по отряду въ 100 человѣкъ, но чтобы отряды эти изъ предѣловъ волостей не уходили, а защищали каждый свою волость. Сами киргизы сознавали, очевидно, недостаточность подобной охраны, потому что, несмотря на массу неудобствъ для нихъ, сопряженныхъ съ доставкой казакамъ лошадей, верблюдовъ и проч., просили всетаки объ отправкѣ на всю зиму русскаго отряда къ мѣсту ихъ южныхъ зимовокъ. Такъ какъ вѣсти о появленіи Худайменды Газина въ округѣ не прекращались, то просимый отрядъ въ концѣ 1847 г. былъ выставленъ на караванной дорогѣ изъ Каркараловъ въ Туркестанъ, по р. Токрау, въ 150 вер. отъ Приказа. На этомъ мѣстѣ отрядъ, безъ всякихъ приключеній, простоялъ до мая 1848 г., когда былъ отозванъ обратно въ Каркаралы.

X.

Въ то самое время, когда въ Каркаралинскомъ округѣ производилъ свои набѣги Худайменды Газинъ, положеніе дѣлъ на Аягузѣ было еще серьезнѣе, такъ какъ здѣсь русскимъ отрядамъ приходилось оберегать границы отъ самого Кенесары Касымова. Какъ сказано выше, въ началѣ 1846 г. онъ расположился въ степяхъ къ югу отъ Балхаша и, оставшись тутъ на зимовку, не замедлилъ завести переговоры съ киргизами Большой Орды, жившими на западной границѣ Аягузскаго округа, склоняя ихъ перейти на его сторону. Чтобы наблюдать за дѣйствіями Кенесары, на Леп-

су былъ командированъ въ апрѣлѣ 1846 г. есаулъ Казачининъ съ отрядомъ въ 125 казаковъ. Отрядъ расположился на стоянку въ верховьяхъ р. Лепсы[1]). Несмотря на это, Кенесары послѣ неудачныхъ схватокъ съ каракиргизами, сталъ передвигаться ближе къ округу, перейдя съ р. Чу на Или и Коксу. Киргизы Большой Орды относились къ Кенесары хорошо, и на границѣ ходили слухи, что у Кенесары со многими султанами этой Орды происходили весной какіе то переговоры. Въ довершеніе всего кочевавшіе за Лепсой матаевцы, подчиненные Аягузскому округу, съ наступленіемъ весны принялись, по обыкновенію, за баранту, отправляясь въ Юсуповскія волости Большой Орды цѣлыми отрядами. Раздраженные давно такими набѣгами юсуповцы готовились къ мести, и поэтому явилось вполнѣ основательное опасеніе, что для увеличенія своихъ силъ они легко могутъ соединиться съ Кенесары. Въ виду такихъ извѣстій съ границы Аягузскаго округа Пограничный Начальникъ генералъ-маіоръ Вишневскій рѣшился самъ отправиться въ маѣ на Лепсу, чтобы, какъ онъ писалъ Генералъ-Губернатору, употребить „всѣ зависящія средства къ недопущенію пріобрѣсти довѣріе мятежнаго Кенесары между киргизами и къ удаленію его съ приверженцами съ тамошнихъ мѣстъ, если же представится возможность, то и о захватѣ его самого“. Въ Аягузъ заранѣе были собраны Старшіе султаны и почетные киргизы Аягузскаго, Каркаралинскаго и Кокпектинскаго округовъ для совѣщанія о мѣрахъ къ прекращенію волненій въ степи. Къ султанамъ Большой Орды Вишневскій послалъ засѣдателя отъ киргизъ Аягузскаго Приказа Бекхожу Юсубаева съ порученіемъ предложить имъ отъ имени Пограничнаго Начальника собраться въ аулѣ Старшаго султана Аягузскаго округа къ 1 іюня.

Сформировавъ въ Аягузѣ новый отрядъ въ 100 казаковъ,

---

[1]) Казачинину, какъ это дѣлалось и прежде, было запрещено отклоняться далѣе южнаго склона Тарбогатайскихъ горъ, но на этотъ разъ переходъ черезъ Лепсу въ „крайности“ былъ разрѣшенъ. Приказу было предписано доставить Казачинину не менѣе 50 вооруженныхъ киргизъ для разъѣздовъ.

Вишневскій отправился съ нимъ на Лепсу, но ни одного изъ юсуновскихъ султановъ на сборномъ пунктѣ не засталъ. Засѣдатель Юсунбаевъ попасть къ султанамъ самъ не могъ, такъ какъ на пути встрѣтилъ нѣсколько шаекъ юсуновцевъ, производившихъ грабежи, почему ограничился отправкой за Лепсу нѣсколькихъ аягузскихъ киргизъ, чтобы они, въ крайнемъ случаѣ, вызвали къ Вишневскому хотя кого-нибудь изъ почетныхъ юсуновцевъ. Наконецъ, 7 іюня явился бій Манкэ[1]) и политично объяснилъ Пограничному Начальнику, что султаны не собрались, потому что не знали хорошо, дѣйствительно ли онъ пріѣдетъ на Лепсу. Спустя нѣсколько дней пріѣхалъ къ Вишневскому для переговоровъ одинъ изъ сыновей султана Али Адилева и только послѣ новыхъ приглашеній рѣшились прибыть главные султаны, управлявшіе Юсуновскими волостями, съ почетными біями и старшинами, какъ просилъ Вишневскій. 20 іюня онъ заявилъ султанамъ, что прибылъ къ нимъ для объявленія о послѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на принятіе ихъ подъ покровительство Россіи и для производства окончательныхъ разсчетовъ между юсуновцами и подвластными Россіи киргизами. Султаны попросили дать имъ время для совѣщанія и 22 іюня объявили Вишневскому, что согласны принять русское покровительство и жить въ мирѣ съ киргизами Средней орды. На другой день произошло торжественное объявленіе объ этомъ, послѣ совершенія магометанскихъ молитвъ, въ присутствіи Старшихъ султановъ Аягузскаго, Кокпектинскаго и Каркаралинскаго округовъ, юсуновскихъ султановъ, біевъ и старшинъ и множества киргизъ Большой и Средней ордъ. Юсуновцами были даны соотвѣтствующія подписки, причемъ они обѣщались считать Кенесары Касымова своимъ врагомъ. Послѣ этого Вишневскій объявилъ о пожалованіи султану Али Адилеву чина полковника и золотой медали на андреевской лентѣ, султану Хакиму—на александровской лентѣ и еще 5 медалей на аннинскихъ лентахъ тѣмъ киргизамъ

[1]) Этотъ Манкэ ѣздилъ въ 1845 г. (?) въ Омскъ для передачи Генералъ-Губернатору ходатайства Юсуновскихъ султановъ о вступленіи въ русское подданство.

Большой орды, „кои оказали особенную преданность правительству“. Въ тотъ же день—какъ сообщалъ Вишневскій Генералъ-Губернатору—былъ окончен и разборъ обоюдныхъ „претензій“ между юсуновскими и аягузскими киргизами[1]).

Какъ только юсуновскіе султаны отправились къ Вишневскому, Кенесары Касымовъ откочевалъ на Или, оставивъ небольшой отрядъ на р. Караталѣ для наблюденія за движеніемъ русскихъ. Это была, впрочемъ, одна изъ уловокъ Кенесары, который всегда умѣлъ показать видъ, что никакихъ столкновеній съ русскими онъ не желаетъ. На самомъ же дѣлѣ, вскорѣ послѣ отъѣзда Вишневскаго отряды Кенесары не замедлили передвинуться ближе къ Аягузскому округу на р. Коксу, и самъ Кенесары вошелъ опять въ сношенія съ юсуновцами. Миръ послѣднихъ съ аягузскими киргизами также былъ очень не проченъ: неукротимые матаевцы снова принялись за баранту въ такихъ размѣрахъ, что Старшій султанъ округа султанъ Булень Шанхаевъ вынужденъ былъ просить есаула Казачинина о переходѣ съ отрядомъ за р. Лепсу.

Вѣсти о движеніи Кенесары къ русскимъ границамъ возбудили въ Омскѣ тревогу, и Генералъ-Губернаторъ счелъ необходимымъ вызвать къ себѣ, для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ на Аягузѣ, начальника аягузскаго отряда есаула Нюхолова, долгое время служившаго въ южныхъ округахъ. По распоряженію Генералъ-Губернатора стоявшій на Лепсѣ отрядъ былъ усиленъ 150 человѣками при одномъ орудіи[2]), причемъ командованіе всѣмъ отрядомъ было возложено на Нюхолова. Послѣднему было предписано устроить стоянку на р. Кызылъ-агачъ и тамъ „неусыпно наблюдать за мятежнымъ Кенесарою и стараться при удобномъ случаѣ сдѣлать поискъ, чтобы настигнуть и разбить его, но во всякомъ случаѣ заставить его удалиться вовсе изъ мѣстъ, за-

[1]) См. Приложеніе IX.

[2]) Въ составъ отряда, кромѣ казаковъ, вошли 80 человѣкъ изъ сибирскаго линейнаго № 8 баталіона.

нимаемыхъ“ юсуновскими киргизами. Самихъ юсуновцевъ Нюхоловъ отнюдь не долженъ былъ „тревожить“ и вообще ему было предложено „обходиться съ киргизами миролюбиво“. Въ случаѣ надобности, Нюхоловъ получилъ разрѣшеніе „присоединять къ себѣ партію вооруженныхъ надежныхъ киргизъ“, причемъ Пограничный Начальникъ особымъ письмомъ просилъ султана Барака Солтабаева находиться, для содѣйствія, все время при отрядѣ. Письма, съ просьбой о содѣйствіи отряду, были посланы Пограничнымъ Начальникомъ и юсуновскимъ султанамъ Али Адилеву и Сюку Аблайханову. Наконецъ, къ тому же отряду были прикомандированы два топографа для собиранія „подробныхъ свѣдѣній о удобствахъ мѣстности въ горахъ Каратау для водворенія тамъ отряда и о пунктахъ, удобныхъ для учрежденія линіи пикетовъ отъ Аягуза до сихъ горъ“.

При вѣсти о движеніи новаго русскаго отряда Кенесары опять откочевалъ къ р. Или. Во время лѣта 1846 г. онъ съ большимъ отрядомъ произвелъ нападеніе на каракиргизскіе роды Сарбагызъ и Солту и возвратился изъ этого похода съ богатой добычей. Посланный къ нему, по приказанію Пограничнаго Начальника, султанъ Сюкъ Аблайхановъ на совѣтъ удалиться изъ Большой Орды получилъ отъ Кенесары отвѣтъ, что „онъ намѣревается прозимовать на р. Или и что противъ Россійскаго Правительства худого намѣренія не имѣетъ, что онъ, кромѣ того, имѣетъ многихъ враговъ и заботится объ охраненіи только самого (себя), а потому пусть не гнѣвается на него Государь“ [1]).

27 августа 1846 г. Нюхоловъ переправился черезъ Лепсу, переходить которую раньше воспрещалось такъ строго[2]), а 1 сентября прибылъ къ верховью р. Кызылъ-агачъ, у подножья Алатау. Мѣстность показалась Нюхолову не особен-

[1]) Изъ письма Сюка Аблайханова.

[2]) Впрочемъ, постоянныя опасенія высшей сибирской администраціи, какъ бы не раздражить китайцевъ, не прекратились и въ это время. Такъ, въ сентябрѣ того же года Нюхоловъ получилъ предписаніе отъ Генералъ-Губернатора „уклоняться отъ всего, что можетъ породить недоразумѣнія съ китайцами“, въ виду чего ему было строго воспрещено „переходить за цѣпь китайскихъ пикетовъ“.

но удобной для водворенія отряда и онъ предпочелъ урочище при сосѣдней р. Копалъ, также у горъ Алатау, покрытыхъ тутъ лѣсомъ. Здѣсь къ Нюхолову присоединился султанъ Баракъ Солтабаевъ съ отрядомъ въ 200 вооруженныхъ киргизъ. 8 сентября Нюхоловъ прибылъ на р. Караталъ, гдѣ къ нему присоединился другой киргизскій отрядъ въ 400 человѣкъ подъ начальствомъ Старшаго султана Буленя Шанхаева. Юсуновскіе султаны Али Адилевъ и Сюкъ Аблайхановъ также имѣли здѣсь свиданіе съ Нюхоловымъ и обѣщали оказать ему содѣйствіе, но Нюхоловъ, судя по его донесеніямъ, не особенно имъ довѣрялъ. Султаны эти сообщили ему, что Кенесары Касымовъ занялъ при оз. Балхашѣ полуостровъ Камалъ, гдѣ намѣревается оказать русскимъ отчаянное сопротивленіе. По увѣренію султановъ, Кенесары располагалъ отрядомъ не менѣе какъ въ 10 т. вооруженныхъ киргизъ, оружіе для которыхъ исправляли семь хивинскихъ мастеровъ, находившихся при Кенесары. Несмотря на такія неутѣшительныя извѣстія, Нюхоловъ рѣшился идти дальше и, перейдя р.р. Коксу и Караталъ, направился къ Балхашу правымъ берегомъ Или, посылая киргизскіе отряды на развѣдки. Во время такихъ развѣдокъ султанъ Баракъ Солтабаевъ захватилъ въ плѣнъ трехъ киргизъ изъ скопища Кенесары, которые при допросѣ разсказали, что они входили въ составъ отряда изъ 500 человѣкъ, посланнаго Кенесары Касымовымъ съ тысячью верблюдовъ въ Юсуновскія волости для сбора проса. По показанію плѣнныхъ, этимъ отрядомъ руководила старшая сестра Кенесары вдова Апай[1]). Тѣ же плѣнные подтвердили, что Кенесары дѣйствительно хочетъ зимовать на Камалѣ. По собраннымъ свѣдѣніямъ—такъ доносилъ Нюхоловъ—„полуостровъ Камалъ составляется изъ стараго русла и рукавовъ р. Или, и ограждается съ одной стороны Балхашомъ, съ другой р. Или, съ третьей множествомъ болотистыхъ рѣчекъ и пре-

[1]) Кенесары постоянно собиралъ у юсуновцевъ просо то въ видѣ „пожертвованій", а то и силой. Судя по одному изъ донесеній Нюхолова, Кенесары держалъ даже въ плѣну 500 кибитокъ юсуновцевъ, которые должны были сѣять и убирать для него хлѣбъ.

имущественно широкимъ заливомъ по старому руслу, а съ послѣдней-глубокими песками. Длина его до 70 вер., а ширина отъ 5 до 12. Самый тѣсный и единственный въ него входъ—черезъ болотистый заливъ, а потомъ чрезъ рѣчки. Глубина залива въ ростъ лошади, по которому киргизы переплавляются на верблюдахъ. Сверхъ того, все это пространство поросло саксауломъ, карагайникомъ и камышами". Это было настоящее разбойничье гнѣздо, вспасть куда можно было только съ большимъ рискомъ. Поэтому Нюхоловъ прибѣгнулъ къ другому средству, а именно рѣшился, не переходя на самый полуостровъ, приблизить къ нему отрядъ, въ надеждѣ, что самъ Кенесары поспѣшитъ оттуда бѣжать за недостаткомъ подножнаго корма для скота. Теперь и юсуновцы открыто встали на сторону русскихъ и начали присоединяться къ отряду. Но Кенесары черезъ лазутчиковъ узналъ, какая ему готовится западня, и поспѣшилъ переправиться на лѣвый берегъ Или, чтобы откочевать на Чу. Отступленіе скопища Кенесары съ Камала сопровождалось гибелью множества скота и окончательно уронило его громкую славу среди юсуновцевъ. Всполошились при вѣсти о бѣгствѣ Кенесары и его злѣйшіе враги каракиргизы, тотчасъ пославшіе гонцовъ къ султану Али Адилеву, чтобы развѣдать о положеніи дѣлъ. Узнавъ о желаніи каракиргизъ отмстить Кенесары за всѣ нападенія, какія онъ на нихъ производилъ, Нюхоловъ, съ своей стороны, немедленно отправилъ письма къ біямъ особенно враждовавшихъ съ Кенесары родовъ Бугу (Боромбаю Баймуратову и Аджибаю Сераливу), Сарбагышъ (Орману Ніазбекову) и Солты (Джангарачъ Эскожину) съ приглашеніемъ „къ истребленію Кенесары, какъ врага ихъ и Русскаго Правительства".

Дальнѣйшая погоня за Кенесары, въ виду истощенія лошадей и недостатка кормовъ за Или, становилась очень трудной, почему Нюхоловъ, отпустивъ юсуновцевъ, двинулся съ отрядомъ обратно на Кызылъ-агачъ.

Генералъ-Губернаторъ согласился съ представленіемъ Пограничнаго Начальника о необходимости принятія самыхъ

рѣшительныхъ мѣръ противъ Кенесары, и въ Аягузъ, для усиленія отряда Нюхолова, былъ переведенъ изъ Каркаралинскаго округа отрядъ есаула Карбышева, дѣйствовавшаго тамъ противъ Худайменды Газина[1]). Самому Нюхолову было приказано остаться на зиму на Кызылъ-агачѣ, причемъ отъ него были затребованы свѣдѣнія, когда и при какихъ силахъ удобнѣе всего двинуться противъ Кенесары. Какъ видно изъ отвѣта Нюхолова на этотъ запросъ, для „совершеннаго истребленія“ Кенесары онъ полагалъ необходимымъ сформированіе трехъ русскихъ отрядовъ, въ составѣ всего 850 челов., при 7 орудіяхъ. Для развѣдочной службы къ каждому отряду необходима было бы присоединить по 200 киргизъ „о дваконь“. Наконецъ, что касается времени похода, то экспедиція, по мнѣнію Нюхолова, должна была начаться съ марта въ Семирѣчьѣ и съ апрѣля въ Актау.

Чтобы перезимовать на Копалѣ, гдѣ окончательно было рѣшено устоить осѣдлый русскій пунктъ, казаки, по прибытіи туда, должны были прежде всего устроить на зиму хотя землянки. Отряду въ теченіе зимы предстояло лишь наблюдать за спокойствіемъ на границѣ, причемъ Нюхолову было предписано сохранять „пріязненность“ съ киргизами Большой Орды и даже угощать ихъ при посѣщеніи отряда на особо отпущенныя для того деньги[2]).

Судя по цѣлому ряду донесеній Нюхолова съ Копала, отрядъ провелъ зиму довольно спокойно. Кенесары, узнавъ о возвращеніи русскихъ на Кызылъ-агачъ, передвинулся, было, съ Чу на Или, но перейти эту рѣку не рѣшился. Положеніе его было очень трудное вслѣдствіе недостатка подножныхъ кормовъ въ прибалхашской долинѣ между Или и Чу, и онъ не замедлилъ повести опять переговоры съ юсуновцами и даже каракиргизами, стараясь помириться въ особенности съ послѣдними. Чтобы ближе наблюдать за Кене-

[1]) См. гл. IX.

[2]) „За малѣйшее притѣсненіе“ киргизъ Большой Орды — говорилось въ предписаніи Генералъ-Губернатора—„не токмо имъ самимъ (Нюхоловымъ), но и его подчиненными не избѣгнетъ онъ взысканія, минуя всякія отговорки, а виновные накажутся преданіемъ военному суду“.

сары, Нюхолъ въ командировалъ на р. Караталъ сотника Абакумова съ 20 казаками. Присутствіе этого отряда съ киргизами для разъѣздовъ заставили Кенесары откочевать на Чу, гдѣ этотъ неутомимый человѣкъ сумѣлъ привлечь на свою сторону много ташкентскихъ киргизъ. Силы Кенесары опять начинали увеличиваться; ему удалось, разогнавъ каракиргизъ, дойти до Алатау, и онъ задумалъ даже на всегда тутъ остаться. Чтобы обезопасить себя отъ каракиргизъ и ташкентцевъ, Кенесары приступилъ къ устройству при Чу укрѣпленія. Но жить спокойно, по самой своей природѣ, онъ, конечно, не могъ. Даже въ такое трудное время, какъ послѣ бѣгства съ Камала, когда на Кенесары со всѣхъ сторонъ подымались враги, онъ не оставлялъ своихъ широкихъ плановъ стать ханомъ всѣхъ киргизъ. Такъ, въ ноябрѣ 1846 г. въ оренбургскихъ степяхъ былъ схваченъ съ отрядомъ въ 25 человѣкъ двоюродный братъ Кенесары Сеильханъ, посланный имъ для сбора съ караванов и киргизъ зякета. При Сеильханѣ было найдено нѣсколько писемъ и грамотъ Кенесары[1]) Одной изъ такихъ грамотъ султанъ Сеильханъ и бій Чукмаръ уполномачивались „отцомъ величія, храбрымъ и побѣдоноснымъ ханомъ Кенесарой“ разбирать „ссоры и драки“ и „даже рѣшать дѣла и смертоубійствѣ“; другой грамотой „всѣ купцы Бухарскаго владѣнія“ обязывались платить зякетъ тѣмъ же Сеильхану, Чукмару и еще муллѣ Габдулъ-Саттару. Въ письмахъ къ разнымъ султанамъ, біямъ и проч. Кенесары увѣдомлялъ о своемъ „совершенномъ благополучіи“ (это осенью 1846 г.!) въ мѣстности между Или и Чу, которая „превосходитъ доселѣ нами видѣнныя, потому что не претерпѣли еще никакихъ болѣзней и вреда“. Извѣщая друзей, что „враги побѣждены и наказаны“, Кенесары призывалъ киргизъ къ себѣ. „Писана сія высокая грамота — говорилось въ одномъ письмѣ — съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы вы съ женами и дѣтьми своими не подпадали подъ иго невѣрныхъ (т. е. русскихъ), если путь кочевой жизни сочтете труднымъ“. Въ другомъ письмѣ Кенесары указывалъ: „дѣды

[1]) См. Приложеніе X.

мои были предводителями кочевокъ у вашихъ предковъ, а мы сами—предводителями вашихъ кочевокъ". Плѣнные показали, что осенью 1846 г. при Кенесары было 8 султановъ и что скопище его имѣло нѣкоторую организацію: были, напр., сотенные начальники (джузъ-баши), сборщики зякета и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ плѣнные не скрыли, что „отецъ величія" далеко не такъ преуспѣвалъ, какъ это описывалось въ его краснорѣчивыхъ письмахъ и грамотахъ.

Въ 1847 г. Кенесары Касымовъ погибъ во время борьбы съ каракиргизами[1]), а съ его смертью затихли и волненія въ Каркаралинскомъ и Аягузскомъ округахъ. Это былъ выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, далеко стоявшій выше такихъ вождей волновавшихся киргизъ, какъ Худайменды Газинъ, Сиванкулъ Ханхожинъ и др. Всѣ они не были способны выдти изъ узкой сферы родовыхъ киргизскихъ отношеній, и только въ лицѣ Кенесары Касымова мы встрѣчаемъ въ истинномъ смыслѣ народнаго киргизскаго „героя", мечтавшаго о политическомъ единствѣ всѣхъ киргизъ, безъ различія племенъ и даже ордъ. Съ его гибелью расширеніе русской власти въ киргизской степи пошло впередъ такими большими шагами, что черезъ десять съ небольшимъ лѣтъ явилась возможность вовсе устранить всякую власть султановъ и ввести среди киргизъ новое „Положеніе", проникнутое совсѣмъ иными началами, чѣмъ знаменитый „Уставъ о киргизахъ" 1822 года.

Н. Коншинъ.

---

[1]) См. Приложеніе XI.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Посылка казачьихъ отрядовъ противъ киргизъ и *взысканіе* съ нихъ *контрибуціи* производились въ Западно-Сибирскомъ Генералъ-Губернаторствѣ и до 1839 г. Въ архивѣ Каркаралинскаго Уѣзднаго Управленія мнѣ удалось ознакомиться съ дѣломъ о „байбуринской экспедиціи“ 1827 года, изъ котораго я и заимствовалъ приводимыя ниже данныя.

У киргизъ Байбуринской волости Каркаралинскаго округа въ іюлѣ 1827 г. вышло какое то столкновеніе съ казачьимъ сотникомъ Кудрявцевымъ, вслѣдствіе чего, для ихъ усмиренія, въ степь былъ командированъ съ казаками войсковой старшина Лукинъ. Въ степи онъ пробылъ до середины ноября и за это время успѣлъ отбить у киргизъ 672 верблюда, 1997 лошадей, 1502 штуки крупнаго рогатаго скота и до 12 т. барановъ. По донесенію Лукина, главная масса скота была имъ отбита у байбуринцевъ, которые бросились, было, бѣжать въ „Ташкинію“, но онъ ихъ нагналъ на р. Чу, гдѣ байбуринцы пытались оказать русскимъ сопротивленіе. По нѣсколько сотенъ исключительно крупнаго скота было захвачено у киргизъ рода Байдаулетъ Тараклинской волости, а также у нѣкоторыхъ киргизъ волостей Карсоновской и Куянчи-Тагаевской. Байдаулетцы подверглись контрибуціи за то, что „измѣнически съ нарушеніемъ присяги Россіи отлагались въ глубь степи къ мятежамъ“; куянчи-тагаевцы —также за „отложеніе“ и насильственное задержаніе вле-

мана Найдина и нѣсколькихъ семипалатинскихъ мѣщанъ, карсоновцы же за нежеланіе войти въ составъ округа. Виновниками смутъ въ Байбуринской волости, по свѣдѣніямъ Лукина, были бій Ордобай и сынъ бія Сююндукъ Буланбаевъ. Всего захвачено было Лукинымъ 25 киргизъ, но о дальнѣйшей судьбѣ ихъ въ дѣлѣ не оказалось свѣдѣній. Сообщая о результатахъ своей „экспедиціи“, Лукинъ просилъ изъ числа отбитаго у киргизъ скота, „во 1-хъ, удовлетворить казаковъ за упалыхъ и изнуренныхъ у нихъ во время похода лошадей и послѣдовавшія утраты въ обозѣ отъ дальняго пути; во 2-хъ, сдѣлать награжденіе казакамъ, отличившимся въ сей экспедиціи, и въ 3-хъ, удовлетворить всѣ частныя по грабежамъ и барантамъ претензіи, вступившія на тѣ волости, у коихъ отогнатъ былъ сей скотъ“.

Омскій областной начальникъ генералъ-маіоръ де Сентъ-Лоранъ, „дабы привести къ скорѣйшему окончанію предметъ вопроса въ разсужденіи отбитаго отъ киргизовъ скота и тѣмъ предупредить затрудненіе въ содержаніи онаго на попеченіи начальства“, призналъ необходимымъ образовать въ Каркаралахъ особую Коммиссію, подъ предсѣдательствомъ Старшаго султана Каркаралинскаго округа подполковника Турсуна Чингисова, изъ засѣдателей Приказа, начальника каркаралинской стражи сотника Карбышева, Лукина и маіора Барташевича, который былъ командированъ изъ Омска для производства слѣдствія надъ захваченными киргизами. Коммиссія должна была собрать точныя свѣдѣнія о потеряхъ казаковъ, о частныхъ претензіяхъ и о томъ, былъ ли скотъ взятъ „съ бою“ (особо у подвластныхъ и неподвластныхъ Россіи волостей) или просто „отогнатъ отъ киргизовъ, которые, не вооружаясь противъ отряда, предались бѣгству и добровольно оному покорились безъ поднятія оружія“. Послѣ этого Коммиссіи было предписано: во 1-хъ, удовлетворить прежде всего потери казаковъ „изъ скота, взятаго у тѣхъ киргизовъ, которые были болѣе виною командированія сей военной экспедиціи, не касаясь, однако жъ, взятаго съ бою“. Во 2-хъ, „сей послѣдній отдѣлить и оставить впредь

до разрѣшенія подъ присмотромъ, размѣстивъ оный по усмотрѣнію въ окрестностяхъ Приказа на удобныя пастбища". Въ 3-хъ, „въ обезпеченіе всѣхъ частныхъ исковъ задержать подлежащее количество изъ скота, принадлежащаго киргизскимъ волостямъ и родамъ, на кои вступили претензіи, и потомъ удовлетворить тѣ изъ нихъ, которыя Коммиссія признаетъ справедливыми, употребивъ на сіе изъ принадлежащаго отвѣтчикамъ скота; на удовлетвореніе же прочихъ затѣмъ претензій, которыя подлежатъ сомнѣнію или требуютъ продолжительныхъ справокъ, оставить надлежащее количество скота до рѣшенія подъ присмотромъ, какъ и предыдущій"[1]). Въ 4-хъ, „остальной же затѣмъ скотъ возвратить обратно по принадлежности съ росписками киргизамъ, у которыхъ оный отогнатъ былъ, съ такимъ внушеніемъ, чтобы они впредь не выходили изъ послушанія установленной власти. Но въ случаѣ, если бы изъ числа хозяевъ сего скота оказались бѣжавшими за р. Чу къ Ташкиніи. то принадлежащее имъ количество, не выдавая никому, задержать впредь до повелѣнія". Кромѣ того де Сентъ-Лоранъ поручилъ собрать свѣдѣнія и о прочемъ имуществѣ, захваченномъ у киргизъ, но, какъ донесъ впослѣдствіи сотникъ Карбышевъ, все такое имущество было возвращено киргизамъ обратно.

Коммиссіи предстояла, такимъ образомъ, по истинѣ гигантская работа. Кромѣ прошеній разныхъ торговцевъ, Приказъ передалъ ей массу дѣлъ по жалобамъ киргизъ на киргизъ, причемъ со времени подачи нѣкоторыхъ прошло до 10 лѣтъ. Затѣмъ, самый скотъ въ Каркаралахъ сталъ чрезчуръ ужъ быстро пропадать, такъ что можно было опасаться, что по окончаніи работъ Коммиссіи нечѣмъ будетъ удовлетворять и самые „справедливые иски". Такъ, по донесенію Лукина, въ первыя двѣ недѣли по его прибытіи въ Каркаралы пало 400 барановъ, 58 лошадей и проч. Гибель

[1]) Коммиссія должна была „раздѣлить всѣ претензіи на два рода, т. е. на доказательныя и бездоказательныя. Доказательствами могутъ признаны быть: а) предъявленіе претензій начальству прежде нежели открылась причина отправленія военной экспедиціи; в) собственное признаніе обвиняемыхъ, и с) свидѣтельство постороннихъ людей".

скота продолжалась и дальше, въ виду чего Коммиссія сочла даже необходимымъ отправиться на мѣсто пастьбы „и вскрыть каждаго сорта по одной скотинѣ“, чтобы узнать о причинѣ падежа. Лекарь заключилъ, что падежъ происходитъ „отъ одной причины, именно, отъ совершеннаго истощенія тѣлесныхъ (органическихъ) силъ, происшедшаго отъ дальняго перехода, но не менѣе и отъ дѣйствія холодной погоды“. Одинъ изъ засѣдателей призналъ даже весь скотъ „безнадежнымъ“.

Коммиссія отнеслась къ возложенной на нее работѣ, очевидно, какъ къ своего рода гордіеву узлу: въ нѣсколько засѣданій всѣ вопросы были рѣшены, и Коммиссія увѣдомила де Сентъ-Лорана, что переданный Лукинымъ скотъ она распредѣлила: а) на „взятый отъ ушедшихъ къ предѣламъ Ташкиніи за р. Чу“, б) „подлежащій на удовлетвореніе частныхъ претензій“ и в) „взятый съ бою“. Значительное большинство „частныхъ претензій“ остались безъ удовлетворенія или „за неявкой просителя въ Коммиссію“, или „за неизъясненіемъ“ отвѣтчиковъ; взаимныя же претензіи киргизъ Каркаралинскаго округа Коммиссія признала подлежащими разбирательству Приказа. Что дальше было сдѣлано съ злополучнымъ скотомъ, въ дѣлѣ свѣдѣній не оказалось.

II.

Въ 1843 г. Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири потребовалъ отъ Пограничнаго Начальника сообщить ему слѣдующія *свѣдѣнія, касающіяся взысканія съ киргизъ контрибуціи*, наложенной въ 1839 году: „1) съ какихъ именно киргизскихъ волостей, находившихся въ отложеніи и потомъ на свои мѣста возвратившихся, была взыскана контрибуція“ и 2) „съ какихъ тоже именно подобнаго же рода киргизскихъ волостей слѣдовало произвесть сказанное взысканіе контрибуціи и на такомъ же точно основаніи, какъ съ первыхъ, но онѣ отъ того избавлены, по чьему разрѣшенію и по какимъ уважительнымъ причинамъ и обстоятельствамъ“.

Контрибуція, какъ видно изъ предложенія Генералъ-Губернатора, была взыскана въ дѣйствительности не со всѣхъ подлежавшихъ ей волостей: нѣкоторыя волости „не смотря на то, что онѣ, возвратясь въ наше вѣдомство, подходили, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, подъ такое же точно взысканіе, избавлены отъ него по разнымъ уваженіямъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ".

По поводу этого предписанія Генералъ-Губернатора, въ Каркаралинскомъ Окружномъ Приказѣ 5 іюля 1843 года была составлена слѣдующая „справка":

Въ Каркаралинскомъ округѣ „во время смуты Кенесары Касымова" отлагались киргизы слѣдующихъ волостей:

	число юртъ.
Карсонъ-Кирнеевской —	— — 528
Куянчи-Тагаевской —	— — 196
Альтекэ-Сарымовской —	— — 657
Караулъ-Камбаровской	— — 176
Кара-Айтымбетевской —	— — 314
Ялыкпашевской —	— — 3
Киреевской —	— — 106
Тюленгутовской —	— — 331
Наданъ-Тобуклинской —	— — 478
Тараклинской —	— — 24
Байбуринской —	— — 273
Кучумовской —	— — 6
Мамбетей-Тобуклинской	— — 3
Кучукъ-Тобуклинской —	— — 14
Кыргызовской —	— — 625
Айтюмбетевской —	— — 360
Дюсембай-Чекчековской	— — 508
Всего	— 4602

„Всѣ эти киргизы — писалъ Приказъ — не должны избавляться взысканія контрибуціи, потому что о избавленіи ихъ отъ сего никакихъ распоряженій отъ начальства въ здѣшній Приказъ не поступало. Изъ этихъ отлагавшихся воло-

стей киргизъ есть частію возвратившіяся послѣ уже выступленія въ степь за возвращеніемъ ихъ отряда, т. е. послѣ 1 апрѣля 1839 г., но сколько именно и какой волости, собираетъ свѣдѣніе о семъ при дѣлаемомъ нынѣ исчисленіи ассесоръ Пограничнаго Управленія г. Вишневскій. Что жъ касается до контрибуціи, то таковой въ 1839 г. было взыскано засѣдателемъ Шушеринымъ и сотникомъ Ребровымъ 129 лошадей, 7 быковъ, 211 барановъ, 12 верблюдовъ и деньгами ассигнаціями 211 р. 50 к.".

III.

Смуты въ степи сопровождались не только усиленіемъ взаимной киргизской баранты, но и значительнымъ увеличеніемъ не рѣдкихъ и прежде случаевъ *ограбленія киргизами торговыхъ каравановъ*. Въ Каркаралинскомъ округѣ особенно много жалобъ на грабежъ товаровъ поступило въ Приказъ въ 1838 году, въ періодъ „отложенія" киргизъ. Виновникомъ грабежей указывался, обыкновенно, Кенесары Касымовъ съ его сподвижниками. Такъ, судя по жалобамъ жившаго въ Каркаралахъ тюменскаго бухарца Фаиза Абдикеева, Кенесары Касымовъ ограбилъ его караваны (на пути въ Туркестанъ) два раза, всего болѣе чѣмъ на 12 т. руб.; бухарскій подданный Мурзагазимовъ былъ ограбленъ на 1400 р. и т. д. Всѣ подобныя жалобы Пограничнымъ Управленіемъ оставлялись безъ послѣдствій на томъ основаніи, что грабежъ произведенъ „не подвѣдомственнымъ сибирскому вѣдомству султаномъ Кенесары Касымовымъ", или „киргизами, неподвѣдомственными сибирскому вѣдомству и находящимися въ отложеніи" и т. п. Но грабили торговцевъ, конечно, не одинъ Кенесары Касымовъ и „отложившіеся" киргизы, а часто и жившіе въ округѣ султаны въ родѣ Худайменды Газина. Въ ограбленіи въ 1838 г. нѣсколькихъ русскихъ купцовъ подозрѣвались даже Старшій султанъ Каркаралинскаго округа Турсунъ Чингизовъ, его братья Кочекъ, Абдильды и Джолды и дѣти султана Тауке Букеева,

въ ихъ числѣ капитанъ Кушпекъ Таукинъ, ставшій впослѣдствіи Старшимъ султаномъ. Слѣдствіе, производившееся ассесоромъ Пограничнаго Управленія Подозовъ-Чубковцемъ, не дало достаточныхъ уликъ и дѣло о названныхъ султанахъ было поэтому прекращено въ 1847 году.

IV.

Султанъ *Бекъ-Султанъ Агадаевъ*, соглашаясь вступить въ русское подданство, далъ ч. о. п. Маслову слѣдующую *подписку*:

„1839 года іюня 25 дня Семизъ-Найманской волости султанъ Бекъ-Султанъ Агадаевъ, прибывши къ чиновнику особыхъ порученій Пограничнаго Начальника Сибирскихъ киргизовъ Маслову, по убѣжденію его съ засѣдателемъ Аягузскаго Приказа Крайкинымъ объявилъ, что онъ, занимая съиздревле лѣтнія и зимнія кочевки по горамъ Алатау и около ихъ въ предѣлахъ Аягузскаго округа, остался до нынѣ не подданнымъ Великому Всероссійскому Государю и, искавши давно случая войти въ это подданство, теперь по доброй волѣ изъявляетъ на это сердечное желаніе, вступая въ подданство Его Императорскаго Величества съ подвѣдомственною ему волостію, состоящею изъ четырехъ сотъ ауловъ, и обязываясь къ принятію присяги представить лучшихъ людей изъ волости, затѣмъ дать всѣ свѣдѣнія, какія потребуются, допустить устройство, платить безпрепятственно въ свое время ясакъ, быть въ повиновеніи начальству и, словомъ, вѣрнымъ подданнымъ Великаго Государя такъ, какъ долгъ присяги будетъ требовать. Далѣе султанъ Агадаевъ, входя въ составъ Аягузскаго округа и желая на первый разъ оказать Правительству услуги по введенію въ этомъ краю тишины и спокойствія, просить начальство на мѣстѣ кочевьевъ его, по его указанію, построить деревянный домъ, сдѣлать тутъ населеніе русскихъ, для чего онъ уступаетъ свои обилующія и сѣнокосами, и лѣсами и хлѣбопахатныя мѣста, и поставить при немъ военную стражу“. Къ подпи-

скѣ приложили печати и тамги султанъ Бекъ-Султанъ Агадаевъ, братья его султаны Абыръ, Даиръ и Букей Агадаевы и сынъ султанъ Джаманкулъ Бекъ-Султановъ и шесть біевъ.

Въ отвѣтъ на эту подписку *Масловъ* отправилъ Бекъ-Султану такое *письмо*:

Достопочтеннѣйшему султану Семизъ-Наймановской волости Бекъ-Султану Агадаеву.

„По изъявленному Вами, достопочтеннѣйшій султанъ, похвальному желанію на вступленіе съ подвѣдомыми Вамъ 400 аулами въ подданство Великаго Всероссійскаго Государя, о чемъ Вы изволили дать обязательство въ особой подпискѣ, я, по сдѣланному мнѣ уполномочію начальства, сообщивъ засѣдателю Аягузскаго Приказа Крайкину о приведеніи Васъ на вѣрность подданства къ присягѣ и объ устройствѣ Вашей волости, представляю обо всемъ этомъ г. Пограничному Начальнику Сибирскихъ киргизовъ, предавая его начальническому ходатайству какъ о принятіи похвальнаго поступка Вашего въ милостивое для Васъ вниманіе, такъ и о исполненіи желанія Вашего на счетъ постройки для Васъ дома, о населеніи русскихъ и о присылкѣ Вамъ военной стражи.

„Поставляя пріятнымъ долгомъ увѣдомить Васъ объ этомъ, я всею душою желаю Вамъ прославить себя предъ Великимъ Государемъ и нашимъ начальствомъ неизмѣнною преданностію, повиновеніемъ законнымъ властямъ и добрымъ, мирнымъ и покойнымъ управленіемъ подвѣдомымъ Вамъ народомъ. 26 іюня 1839 года, урочище Базырекъ“.

V.

Въ отчетѣ Пограничному Начальнику ч. о. п. Масловъ такъ изложилъ свое предложеніе Аягузскому Приказу о содержаніи *пикетовъ* и *разъѣздовъ*:

„Дабы, начиная съ весны до занятія киргизами зимовыхъ

мѣстъ, были содержимы бикеты и разъѣзды въ разныхъ мѣстахъ округа, особенно въ двухъ: по эту сторону Тарбагатая на протяженіи урочищъ Чигаракъ-асу, Котель и до рѣчки Караколъ и по ту сторону упомянутой горы, по рѣчкѣ Урджаръ въ то только время, когда кочуютъ тутъ волости. Мѣста эти не далеки отъ Приказа и не представляютъ особенныхъ опасеній, слѣдственно Приказъ всегдашнимъ годичнымъ отрядомъ будетъ имѣть возможность исполнять изъясненную мѣру надзора, между тѣмъ польза ея чрезвычайна —волости Аягузскія, кромѣ Садыровской и Матаевской и новой Семизъ-Найманской, кочуютъ по эту сторону Тарбагатая и уходятъ на Урджаръ только для снятія и уборки хлѣбовъ; эти волости встрѣчаютъ постоянно баранты то отъ садыръ-матаевцевъ, то отъ невѣрноподданныхъ байджигитцевъ и юсунцевъ, то особенно со стороны буйнаго Сиванкула. Передній проѣздъ барантачей бываетъ и чрезъ Чигаракъ-асу, и черезъ Котель, но обратный, съ добычею, всегда черезъ рѣчку Караколъ, потому что болѣе возможныхъ проѣздовъ чрезъ Тарбагатай въ чертѣ Аягузской округи нѣтъ: поэтому разъѣзды въ означенныхъ мѣстахъ совершенно защитятъ наши волости и, по извѣстной боязни барантачей, остановятъ всякое ихъ покушеніе на эти мѣста Въ лѣтнее же время, когда волости бываютъ на Урджарѣ, эта рѣчка представляетъ тѣ-же удобность къ защитѣ волостей, кои черезъ это сами будутъ въ постоянномъ наблюденіи за ихъ порядкомъ и, видя защиту ихъ отъ начальства, болѣе расположатся къ должной ихъ преданности. Затѣмъ, съ другой стороны, вблизи линіи, въ настоящее время волости Тобуклинская Каркаралинскаго округа и Матаевская Аягузскаго разсылаютъ между собою баранты. Путь барантачей, тѣхъ и другихъ, лежитъ между Аркатскимъ и Джарташскимъ бикетами, гдѣ они часто появляются. Я и на этотъ пунктъ обратилъ вниманіе Приказа, съ тѣмъ, что по усиленіи означенныхъ бикетовъ такъ, чтобы на каждомъ было не болѣе десяти казаковъ, назначеніе между ими разъѣздовъ и здѣсь остановитъ дерзость баранты".

VI.

Соглашаясь съ представленіемъ Маслова, Пограничный Начальникъ просилъ Генералъ-Губернатора наградить засѣдателя Крайкина и управителей Солтабая Бопина, Самрата Ючина, Кійсыка Тезекова, Бекъ-Хожу Юсупбаева и султана Абдуллу Сартова. Въ архивномъ дѣлѣ, гдѣ находится переписка о награжденіи этихъ лицъ, есть слѣдующій *„списокъ“ съ „означеніемъ заслугъ“ ихъ и „перечнемъ испрашиваемыхъ наградъ“*.

„Списокъ“.

1) Аягузскаго Приказа засѣдатель тит. сов. *Крайкинъ*. „Въ 1837 и 1839 годахъ находился въ экспедиціяхъ, посылаемыхъ въ упорствующія къ дачѣ законнаго устройства волости и противъ буйнаго султана Сиванкула. Означенное устройство, затруднявшее нѣсколько лѣтъ начальство съ великимъ ущербомъ казны, имъ кончено съ совершеннымъ успѣхомъ, при томъ онъ благоразумно назначалъ дѣйствія отряда, поразившаго Сиванкула и усмирившаго буйныхъ садыръ-матаевцевъ, съ самоотверженіемъ при преклонныхъ лѣтахъ усердно перенося всѣ труды этихъ длинныхъ походовъ, за что, по всей справедливости, достоинъ награжденія. Онъ былъ представленъ къ этому управлявшимъ упраздненною Омскою областью“.

2) Управитель Сивановской волости Султанъ *Солтабай Бопинъ*. „Этотъ султанъ въ настоящее время во всемъ округѣ по народному уваженію второй. Онъ находился въ 1836 году при чиновникѣ особыхъ порученій Масловѣ, когда въ Аягузскомъ округѣ исполнялъ разныя порученія начальства; потомъ въ 1837 г. при засѣдателѣ Крайкинѣ, устраивавшемъ тамошнія волости, и нынѣ при отрядѣ съ нимъ, г. Масловымъ, и Крайкинымъ состоявшемъ — исполнялъ съ усердіемъ, самоотверженіемъ, вѣрно и съ точностью всѣ тре-

бованья какъ ихъ, такъ и разныя Приказа и чрезъ то содѣйствовалъ постоянно на пользу службы".

3) Управитель Муруновской волости султанъ *Самратъ Ючинъ*. „Это братъ покойнаго Старшаго султана Аягузскаго округа подполковника Сарта Ючина, учредителя этого округа. Онъ, оставаясь постоянно преданнымъ нашему правительству и сохранняя въ его волости порядокъ и спокойствіе, старается чрезъ это слѣдовать покойному Сарту въ славѣ заслугъ начальству".

4) Той же волости султанъ *Абдулла Сартовъ*. „Это любимый и слѣдственно уважаемый народомъ сынъ покойнаго Старшаго султана Сарта Ючина. Онъ находился нынѣ при чиновникѣ особыхъ порученій Масловѣ и, къ чести ихъ рода, не щадилъ усердія и готовности служить для пользы, ожидаемой начальствомъ, оставаясь въ память покойнаго истинно преданнымъ. Этотъ султанъ уважаемый и всѣмъ народомъ потому, что послѣ смерти Сарта онъ былъ избранъ въ Старшіе султаны, но начальство тогда по молодости его этого не допустило".

5) Муруновской же волости управитель старшина поручикъ *Кыйсыкъ Тейзековъ*. „Онъ, уважаемый народомъ, отличается преданностью, содержитъ волость въ порядкѣ, служитъ Приказу исполненіемъ его требованій и, находясь нынѣ при отрядѣ г. засѣдателя Крайкина, содѣйствовалъ ему въ исполненіи порученій".

6) Семизъ-Найманской волости старшина *Бекъ-Хожа Юсупбаевъ*. „Онъ съ аулами своими постоянно кочуетъ вблизи Приказа и всѣ, какія отъ него случаются по службѣ требованія, особенно въ подводахъ, исполняетъ съ усердіемъ, безропотно. По отличной его преданности онъ былъ въ 1836 году при чиновникѣ особыхъ порученій, въ 1837 году при засѣдателѣ Крайкинѣ и нынѣ при отрядѣ, отличаясь предъ прочими особенною покорностью и вѣрною услужливостью".

		Какого разр. по Полож. 25 іюля 1834 г.	Въ служб.	Въ чинѣ.	Въ должности и какого они класса по Росписанію 28 ноября 1835 г.	Годовой окладъ.	Какую, когда получилъ послѣднюю награду.	Къ чему представляются.
1	Аягузскаго Приказа Засѣдатель Титулярный Совѣтникъ Крайкинъ. Имѣетъ орд. 3 ст. Анны.	Третьяго.	1796	13 генваря 1820 г., всего около двадцати лѣтъ, а должно выслужить по ордену 6 лѣтъ.	9 генваря 1837 года.	1500	18 марта 1830 года золотые часы.	Къ годовому окладу жалованья.
2	Того же округа Управитель Сиванской волости Султанъ Солтабай Бопинъ. Золотую медаль на Анненской лентѣ.	—	1831	—	По выбору съ 1831 года.	150	1833 г., іюня 4 золотую медаль.	Къ чину маіора.
3	Управитель Муруновской волости Султанъ Самратъ Ючинъ.	—	1831	—	По выбору съ 1831 г.	150	Не получалъ.	Къ золотой медали на Анненской лентѣ, для ношенія на шеѣ.
4	Той же волости Султанъ Абдулла Сартовъ.	—	—	—	—	—	—	Къ чину поручика.
5	Другой Муруновской волости Управитель Старшина Поручикъ Кійсыкъ Тезековъ.	—	1831	—	По выбору съ 1831 г.	150	1833 г. апрѣля 2 чинъ Поручика.	Къ чину капитана.
6	Семизъ-Найманской волости управитель Старшина Бекъ-Хожа Юсунбаевъ.	—	1831	—	По выбору съ 1831 г.	150	Не получалъ.	Къ золотой медали на Анненской лентѣ, для ношенія на шеѣ.

„Перечень исправившимъ награжд.“

VII.

„Краткая вѣдомость о вновь вступившихъ въ составъ Аягузскаго округа разныхъ волостей волостныхъ управителяхъ съ показаніемъ при нихъ ауловъ, кибитокъ, мужеска и женска пола людей и разнаго рода скота“.

Званіе волостныхъ управителей.	Ауловъ.	Кибитокъ.	Мужеска пола.	Женска пола.	Лошадей.	Рогатаго скота.	Барановъ.	Верблюдовъ.
Булатчинской и Токмаковской волости управителя бія Байганы Джанбаева съ подвѣдомственными ему киргизами — —	113	575	1763	2996	1890	1215	13860	701
Каптагай-Матаевской волости управителя султана Тобуки Джангырова съ братьями Сыгай, Баирбекъ, Медеть-Ханомъ и отцомъ ихъ Джангыромъ Шанхаевымъ	242	804	2773	3522	4825	1720	17050	1145
Аталыкъ-Матаевской волости управителя султана Ямбубека Саинова съ братьями его Мухамедъ-Рахимъ и Елемесомъ Саиновыми съ подвѣдомственными имъ киргизами — — —	149	490	1471	1863	816	1180	16300	408
Кайнаръ-Матаевской волости управителя Исы Нуралина съ подвѣдомственными ему киргизами—	160	506	1509	1926	1405	736	1300	730
Найманъ-Садыровской волости рода Чуе управителя оной султана Али Джадаева съ подвѣдомственными киргизами —	92	506	1558	1782	1505	608	8560	399
Той же волости рода Майметь-управителя султана Сайбака Джабаева съ подвѣдомственными киргизами — — —	151	643	1879	2397	1711	1206	16200	970
Той же волости рода Тюгульбаевскаго управителя султана Буленя Шанхаева съ братьями Ували и Бопы Шанхаевыми и подвѣдомственными имъ киргизами —	129	511	1527	1983	1883	1572	15640	734
Кара-Кирей-Семизъ-Найманов-ской волости управителя султана Бекъ-Султана Агадаева съ брать-								

ями Абыломъ, Даиромъ, Бекъ-Темиромъ, Тайкою, Букеемъ, Акымъ-Бадшею(?) и подвѣдомственными имъ киргизами — —	264	1330	3249	3845	4717	2310	26150	925
Джирень-Кирджинской волости султана Сайлихана Солтабаева съ подвѣдомственными ему киргизами — — —	53	219	674	926	900	666	10800	320
Султаны Кучукъ, Джанбубекъ и Сиванкулъ Ханхожиры съ дѣтьми и подвѣдомственными киргизами — — —	37	153	170	207	640	310	3200	220
А всего всѣхъ вновь устроено киргизъ —	1390	5737	16573	20752	20292	11523	140760	6559

VIII.

Въ январѣ 1845 г. Пограничнымъ Начальникомъ былъ разосланъ слѣдующій *циркуляръ* къ волостнымъ управителямъ Аягузскаго округа:

„Волостному Управителю N.

„По Высочайше возложенной на меня обязанности заботясь постоянно о возстановленіи дружелюбія между нашими и Юсуновскими киргизами, принятыми подъ высокое покровительство могущественнѣйшаго Монарха нашего, и желая, чтобы дружелюбныя отношенія эти утвердились на всегдашнее время, я при ревизіи Аягузскаго Окружнаго Приказа въ прошедшемъ и настоящемъ годахъ обязывалъ лично Старшаго султана Агадаева и нѣсколько разъ подтверждалъ письменно о водвореніи спокойствія между киргизами, на каковой конецъ и дабы достигнуть цѣли этой, были разбираемы обоюдныя претензіи киргизъ нашихъ съ Юсуновскими, но, не смотря на это, мѣра эта оказалась не дѣйствительною, какъ видно изъ жалобъ ко мнѣ главнаго родоначальника Юсуновскихъ киргизъ, 8 класса султана Сюка Аблайханова и другихъ старѣйшинъ о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ его народу пограничными киргизами нашими, что подтверждается фактами, мнѣ доставленными, а потому, извѣщая объ этомъ Васъ, достопочтеннѣйшій султанъ, я строго предписываю Вамъ внушить подвѣдомственнымъ Вамъ киргизамъ,

что причиняемыя ими обиды Юсуновскимъ киргизамъ, состоящимъ подъ высокимъ покровительствомъ Государя нашего, влекутъ ихъ къ отвѣтственности по законамъ нашимъ, и если киргизы ввѣреннаго Вамъ управленія не прекратятъ на будущее время преступныхъ дѣйствій своихъ, то будутъ они за то подвергнуты наказанію не по суду біевъ, но по законамъ россійскимъ; Васъ же, султанъ, строго обязываю бдительно и неослабно наблюдать за недопущеніемъ безпорядковъ въ волости Вашей и стараться сохранять дружелюбныя отношенія между нашими и Юсуновскими киргизами, а въ такомъ случаѣ, еслибъ Вы замѣтили, что кто либо изъ киргизъ нарушитъ тишину и общественное спокойствіе, то того схвативъ, представить въ Приказъ для поступленія съ нимъ по законамъ, при чемъ предваряю Васъ, что если и послѣ этого киргизы Вашей волости будутъ допущены до поступковъ, противныхъ нашимъ законамъ, то Вы не только лишитесь должности своей, но еще должны подлежать мѣрѣ взысканія, ибо обязанность Ваша, по должности волостного управителя, требуетъ отъ Васъ закономъ Великаго Государя нашего попеченія о общественномъ благѣ народа, слѣдовательно, Вы не должны ни въ какомъ случаѣ противодѣйствовать постановленіямъ Россійскаго Правительства.

Пожелавъ Вамъ всѣхъ благъ міра, я остаюсь въ полной надеждѣ, что Вы все это сохраните свято и не допустите народъ свой къ преступленіямъ".

IX.

Султаны и біи Большой Орды дали генералъ-маіору Вишневскому 23 іюня 1846 г. слѣдующія двѣ *подписки*:

а) „1846 г. іюня 23 дня мы ниже поименованные султаны и біи Большой орды родовъ Дулатовскаго, Абдановскаго, Суановскаго, Чапрашевскаго и Джелаировскаго приложили свои печати и тамги въ томъ, что по единодушномъ совѣщаніи нашемъ обще съ Старшими султанами Каркаралин-

скаго, Аягузскаго и Кокпектинскаго округовъ въ присутствіи состоящаго въ должности Пограничнаго Начальника сибирскихъ киргизовъ генералъ маіора и кавалера Вишневскаго, мы положили съ непоколебимою твердостію мятежнаго султана Кенесару Касымова и его приверженцевъ, пришедшихъ на наши мѣста, какъ нарушителя общенароднаго спокойствія, считать врагомъ нашимъ, не имѣть съ нимъ никакихъ сношеній и чтобы какъ онъ, Кенесара, такъ и его приверженцы не находились на занимаемыхъ нами мѣстахъ, если же теперь, а равно и по удаленіи его отъ насъ, замѣтимъ или услышимъ о враждебномъ его предпріятіи противу киргизъ Средней орды, а особенно близь лежащихъ округовъ, то обязуемся тотчасъ извѣщать ихъ для предупрежденія злодѣйскихъ покушеній мятежника". Печати и тамги приложили султаны 8-го класса Сюкъ Аблайхановъ, подполковникъ Али Адилевъ, Акымбекъ Аблаевъ, Адамсатъ Ибаковъ, Камбаръ Алановъ, Джангозы Сюковъ, Мамырханъ Адилевъ, Аблесъ Алинъ, Джочи Сюковъ, Даиръ Ишимовъ, Тиналы Джангыровъ, 27 біевъ и мулла 14-го класса Абдулъ Менлибаевъ.

б) „1846 года іюня 25 дня мы, ниже приложившіе свои печати и тамги, Большой орды султаны и біи родовъ Дулатовскаго, Абдановскаго, Сувановскаго, Чапрашевскаго и Джелаировскаго единодушно положили въ присутствіи Господина состоящаго въ должности Пограничнаго Начальника сибирскихъ киргизъ, генералъ-маіора и кавалера Вишневскаго, слѣдующее: 1) Иски, бывшіе между народомъ Средней и Большой орды за прежнее время и по настоящее число, совершенно оконченные разсчетомъ, и по рѣшеніямъ должны получить удовлетвореніе черезъ содѣйствіе Старшихъ султановъ, въ назначенный ими срокъ, въ случаѣ же неисполненія виновные подвергаются взысканію штрафа по степнымъ обычаямъ. 2) На будущее же время обязуемся не дѣлать между киргизами Средней орды противозаконныхъ поступковъ, барантовъ, грабежей и кражъ и свято сохранять заключенную дружбу и миръ между обоими народами.

3) При появленіи шаекъ хищниковъ или при извѣстіи о какомъ либо враждебномъ намѣреніи обязаны мы извѣщать другъ друга и общими силами стараться къ искорененію злодѣевъ, доводя тотчасъ же и до свѣдѣнія Россійскаго Правительства черезъ ближайшій Приказъ. 4) При проходѣ торговцевъ съ караванами черезъ мѣсто нашихъ кочевьевъ обязаны охранять ихъ отъ притѣсненій и оказывать защиту, а въ случаѣ надобности. то и возможное пособіе. Все выше писанное обязываемся исполнять свято и ненарушимо и за малѣйшее нарушеніе подвергаемъ себя какъ гнѣву Божію, такъ и строгому взысканію Россійскаго Правительства, состоя подъ высокимъ покровительствомъ этой могущественной державы". Печати и тамги приложили тѣже султаны, біи и мулла.

Препровождая эти подписки Генералъ-Губернатору, Пограничный Начальникъ сообщилъ ему слѣдующія *свѣдѣнія о киргизахъ Большой орды*: „означенные киргизы состоятъ изъ 5 родовъ и управляются каждый своимъ родоначальникомъ изъ султановъ (султанъ же Галій, какъ старшій въ родѣ и по лѣтамъ, имѣетъ только отъ нихъ уваженіе), а именно: *Дулатовскій*, управляемый султаномъ Галіемъ, *Абдановскій* —султаномъ Хакимомъ, *Суановскій* – султаномъ Адамсатомъ, *Чапрашскій* – султаномъ Тюлекомъ и *Джалаирскій* — султаномъ Сюкомъ Аблайхановымъ (сей послѣдній состоитъ уже 5 лѣтъ подъ покровительствомъ Россіи), всѣ же они именуются *юсуновцами*".

Упомянутый выше султанъ Большой орды Сюкъ Аблайхановъ былъ принятъ въ русское подданство еще въ 1819 г., другіе султаны той же орды въ 1824 г. Въ 1825 г. въ кочевья Сюка, по его просьбѣ, былъ посланъ казачій отрядъ для устройства на р. Караталѣ русскаго поста. но въ виду протеста китайскаго правительства противъ занятія русскими земель Большой орды, попытка устройства такого поста была оставлена[1]). Послѣ этого киргизы Большой орды до

[1]) См. „Хронологич. перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири" И. В. Щеглова, стр. 402, 455 и 469.

самаго конца 40-хъ годовъ мин. ст. пользовались полной независимостью отъ Россіи, какъ будто бы подданства никогда не принимали. Впрочемъ, Сюкъ Аблайхановъ сношеній съ сибирскимъ начальствомъ не прекращалъ и неоднократно по разнымъ поводамъ напоминалъ о своемъ подданствѣ и просилъ о присылкѣ въ Семирѣчье русскихъ отрядовъ. Здѣсь я привожу нѣсколько *писемъ Сюка Аблайханова* въ переводахъ того времени.

а) *„Его Пр—ву Начальнику сибирскихъ линій генералу и кавалеру“ (Генералъ-Губернатору Западной Сибири), отъ 18 мая 1832 г.*

„Въ прошедшемъ 1818 г. въ командованіе генерала Глазенапа мы съ народомъ нашимъ вошли въ подданство Его Императорскаго Величества, о чемъ доведено было до Высочайшаго свѣдѣнія; по просьбѣ же нашей Государь Императоръ повелѣть соизволилъ учредить въ кочевьяхъ нашихъ на урочищѣ Караталъ округъ, который, однако жъ, и по сіе время еще не учрежденъ. Въ такомъ случаѣ покорнѣйше прошу Ваше Пр—во открыть таковой округъ на Каралѣ или гдѣ по осмотру удобнѣе окажется, ибо волость наша пришла нынѣ въ крайнее раззореніе отъ причиненія каптагайцами и садыровцами многаго количества угонами въ баранту скота, самую жъ волость угнали съ занимаемыхъ ихъ мѣстъ на ту сторону р. Или. Потомъ прибывъ къ намъ по повелѣнію коканскаго хана и кушбека во многомъ количествѣ есаулы приказывали намъ, чтобы мы были ихъ подданными и отдали пошлину, буде же мы не предадимся имъ и не дадимъ пошлину, то они разграбятъ всю нашу волость, отчего принуждены были отдать имъ пошлину. Сіе случилось въ прошломъ году, нынѣ же вторительно прибывъ къ намъ отъ ташкинскаго кушбека подъ командою дувнбека Худайберды 300 человѣкъ ихъ людей разъѣзжаютъ по всѣмъ волостямъ, собираютъ пошлину и дѣлаютъ разныя обиды. Нынѣ у насъ распространились слухи, что будто бы на Караталъ прибыла россійская военная команда, почему волость наша, не смотря на застращиваніе ташкинцевъ раз-

грабленіемъ, намѣрена кочевать туда. Почетные же наши люди, подданные Россіи, говорятъ мнѣ, что де мы вошли Россіи въ подданство, чтобъ быть покойными, и вы увѣряли насъ въ томъ чрезъ приглашавшихъ насъ къ тому тобольскихъ татаръ Сафара и Курбанкула Курбанбакіевыхъ, гдѣ же нынѣ обѣщанный на Караталѣ къ открытію диванъ? и гдѣ то обѣщаніе, чтобъ дать народу нашему покойную жизнь? Сверхъ того ташкинцы тѣ берутъ съ прибывшихъ сюда изъ Петропавловска и Семипалатинска россійскихъ торговцевъ съ сорока штукъ одну, съ другой стороны берутъ таковую жъ пошлину съ торговцевъ султанъ Рустемъ съ дѣтьми своими и прочими султанами (т. е. Большой орды), отчего бѣдные торговцы претерпѣваютъ большіе убытки. О (для) доведеніи до свѣдѣнія Вашего Пр—ва вышеозначенныя раззорительныя послѣдствія я намѣренъ былъ послать къ Вамъ сына моего Джангозы, каковое намѣреніе оставилъ, потому что здѣсь враговъ мнѣ весьма довольно, слѣдовательно, если дойдетъ о семъ до свѣдѣнія ташкинскаго дуванбека Худайберды, то онъ за сіе самое не преминетъ меня схватить, а юрты мои ограбить. Послалъ же отъ себя письмоводителя моего тобольскаго татарина Курбанкула Курбанбакіева съ тѣмъ, чтобъ по доставленіи сего письма возвратился въ кочевья. При чемъ имѣю честь пояснить, что 16 коканскихъ есауловъ поѣхали къ каптагайцамъ и садыровцамъ для полученія пошлины. Во увѣреніе чего султанъ 8 класса Сюкъ Аблайхановъ печать свою приложилъ".

б) *„Господамъ присутствующимъ вновь учрежденнаго Аягузскаго дивана"* (*въ Аягузскій приказъ*), *отъ 18 мая 1832 г.*

„Подвѣдомственные мнѣ киргизцы въ настоящее время претерпѣваютъ бѣдствіе: каптагаевцы и садыровцы, учинивъ изъ волости нашей значительныя баранты отгономъ скота, прогнали наконецъ оную за р. Или. Въ прошломъ году прибывшіе изъ Ташкиніи будто бы съ повелѣнія владѣтельнаго хана Коканіи есаулы (люди военнаго званія) взыскали съ народа ремонтную со скота пошлину, угрожая въ противномъ случаѣ ограбить оный. Въ настоящемъ же году нахо-

дится въ волостяхъ присланный изъ Ташкини отъ тамошняго кушбека дуванбекъ съ 300 при немъ человѣками, который собиралъ такую жъ пошлину и, обращая силою бѣгущихъ отъ сего на Караталъ, дѣлаетъ народу притязанія. За два дня передъ симъ коканцы сіи, перешедъ Или, отправились къ каптагаевцамъ и садыровцамъ въ одномъ же преднамѣреніи взыскать пошлины. 16 есауловъ не перепущаютъ насъ за Или на кочевки наши (на) Караталъ. Довести о семъ до свѣдѣнія россійскаго начальства я не нашелъ никакого средства (ибо враждующіе на меня иногда могли бы сообщить о сношеніи дуванбеку) и не осмѣлился приступить къ тому, чтобъ предохранить отъ разграбленія и собственный аулъ мой. О таковомъ обстоятельствѣ я вынужденнымъ нашелся чрезъ письмо сіе, которое препровождаю съ письмоводителемъ моимъ Курбанкуломъ Курбанбакіевымъ, довести до свѣдѣнія Аягузскаго Приказа и членовъ онаго". Печать Сюка Аблайханова.

в) *Его Пр—ву Начальнику Омской области Г. Генералъ-Лейтенанту и Кавалеру Василію Ивановичу Де Сентъ-Лорану", отъ 18 іюня 1832 г.*

„За непремѣнный долгъ себѣ вмѣняю принести Вашему Пр—ву истинное мое поздравленіе съ Монаршимъ благоволеніемъ, молю Бога при пяти временныхъ моленіяхъ моихъ, дабы онъ возвысилъ степень Вашу наиболѣе. При семъ имѣю честь увѣдомить Ваше Пр—во, что коканцы съ подданныхъ Великаго Государя Императора подвѣдомственныхъ мнѣ киргизъ взяли нынѣ въ пошлину съ 50 и 40 штукъ барановъ по одному, безо всякаго на то нашего согласія, отчего наши киргизы весьма слезно плачутъ, говоря, что если они дѣйствительно подданные Россіи, то почему со стороны оной нѣтъ никакой защиты? Для чего собравшись всѣ хорошіе би просили меня исходатайствовать отъ Вашего Пр—ва для нихъ и народа благое вниманіе. Еще скажу, что коканцы по теченію р. Алматы къ кочевью черныхъ киргизъ близъ р Аксары построили крѣпость, которая въ окружности 80 саж., толщиною 2 арш., гдѣ нахо-

дится одинъ диванбекъ, съ нимъ до 100 чел. войска. Султановъ Кулана и Алія самовольно увели, поставили при той крѣпости. Нынѣ же что тамъ происходитъ, Богу извѣстно. Мы же со своей стороны весьма ихъ боимся, потому они, зная, что мы подданные Россіи, то не сдѣлали бы намъ какого либо зла. Еще увѣдомляю Васъ, что султанъ Рустемъ, кочевавшій въ Янусовской волости, собравшись съ подвѣдомственными своими біями, убили командированнаго кушбекомъ дуванбека Худайберду съ бывшими при немъ есаулами и прочими людьми, всего 56 челов., со стороны же киргизъ убито 4 челов. Послѣ чего помянутый султанъ Рустемъ съ подвѣдомственными ему киргизами, опасаясь худыхъ послѣдствій со стороны ташкинцевъ, бѣжали въ китайскіе предѣлы къ урочищу Каркарѣ, съ которымъ также бѣжали Сары-Уйсунской волости Янусовскаго рода киргизы. Въ прошломъ апрѣлѣ мѣсяцѣ я послалъ къ Вашему Пр—ву письмо черезъ письмоводителя моего Курбанкула Курбанбакіева, на которое отвѣта еще не послѣдовало. Сверхъ сего увѣдомляю Васъ, что ташкинцы въ родѣ ясака и съ торговцевъ довольно взыскали, съ нѣкоторыхъ даже втройнѣ. Бѣдные сіи торговцы татары, явясь ко мнѣ, просили довести о семъ до свѣдѣнія Вашего Пр—ва. За симъ покорнѣйше прошу Васъ прислать мнѣ 20 дестей бумаги, каковой здѣсь купить негдѣ, а также и сургуча. Султанъ 8-го класса Сюкъ Аблайхановъ печать свою приложилъ".

Письмо такого же содержанія Сюкъ Аблайхановъ отправилъ того же 18-го іюня Управляющему Семипалатинскимъ внутреннимъ округомъ („Г. полковнику Омской области правящему должность начальника") Въ послѣднемъ письмѣ Сюкъ ставитъ вопросъ о подданствѣ рѣзче, прося увѣдомить, „можемъ ли мы избѣгнуть коканскаго владѣнія или нѣтъ, а буде же Вы сами и Правительство Его Императорскаго Величества признаете возможнымъ насъ защищать, то не умедлили бы поставить въ свѣдѣніе моего вѣдѣнія біевъ и прочихъ старшинъ киргизъ-кайсацкаго народа о такомъ Монаршемъ для нихъ благоволеніи".

г) *„Алгузскому Приказу“, отъ 1 августа 1832 г.*

„Коканцы, прибывшіе съ воли Ташкинскаго кушбека, взыскали съ подвѣдомственной мнѣ волости пошлину по штукѣ съ 40, 30 и даже 20 барановъ. Съ киргизъ султана Кулава взыскано то же. Султанъ Рустемъ, находящійся въ волости Юнусъ, въ сообществѣ съ киргизами оной убили дуванбека (посланнаго отъ лица кушбека) съ бывшими при немъ 46 человѣками. Нынѣ Рустемъ откочевалъ съ сею волостію на ур. Каркара. Коканцы у р. Или на сторонѣ, примыкавшей къ закаменнымъ киргизамъ, называемой Аксай, построили крѣпость, занимающую въ окружности пространство 80 саж., гдѣ находится дуванбекъ. Крѣпость сія снабжена провіантомъ изъ 200 вьюковъ верблюдовъ. Они же получаютъ пошлину и съ торговцевъ со всякаго ихъ товару, не исключая даже иголокъ, по одной съ сорока; съ нѣкоторыхъ взыскано было и трижды. Торговцы приносятъ жалобы мнѣ, тогда какъ я и самъ подверженъ той же участи, сопряженной съ опасностью. Весьма стало худо для киргизъ моихъ, они съ рыданіемъ приходятъ ко мнѣ, напоминаютъ, что они есть подданные Государя Императора и вступили подъ управленіе Его Величества съ дѣтьми своими много уже назадъ тому лѣтъ; ропщутъ, что Правительство Россійское не обратитъ на нихъ свое вниманіе. Я слышалъ, что о выше писанномъ обстоятельствѣ доведено до свѣдѣнія Генерала, почему надѣемся на исходатайствованіе желаемаго намъ покровительства и, быть можетъ, удовлетворятъ насъ и въ барантахъ, учиненныхъ у насъ наймановскими киргизами, что въ Средней ордѣ, равно воспретятъ коканцамъ взиманіе пошлины. Султанъ Куланъ Адилевъ померъ 21 прошедшаго іюня. Носится слухъ, что въ выше означенную крѣпость прибыло 2 т. китайцевъ, но съ какою цѣлью, я не знаю. Письмо сіе я писалъ при старшинѣ Карамергенѣ, живущемъ въ Семипалатинскѣ русскомъ по имени Петромъ, ибо наймановцы посланныхъ съ письмами не пропущаютъ. Старшинѣ сему я заказалъ объявить о обстоятельствахъ отряду, если таковой имѣетъ быть командированъ. Ташкинцы же,

находившіеся въ сказанной крѣпости, удалились изъ оной, услыша, что подступаютъ русскіе и китайцы. Къ сему приложилъ печать 8-го класса султанъ Сюкъ Аблайхановъ".

Омскій областной начальникъ предполагалъ, было, послать въ кочевья Сюка казачій отрядъ для защиты его отъ ташкентцевъ и кокандцевъ, но, какъ видно изъ архивныхъ данныхъ, Генералъ-Губернаторъ запретилъ это, „ибо противъ сего протестуютъ китайцы, съ коими нашъ Государь Императоръ находится въ дружественномъ союзѣ. Равнымъ образомъ предоставляю Вамъ—писалъ Генералъ-Губернаторъ къ Областному Начальнику—воздержаться отъ всякой переписки съ Сюкомъ Аблайхановымъ, отвѣчая однако жъ ему только, что письмо его Вами представлено ко мнѣ, и отнюдь не обнадеживать его, что мы будемъ давать ему защиту противъ дѣлаемаго съ подвластнаго ему народа сбора".

Въ слѣдующемъ 1833 г, Сюкъ Аблайхановъ опять писалъ письма съ жалобами на ташкентцевъ, которые, по его словамъ, стали взимать „ремонтъ" въ размѣрѣ 1 барана съ 30 штукъ. Такъ какъ Сюкъ перешелъ даже на правый берегъ Или, то омскій областной начальникъ запросилъ Генералъ-Губернатора, „должно ли принять мѣры къ воспрепятствованію ташкинцамъ въ ихъ предпріятіи въ разсужденіи помянутыхъ киргизъ и какъ поступить съ ташкинцами, когда они для обращенія сихъ киргизъ на прежнія кочевки появятся въ нашихъ предѣлахъ".

Отвѣтъ Генералъ-Губернатора былъ таковъ: „..... предоставляю распорядиться, чтобъ ташкинцы или кокандцы отнюдь не могли являться съ вреднымд намѣреніями въ предѣлы наши къ вѣрноподданнымъ Россіи киргизамъ, какъ то для увлеченія ихъ или возмущенія, или для сбора ясака съ кого бы то ни было, а если бъ появились таковые сборщики или нарушители порядка, то стараться немедленно обращать ихъ, не допуская и малѣйшихъ со стороны ихъ успѣховъ. Что же касается до перекочевки султана Сюка Аблайханова съ народомъ его въ границы наши, то оная, во уваженіе всегдашней приверженности его къ Россійскому

Правительству, хотя можетъ быть допущена, но только временно или случайно, а не на всегда и то въ такомъ только случаѣ, когда не будутъ тѣмъ стѣснены вѣрноподданные киргизы Средней орды, и если бъ случилось, что китайское правительство, свѣдавъ о переходѣ того султана въ наши предѣлы, приняло мѣры къ его возвращенію, то не препятствовать оному и внушить султану Сюку Аблайханову о необходимости возвратиться къ его единородцамъ, дабы не было нарушено черезъ то древнее согласіе между Россійскою и Китайскою Державами".

X.

Привожу *письма и грамоты Кенесары*, копіи которыхъ, въ переводѣ, были получены въ декабрѣ 1846 г. Генералъ-Губернаторомъ Западной Сибири отъ Оренбургскаго Генералъ-Губернатора.

а) *На имя разныхъ киргизъ Оренбургскаго вѣдомства*, въ 10 экз.

„Онъ вѣченъ!"

„Отца величія, храбраго и побѣдоноснаго хана Кенесары".

„Послѣ молитвы и поклона султану Ж, біямъ NN, увѣдомляемъ, что мы живы и здоровы и находимся въ совершенномъ благоденствіи въ кругу нашего правленія; да обрадуются друзья, что враги побѣждены и наказаны и мы не испытываемъ никакихъ горестей, огорченій и нужды. Да не будетъ также сокрыто, что по предопредѣленіямъ Всевышняго и притѣсненіямъ невѣрныхъ время нашего благополучія въ Средней и Малой Ордѣ миновало и мы основали мѣстомъ своихъ кочевокъ рѣки Чу и Или въ Большой ордѣ, которое (т. е. мѣсто) превосходитъ доселѣ нами видѣнныя, потому что не претерпѣли еще никакихъ болѣзней и вреда. Начиная съ предковъ, мы считались всегда между вами предводителями кочевокъ, а вы нашими добрыми и любезными послѣдователями и слугами. Найдя хорошую воду и землю, мы сочли необходимымъ извѣстить васъ объ этомъ сею гра-

мотою чрезъ меньшого брата нашего Сеиль-Ханъ султана, отправленнаго вмѣстѣ съ нѣсколькими біями. Если вы по расположенію и преданности вашей къ намъ изъявите желаніе прикочевать, то найдете насъ на мѣстѣ, называемомъ Кукы или Кукуны. Писана сія высокая грамота съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ вы съ женами и дѣтьми своими не подпали подъ иго невѣрныхъ, если путь кочевой жизни сочтете труднымъ. Посылаемъ къ вамъ младшаго брата нашего султана Сеиль-Хана и бія Чукмара для зекета. Просимъ вѣрить всему, что они скажутъ. Писана 29 дня Рамазана". На оборотѣ грамоты приложена печать Кенесары Касымова".

б) *На имя Кубекъ-батыря.*

„Онъ вѣченъ!"

„Отца величія, храбраго и побѣдоноснаго хана Кенесары".

„Кубекъ-батырю поклонъ и молитва. Мы живы и здоровы и пребываемъ въ кругу правленія. Для удовольствія друзей враги побѣждены и наказаны, а мы ни въ какомъ отношеніи не имѣемъ горестей и печалей. Мы отправили младшаго брата нашего султана Сеиль-хана и бія Чукмара въ Среднюю и Малую орду для зекета и для извѣщенія любезныхъ нашихъ слугъ о земляхъ и водахъ Большой орды съ тою цѣлью, чтобъ они подъ своимъ руководствомъ привели съ собою всѣхъ тѣхъ, которые съ женами и дѣтьми своими не захотятъ оставаться въ неволѣ у невѣрныхъ. Дѣды мои были предводителями кочевокъ у вашихъ предковъ, а мы сами предводителями вашихъ кочевокъ. Уповая на милость Всемогущаго, мы вознамѣрились по силѣ и возможности имѣть попеченіе о своихъ слугахъ, для чего и послали съ нѣсколькими біями брата нашего Сеиль-Хана. Всему, что онъ скажетъ, вѣрьте. Писано въ 1262 г. Гиджры".

в) *На имя киргизъ безъ означенія именъ.*

„Онъ вѣченъ!"

„Отца величія, храбраго и побѣдоноснаго хана Кенесары".

„Да будетъ вамъ извѣстно, что ссоры и драки между вами поручено мною разбирать султану Сеиль-Хану и бію Чук-

мару и даже рѣшать дѣла о смертоубійствѣ, на что и дано имъ на сей предметъ предписаніе. Если кто отклонится отъ ихъ разбирательства, тѣ враги мои и разбойники". На печати вырѣзано: ханъ Кенесары Касымовъ.

г) *На имя караванныхъ начальниковъ.*

„Отца величія, храбраго и побѣдоноснаго хана Кенесары". Послѣ поклоновъ увѣдомляю караванныхъ начальниковъ: Рахимбая, Хаджибая, Абульаннаса, Шахъ-Газыя, муллу Аранбая и всѣхъ купцовъ Бухарскаго владѣнія, что я живъ и здоровъ и нахожусь въ совершенномъ благоденствіи въ кругу моего правленія. Съ сердечнымъ удовольствіемъ извѣщаю друзей моихъ, что враги мною побѣждены и теперь я покоенъ. Также не будетъ сокрыто отъ васъ, что мною посланы къ Вамъ, для сбора зекета, султанъ Сеиль-ханъ, бій Чукмаръ и мулла Габдулъ-Саттаръ, которымъ предписываю вамъ отдать съ каждаго коша одну девятую часть". На печати вырѣзано: ханъ Кенесары Касымовъ.

д) *Письмо Сеиль-хана на имя біевъ Байгиля и Айгиля.*

„Послѣ поклоновъ увѣдомляю біевъ Турыева отдѣленія Байгиля и Айгиля, что ханъ со своими подданными пребываетъ въ здравіи и благополучіи. Прошу васъ прибыть ко мнѣ, на что и отправленъ мною къ вамъ юзбаши (сотенный начальникъ) Тайтанъ, словамъ котораго да повинуетесь". На печати вырѣзано: султанъ Сеиль-Ханъ.

XI.

Послѣ смерти Кенесары Касымова его скопище частью разсѣялось, частью бѣжало въ Туркестанъ вмѣстѣ съ *сыновьями Кенесары*. Соединясь съ кипчаками, они нѣсколько разъ пытались отомстить каракиргизамъ за смерть отца и покорить юсуновцевъ, но успѣха не имѣли. Сибирскіе киргизы и торговцы также не мало терпѣли отъ сыновей Кенесары и жившихъ съ ними сыновей его брата Саржана. Такъ, въ 1850 г. шайка подъ предводительствомъ Джафара Кенесарина производила баранту въ Акмолинскомъ округѣ;

въ слѣдующемъ 1851 году тотъ же Джафаръ и его братья Омаръ и Оспанъ опять вторглись въ русскіе предѣлы, но шайка ихъ скоро была разбита и самъ Джафаръ попался въ плѣнъ. Въ 1856 г. кокандскіе киргизы съ сыновьями Кенесары и Сарыжана ограбили караваны петропавловскихъ купцовъ и угнали у акмолинскихъ киргизъ 15 т. головъ скота. Высланный для преслѣдованія ихъ отрядъ шт.-кап. Соловцова съ султаномъ Нуралы Абулхаировымъ и батыремъ Ерденемъ Сандыбаевымъ подвергся на р. Чу нападенію кокандскаго отряда съ Ахметомъ Кенесаринымъ, причемъ Соловцовъ былъ убитъ. Въ 1860 г. скрывавшіеся въ Кокандѣ Ханхожа и Баймендѣ Саржановы опять вторгались въ западно-сибирскіе округа для баранты. Послѣднее имѣющееся у меня свѣдѣніе о бывшихъ сподвижникахъ Кенесары относится къ 1871 году, когда въ Сарысуйскомъ уѣздѣ былъ арестованъ султанъ Кошкарбай Сарыжановъ*).

Взятый въ плѣнъ въ 1851 г. Джафаръ Кенесаринъ при допросѣ показалъ, что семейство его отца состоитъ изъ 8 сыновей: отъ одной жены, бывшей въ плѣну у русскихъ — его, Джафара, Тайяра(?), Ахмета и отъ другой жены — Омара, Османа, Абубакира, Сыдыка и Джандайдоса (?), изъ которыхъ послѣднему 11 л. Всѣ они жили около Азрета. Джафаръ былъ сосланъ въ г. Березовъ.

Изъ остальныхъ сподвижниковъ Кенесары *султанъ Худаймендѣ Газинъ* также бѣжалъ въ Туркестанъ и не разъ тревожилъ сибирское начальство извѣстіями о своемъ появленіи въ округахъ. Въ 1850 г. разнесся даже слухъ, что Худайменды часто посѣщаетъ въ Каркаралинскомъ округѣ своего отца и братьевъ и ведетъ постоянныя сношенія съ нѣкоторыми каркаралинскими султанами, въ томъ числѣ съ Старшимъ султаномъ Тюлеке Турсуновымъ. Вслѣдствіе такихъ слуховъ Генералъ-Губернаторъ командировалъ въ Каркаралинскій округъ чиновника особыхъ порученій Карбецкаго „для секретнаго удостовѣренія въ обвиненіи нѣкото-

*) См. Памятную Книжку Зап.-Сибири на 1881 годъ, стр. 121, 124 и 134.

рыхъ изъ киргизъ въ укрывательствѣ султана Худайменды". По разслѣдованію Карбецкаго оказалось, что въ близкихъ сношеніяхъ съ Худаймендy Газинымъ были управитель Карсонъ-Кирнеевской волости Нурманъ Байсеитовъ и засѣдатель Кокпай, которые „содѣйствовали ему укрываться отъ нашихъ отрядовъ". „Всѣ почти киргизы Каркаралинскаго округа знали о пребываніи Худаймендy въ семъ округѣ и, кромѣ выше поименованныхъ должностныхъ лицъ, споспѣшествовалъ такому же укрывательству его и управитель Альтекэ Сарымовской волости Даулетъ Кучукпаевъ". Что касается Старшаго султана Тюлеке Турсунова, то онъ былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ Худаймендy потому, что печать его оказалась на какомъ то письмѣ къ Газину. Послѣ этого разслѣдованія волостные управители и засѣдатель Кокпай были смѣщены съ должностей, а Тюлеке Турсунову сдѣлано „строгое замѣчаніе". Кромѣ того, за сношенія съ Худаймендy Газинымъ были преданы военному суду султанъ Бопы Омамбаевъ и киргизы Бирубай Карабасовъ и Байкадамъ Джантувгановъ. Послѣдній до окончанія дѣла умеръ, Омбаевъ же по рѣшенію суда былъ сосланъ въ Нарымъ, а Карабасовъ отданъ въ солдаты.

Поиски Худаймендy продолжались долгое время послѣ разгрома Кенесары. Какъ разслѣдовалъ толмачъ Бахиревъ, Худаймендy въ августѣ 1854 г. былъ схваченъ около Актавскихъ горъ акмолинскими киргизами и, видя ихъ намѣреніе выдать его русскимъ властямъ, „имѣемымъ при себѣ ножемъ разрѣзалъ у себя брюхо, но не вредно". Поимщики, испугавшись, бѣжали, и Газину удалось доѣхать до ауловъ отца, гдѣ нѣкоторое время онъ лечился отъ своей раны. Послѣ этого среди киргизъ разнесся слухъ о смерти Худаймендy, но ташкентскіе торговцы увѣрили Бахирева, что Худаймендy въ концѣ 1854 г. присоединился къ султану Ханхожѣ Саржанову, кочевавшему около укрѣпленія Сузакъ. Напротивъ, засѣдатель Трусовъ, основываясь на слухахъ среди киргизъ, склонился къ тому, что Худаймендy дѣйствительно умеръ. „Нынѣ же секретнымъ образомъ дoз-

нано мною — писалъ Трусовъ въ Каркаралинскій Приказъ — что Газинъ со времени побѣга долгое время жилъ въ Алтекэ-Сарымовской волости у жены и дѣтей своихъ, не только не скрывался отъ киргизъ, но даже ѣздилъ на аши (аси, поминки), гдѣ бываетъ народа нѣсколько тысячъ, и изъ такой массы ни одинъ киргизъ не далъ о немъ извѣстія Приказу. Это достаточно говоритъ за то, что всѣ киргизы скрывали Худайменды и нынѣ сумѣютъ скрыть случай смерти его".

Въ заключеніе привожу нѣсколько взятыхъ изъ одного архивнаго дѣла *писемъ каракиргизскихъ манаповъ*, участвовавшихъ въ разгромѣ Кенесары Касымова.

а) *На имя Пограничнаго Начальника отъ „главнаго каракыргызовскаго манапа рода Сарбагышевскаго Джантая Карабекова".*

„Въ минувшемъ августѣ мѣсяцѣ по вызову Вашего Пр—ва за полученіемъ подарковъ посылалъ брата своего Калгула Алибекова, довѣривъ получить ему отъ Васъ какія могли быть царскія милости, который, по достиженіи до Васъ благополучно, получилъ царскую награду, заключающуюся въ золотой медали, и доставилъ оную съ похвальнымъ листомъ, а Вами посланный татаринъ Галимъ Якубовъ разъяснилъ намъ столь великую награду, которую мы приняли, какъ царскую милость, съ благодарностью и вполнѣ оцѣнили ее, о чемъ и поставляемъ симъ письмомъ Васъ въ извѣстность. Къ сему увѣдомленію главный манапъ Джантай Карабековъ приложилъ печать. Октября 3 дня 1847 года".

б) *На имя Пограничнаго Начальника отъ „каракыргызовскаго рода вѣдѣнія главнаго управителя манапа Джантая Карабекова: Калигула Алибекова, Калчи Исенбекова и Кожубека Таштанбекова".*

„За схваченнаго и умерщвленнаго Кенесару послали въ награду медали, которыя до насъ достигли. Посланный Вами татаринъ разъяснилъ о важности этихъ подарковъ, кои мы оцѣнивъ съ благодарностію приняли оные и за оные готовы оказывать на будущее время Государю Императору свои

услуги. Во удостовѣреніе чего Калигулъ Алибековъ, Калча Исенбековъ и Кожубекъ Таштанбековъ приложили тамги".

„Во удостовѣреніе благодарности выше означенныхъ лицъ въ полученіи наградъ прилагаю печать манапъ Джантай Карабековъ. Октября 3 дня 1847 года".

в) *На имя Пограничнаго Начальника отъ „главнаго манапа каракиргизовскаго Джантая Карабекова".*

„Въ прошломъ августѣ мѣсяцѣ пріѣзжалъ къ намъ татаринъ Галимъ Якубовъ съ приглашеніемъ отъ Вашего Пр—ва, чтобы я пріѣхалъ для полученія царской милости за уничтоженіе мятежнаго султана Кенесары. Вслѣдствіе чего я посылалъ брата своего Калыгула получить таковую, въ чемъ бы она не состояла, который по прибытіи извѣстился, что о имени моемъ не было доводимо до Высшихъ, но требовало ближайшее начальство, и привезъ посланную отъ Васъ медаль, коей хотя я и доволенъ, но всетаки убытковъ нашихъ довольно было противъ Кенесары: во 1-хъ, когда онъ, мятежный Кенесары, съ 7 т. воиновъ своихъ напалъ на насъ, тогда сколько братьевъ моихъ, храбрецовъ, лишились жизни; напослѣдокъ Богъ помогъ и тогда изъ 7 тыс. непріятелей многихъ погубилъ, но самъ Кенесары спасся бѣгствомъ. Во 2-хъ, въ нынѣшнемъ 1847 году, когда вновь приступилъ къ намъ, тогда, выѣхавъ ему на сопротивленіе, три дня держалъ его въ осадѣ. Въ это время султанъ Рустемъ*) съ біемъ Супотаемъ Алибековымъ, взявъ войско, обратились, предоставивъ мнѣ по своему разумѣнію поступить съ Кенесарою. Братъ же нашъ Урманъ его не видалъ, справедливо (это) потому, что остался назади: мятежника же Кенесару схватилъ мой человѣкъ, по имени Калча, и первый извѣстилъ меня о томъ. Послѣ чего онъ. Кенесары, увѣдомилъ, чтобъ показать ему лицо, и изъ награбленнаго имѣнія торговцевъ предлагалъ 60 навьюченныхъ въ тюкахъ имѣніемъ верблюдовъ съ тѣмъ, чтобы его отпустили, но я за сдѣланныя имъ многимъ народамъ злодѣянія, а

*) Рустемъ Абулфеизовъ (по родовому прозвищу Тентекъ-Султановъ)—одинъ изъ юсуновскихъ султановъ.

равно, чтобъ доставить обиженнымъ спокойствіе и благоденствіе, не польстившись сказаннымъ имѣніемъ, умертвилъ его, чѣмъ самымъ выказалъ услугу Государю. Потомъ брату моему Калигулу отдавъ голову, при письмѣ съ печатью на оном, отправилъ султану Рустему и бію Супотаю на тотъ конецъ, чтобъ они о томъ извѣстили Васъ, генералъ, но все это осталось въ безъизвѣстности. За симъ, если князь (т. е. Генералъ-Губернаторъ) дозволитъ предстать предъ его лицо мнѣ, султану Рустему, бію Супотаю и по одному сыну нашему, то вмѣстѣ съ симъ, для сопровожденія насъ, исходатайствуйте о поѣздкѣ съ нами татарину Галиму Якубову.

„Въ настоящее время не имѣемъ большого спокойствія: со стороны Ташкиніи отъ кипчаковъ присланъ посолъ съ приглашеніемъ о присоединѣніи къ нимъ, изъ Кашгаріи Хожа проситъ вспоможенія въ войскѣ.

„Если князь удостоитъ прибытіемъ для совѣщанія (т. е. разрѣшитъ поѣздку?), то объ этомъ чрезъ муллу татарина Галима Якубова извѣстите султана Рустема, а онъ насъ увѣдомитъ. Октября 15-го 1847 г. Въ удостовѣреніе манапъ Джантай Карабековъ прилагаю печать“.

г) *На имя Пограничнаго Начальника отъ „каракиргизовскаго главнаго манапа Урмана Ніязбекова“.*

„Послѣ прекращенія жизни мятежнаго султана Кенесары по вызову Вашего Пр—ва о прибытіи къ Вамъ за полученіемъ милостей Государя Императора я, уполномочивъ сына моего Умбеть-Галія, отправилъ такового къ Вамъ за полученіемъ какихъ есть подарковъ, который, въ сопровожденіи товарищей прибывъ благополучно сначала къ Вамъ, а потомъ доставилъ къ намъ золотую медаль, халатъ, обложенный золотымъ галуномъ, и похвальную грамоту. Какъ я, такъ и другіе подвѣдомственные мнѣ люди, также получившіе медали (ниже приложившіе тамги), оцѣнили вполнѣ Высочайшія награды.

„Кашгаріею съ сосѣдственными мѣстами овладѣлъ Хожа, какъ извѣстно, просилъ у насъ вспоможенія въ войскѣ,

всѣмъ манапамъ послалъ подарки, мы же изъ страха со стороны войны даемъ отвѣтъ, что не намѣрены идти.

„Сынъ же мой Умбеть-Галій покорнѣйше проситъ Ваше Пр—во для взаимныхъ увѣдомленій и приклада на оныхъ печати прислать таковую золотую и, если еще окажете милость, то золотую саблю.

„Остаемся всегда готовы къ услугамъ Вашимъ, а люди, получившіе медали, въ знакъ благодарности и радости прикладываемъ тамги: Умбеть-Галій Урмановъ и проч. (всего 5 челов.). Во удостовѣреніе сего главный манапъ каракыргызовскій Урманъ Ніязбековъ прикладываю печать. Октября 24 дня 1847 года".

д) *На имя Пограничнаго Начальника отъ него же.*

„По вызову Вашего Пр—ва въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ я посылалъ къ Вамъ родного моего сына Умбеть-Галія, уполномочивъ его при томъ какъ на полученіе какихъ есть подарковъ отъ Государя Императора, такъ и разсчетовъ по киргизскимъ обычаямъ съ юсуновцами за прежнее время въ угонѣ скота, но Ичкай Даирбековъ не только не разсчиталъ сына моего Умбеть-Галія за угонъ скота, но даже и не принялъ на глаза, а потому онъ возвратился безъ удовлетворенія, не получивъ при томъ даже ни одного тая. Между тѣмъ изъ числа юсуновцевъ, пріѣхавшихъ къ намъ въ волости на баранту, захвачено было три человѣка; когда же сынъ мой былъ у Васъ, тогда юсуновцы его упросили, чтобъ не доводилъ до свѣдѣнія Вашего Пр—ва о сказанныхъ дѣйствіяхъ. За симъ предъявляю Вамъ, что изъ рода Чапраштры Саврукъ-Кочка, вызвавъ 12 человѣкъ нашихъ подъ видомъ посольства, предалъ ихъ Кенесарѣ на смерть; главный изъ нихъ назывался Джаманъ-Кара-батырь, а другой сынъ Бердагожи Булатъ-батырь. Съ того времени онъ, дѣйствуя съ Кенесарою за одно, не удовлетворилъ насъ за умерщвленныхъ куномъ.

„Въ настоящее же время со стороны Ташкиніи пришли кипчаки и, расположившись при урочищѣ Авлюѣ-Ата (Ауліэ-ата), отправили къ народу пословъ, а равно и ко мнѣ

съ приглашеніемъ о присоединеніи къ нимъ, но мы, не желая присоединиться къ нимъ, набираемъ войско. У сосѣдственныхъ народовъ есть, кажется, намѣреніе, соединиться, и если въ случаѣ кочевки ихъ туда, то я разобью ихъ, а остальныхъ переплавлю на ту сторону р. Или, а также если кипчаковцы превзойдутъ насъ въ силахъ, то какъ замѣтно, будетъ возстаніе народовъ.

„Мы же съ Вами въ прежнемъ отношеніи, потому что народъ вашъ, справедливость Россійскаго Правительства, сборъ ремонта съ народа ему подвластнаго, всѣ другія учрежденія о благосостояніи народа и всѣмъ народамъ предоставленіе права разбираться по своимъ обычаямъ—это мы уважаемъ. Однимъ словомъ, отъ посланнаго Вами татарина мы чрезъ распросы узнали весь порядокъ въ подробности и потому то намъ всѣ дѣла народа вашего кажутся предпочтительными. У насъ же ремонтъ противъ всѣхъ народовъ бываетъ обременительнѣе.

„Къ сему увѣдомленію я, манапъ Урманъ Ніязбековъ, своеручную прикладываю печать. Октября 23 дня 1847 г.“.

е) *Отъ Пограничнаго Начальника „почтенному манапу Урманъ Ніязбекову“, отъ 31 декабря 1847 г.*

„Татаринъ Галимъ Якубовъ, по возвращеніи въ Аягузъ, доставилъ чрезъ тамошній Приказъ письма Ваши ко мнѣ, почтеннѣйшій манапъ, изъ коихъ видя желаніе Ваше быть въ Омскѣ вмѣстѣ съ другими почетными лицами, дабы имѣть честь представиться Г. Генералъ-Губернатору князю Горчакову, я ходатайствовалъ объ этомъ, и Его Сіятельство изволилъ разрѣшить Вамъ прибыть сюда, о чемъ и дается Вамъ знать отъ Аягузскаго Приказа чрезъ татарина Галима Якубова. При семъ князь поручилъ мнѣ увѣдомить Васъ, почтеннѣйшій манапъ, что Его Сіятельству весьма пріятно было удостовѣриться изъ писемъ Вашихъ ко мнѣ о преданности Вашей и народа къ Россіи и что, одобряя намѣреніе вооружиться противъ кипчаковъ, Его Сіятельство надѣется на храбрость Вашу и увѣренъ, что побѣдители Кенесары одержатъ верхъ и въ этой борьбѣ съ новыми при-

шельцами, для чего желаетъ успѣха и даже въ случаѣ крайности постарается оказать помощь. Относительно же приглашенія кашгарскихъ хожей, дабы Вы имъ содѣйствовали, Его Сіятельство находитъ, съ своей стороны, что вмѣшиваться Вамъ въ это дѣло не слѣдуетъ, ибо по причинѣ дружественныхъ отношеній Россіи къ Китаю всякое Ваше дѣйствіе противъ сего государства будетъ неминуемо признано Его Императорскимъ Величествомъ противнымъ Высочайшей Его волѣ, да было бы неблагоразумно и для Васъ удалять своихъ воиновъ въ такое время, когда Вамъ самимъ угрожаетъ опасность.

„Примите, почтеннѣйшій манапъ, благодѣтельныя эти наставленія нашего начальства за истинно доброе желаніе народу Вашему всего хорошаго, причемъ да пошлетъ Вамъ Богъ мирную и спокойную жизнь и прочную дружбу съ народомъ нашимъ“.

„Въ томъ же содержаніи“ было послано письмо *манапу Джантаю Карабекову*. Согласно просьбѣ послѣдняго было разрѣшено явиться въ Омскъ, кромѣ него и султана Рустема Абулфеизова съ сыновьями, бію Супотою, въ сопровожденіи татарина Галима Якубова. Изъ архивной переписки видно, что въ концѣ 1848 года вмѣсто названныхъ лицъ Приставъ Большой орды баронъ Врангель снаряжалъ въ Омскъ султана Мамыра Рустемова (сына Рустема Абулфеизова) съ біемъ Кандербаемъ и каракиргизскаго посланца Сатая, въ сопровожденіи татарина Галима и одного казака.

Н. Коншинъ.

ЗАПИСКИ

Семипалатинскаго Подъотдѣла

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

n. 25970.

ВЫПУСКЪ II-Й.

Библиотека Географического Общества Союза ССР

СЕМИПАЛАТИНСКЪ.
Типо-Литографія Торг. Дома „П. Плещеевъ и К°".
1905.

Матеріалы для исторіи Степного края.

VI. Къ исторіи открытія Кокпектинскаго округа.(*)

I.

Кокпекты или иначе Кокпектинскъ—въ настоящее время небольшой заштатный городъ Семипалатинской области—былъ въ 30—40-хъ г.г. мин. столѣтія однимъ изъ главныхъ военныхъ пунктовъ на западной русско-китайской границѣ. Какъ я указалъ въ своей статьѣ объ открытіи Аягузскаго округа, вслѣдствіе безконечныхъ распрей между киргизскими родовыми группами (волости) среди ихъ представителей возникло въ концѣ 20-хъ г.г. мин. ст. значительное стремленіе къ водворенію въ степи русскаго «устройства» въ видѣ открытія округовъ по уставу о киргизахъ 1822 года. Это стремленіе выразилось, между проч., въ частыхъ просьбахъ киргизскихъ султановъ о присылкѣ къ нимъ военныхъ отрядовъ, въ жалобахъ другъ на друга и т. п. Вмѣшательство западно-сибирской администраціи въ дѣла зарубежныхъ киргизъ пріобрѣло особенно активный характеръ съ назначеніемъ въ 1827 г. на должность Генералъ-Губернатора Западной

(*) См. пр. 1.

Сибири ген.-лейт. П. А. Вельяминова, который явился сторонникомъ расширенія русской власти въ степи. Получивъ, въ отвѣтъ на свое представленіе, Высочайшее соизволеніе на открытіе новыхъ округовъ, Вельяминовъ предписалъ, между проч., Омскому Областному Начальнику ген.-лейт. де Сентъ-Лорану послать отрядъ за Иртышъ въ раіонъ Колбинскихъ горъ. Не встрѣтивъ сопротивленія со стороны киргизъ, отрядъ остановился около рѣчки Кокпекты, гдѣ въ 1830 г. было выстроено нѣсколько деревянныхъ домовъ, причемъ поселеніе получило, отъ имени рѣчки, названіе Кокпекты. Это появленіе русскихъ въ Призайсанской равнинѣ вызвало большое неудовольствіе среди китайцевъ, одинъ изъ пограничныхъ пикетовъ которыхъ, Буконьскій, находился отъ новаго поселенія въ очень близкомъ разстояніи. Въ маѣ 1831 г. Чугучакскій амбань, ѣздившій для осмотра пограничныхъ китайскихъ пикетовъ, посылалъ нѣсколько разъ къ находившемуся въ Кокпектахъ сотнику Недорѣзову своихъ чиновниковъ съ настойчивымъ предложеніемъ очистить занятое мѣсто, такъ какъ оно принадлежало, будто бы, къ числу лѣтнихъ кочевьевъ состоящихъ въ китайскомъ подданствѣ султановъ Ханхожиныхъ(*). Недорѣзовъ отказался исполнить это предложеніе и по просьбѣ китайскихъ чиновниковъ далъ письменный отзывъ, что на урочищѣ Кокпекты онъ находится «по предписанію главнаго россійскаго начальства», а потому безъ его воли уйти не можетъ. Амбань ничего не отвѣтилъ Нѣдорѣзову, но встрѣтившись затѣмъ на пикетѣ Батпинскомъ съ Смотрителемъ Бухтарминской войсковой рыбалки хорунжимъ Корниловымъ, жаловался ему на захватъ русскими китайской земли и даже заявилъ, что долженъ будетъ силой согнать Недорѣзова съ р. Кокпектинки.

Конечно, угрозы своей амбань не исполнилъ, но вѣсть о пріѣздѣ китайскихъ чиновниковъ въ Кокпекты быстро разнеслась среди киргизъ. Стали передаваться слухи, что для изгнанія русскихъ идетъ изъ

(*) Султаны Ханхожины въ 20—40-хъ г.г. мин. ст. играли очень значительную роль среди кокпектинскихъ и аягузскихъ киргизъ. О ихъ противодѣйствіи русской администраціи въ дѣлѣ открытія и устройства округовъ подробно изложено въ моихъ статьяхъ «Открытіе Аягузскаго округа» (въ «Памят. книжкѣ» Семипалат. обл. на 1900 г.) и «Къ исторіи Каркаралинскаго и Аягузскаго округовъ въ 30—40-хъ г.г. XIX ст.» (въ «Запискахъ» Семипалат. Географ. Подъотдѣла. в. I).

Чугучака китайскій отрядъ въ 500, даже 1000 человѣкъ, что отрядъ этотъ уже приступилъ къ дѣлу и проч. Подъ вліяніемъ такихъ слухоръ въ Матаевской волости киргизы отказали даже въ пропускѣ урядннку Рагозину, который былъ посланъ съ 10 казаками для преслѣдованія барантачей. Все это заставило Начальника заграничнаго военнаго отряда хорунжаго Нюхолова отправиться въ наиболѣе безпокойныя волости, гдѣ онъ увѣрялъ киргизъ въ ложности ходившихъ между ними слуховъ и совѣтывалъ имъ не волноваться. Отъ матаевцевъ Нюхоловъ узналъ, что султаны Джанбубекъ и Сиванкулъ Ханхожины приблизились къ ихъ волости и имѣютъ постоянныя сношенія съ китайцами. Возвращаясь изъ Сарджумартовской волости, Нюхоловъ встрѣтилъ между пикетами Себинскимъ и Аганыкаттинскимъ нѣсколько киргизъ изъ Караулъ-Ясыковской волости съ китайцами, которые объяснили ему, что караулъ-ясыковцы взяли на пастьбу ихъ лошадей съ пикетовъ Буконьскаго и Кулуджунскаго. «Уважая просьбу» китайцевъ— какъ донесъ Нюхоловъ Омскому Областному Начальнику—онъ разрѣшилъ имъ пасти лошадей, а караулъ-ясыковцамъ, считавшимъ себя китайскими подданными, велѣлъ «съ сихъ мѣстъ обратиться по крайней мѣрѣ въ Колбу за 30 верстъ». «Видя киргизцы, что китайцы не въ состояніи удержать мѣста сіи за собою, намѣреваются подойти подъ управленіе россійское и даже китайцамъ самимъ говорили, чтобъ они послѣ сего ни подъ какимъ видомъ ихъ своими не называли, когда не въ состояніи уже оставить имъ лѣтнія кочевки, ни же защищать отъ барантовъ или въ случаѣ отгона преслѣдовать». По крайней мѣрѣ два караулъ-ясыковскихъ бія изъ рода Касабулатъ: Дюсень, получившій въ 1818 г. отъ русскаго правительства званіе старшины, и Бурунбай изъявили желаніе принять русское подданство, только «остановились впредь до вторичнаго къ нимъ пріѣзда» Нюхолова.

Получивъ донесенія Нюхолова объ описанныхъ происшествіяхъ на границѣ, Омскій Областной Начальникъ де Сентъ-Лоранъ приказалъ ему сдѣлать Недорѣзову «строжайшій выговоръ» за дачу китайцамъ письменнаго отзыва по поводу нахожденія своего на Кокшектинкѣ, предложивъ ему, «дабы на будущее время сколь возможно избѣгалъ сего, со внушеніемъ при томъ, въ случаѣ вторичнаго прибытія къ нему ки-

тайскихъ чиновниковъ, поступать съ ними какъ можно вѣжливѣе, и если они снова приступятъ съ вопросами на счетъ пребыванія его, то отвѣтствовалъ бы словесно, что онъ находится тамъ по распоряженію главнаго начальства, для сохраненія между киргизами тишины и спокойствія». Самому Нюхолову де Сентъ-Лоранъ запретилъ имѣть какія-либо сношенія съ киргизами, которые считаютъ себя китайскими подданными, «въ отвращеніе претензій со стороны Китая».

Донося, въ свою очередь, о всемъ изложенномъ Генералъ-Губернатору Западной Сибири, де Сентъ-Лоранъ просилъ увѣдомить, «какъ приказано будетъ поступить въ такомъ случаѣ, если въ самомъ дѣлѣ со стороны Китая высланъ былъ бы отрядъ для удаленія нашего съ мѣста, имъ нынѣ занимаемаго?» По мнѣнію самого де Сентъ-Лорана, «гораздо лучше предупредить домогательство Китая, подъ благовиднымъ предлогомъ нынѣ же перевести отрядъ на другое мѣсто, которое не было бы такъ сближено съ землями, занимаемыми киргизами, Китаю подвѣдомыми, чѣмъ отвратятся и всякіе со стороны киргизъ превратные толки, которые неминуемо послѣдуютъ, если перенесеніе отряда учинено будетъ по настоянію со стороны Китая».

Въ отвѣтъ на этотъ запросъ Вельяминовъ предложилъ де Сентъ-Лорану постоянно внушать Нюхолову, «чтобъ находясь съ отрядомъ вблизи китайскихъ пикетовъ, не могъ какимъ-либо неосторожнымъ поступкомъ оскорбить народъ сей и навлечь отъ нихъ неудовольствія подвѣдомственнымъ имъ киргизамъ, а равно и не обезпокоивалъ бы и не дѣлалъ притязаній тѣмъ изъ сихъ, кои, находясь подъ покровительствомъ китайцевъ, не желаютъ онаго лишиться». Даже описанный выше разговоръ Нюхолова съ китайцами около Себинскаго пикета показался Генералъ-Губернатору невѣжливымъ и онъ поручилъ сдѣлать Нюхолову замѣчаніе, «ибо въ обращеніи съ подданными дружественнаго Россіи народа должно остерегаться грубыхъ и неблагоразумныхъ поступковъ». Что касается прямого вопроса де Сентъ-Лорана, какъ быть, если китайцы захотятъ силой удалить русскій отрядъ, то Генералъ-Губернаторъ, повидимому, самъ не зналъ, какъ надо поступить въ такомъ случаѣ. Китайцы, какъ оказалось, не только противились занятію русскими земель по Кокпектинкѣ, но усердно старались вол-

новать киргизъ на Аягузѣ, гдѣ въ 1830 г, было приступлено къ образованію округа. Поэтому Генералъ-Губернаторъ, не рѣшаясь самъ предпринять что нибудь противъ китайцевъ, сообщимъ въ ноябрѣ 1831 г. о ихъ притязаніяхъ на Кокпекты и Аягузъ Вице-Канцлеру, «чтобъ онъ испросилъ у Государя Императора соизволенія: уступить ли сіи мѣста китайцамъ или, въ случаѣ покушенія ихъ согнать насъ съ оныхъ силою, отражать ихъ».

Возбужденный Генералъ-Губернаторомъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ 28 декабря 1831 г. Общимъ Присутствіемъ Сибирскаго и Азіатскаго Комитетовъ. Какъ я подробно изложилъ въ статьѣ объ открытіи Аягузскаго округа, Комитеты признали китайскія домогательства не основательными, почему рѣшили: «I) Въ формальныя сношенія съ Китайскимъ правительствомъ о границахъ киргизскихъ не входить, доколѣ оно не отнесется къ намъ о семъ предметѣ само или черезъ Трибуналъ, или посредствомъ сношеній съ Иркутскимъ Губернаторомъ. II) Генералъ-Губернатору Западной Сибири предписать: 1) отряды нашей стражи содержать на урочищѣ Кокпекты и въ Аягузскомъ округѣ на нынѣшнихъ мѣстахъ, не придвигая ихъ далѣе къ цѣпи карауловъ китайскихъ, безъ особеннаго на то разрѣшенія. 2) Если бы, сверхъ всякаго чаянія, китайская пограничная стража, безъ объясненій Китайскаго Правительства, вздумала силою принудить отряды наши оставить занимаемыя нынѣ мѣста, то, принимая сей поступокъ не дѣйствіемъ Правительства, но единственно самоуправствомъ мѣстнаго подчиненнаго начальства, съ твердостью изъяснить ему, что бывъ въ мирѣ и дружбѣ съ Китайскимъ государствомъ, наша мѣстная стража имѣетъ строгое повелѣніе, съ одной стороны, ничѣмъ не нарушать сего мира, а съ другой, и не отступать отъ занятыхъ мѣстъ безъ взаимныхъ формальныхъ между обоими Правительствами сношеній. Если же бы, паче всякаго чаянія, и сіи изъясненія остались безъ дѣйствія, то не иначе отступить, какъ развѣ въ случаѣ превосходства силъ».

9 января 1832 г. журналъ Общаго Присутствія названныхъ Комитетовъ былъ разсмотрѣнъ Государемъ, а 14 января Комитеты опредѣлили: «сообщить выписки изъ журнала Генералъ-Губернатору За-

падной Сибири къ исполненію, а Вице-Канцлеру и Генералъ-Губернатору Восточной Сибири къ свѣдѣнію».

Изложенное рѣшеніе Комитетовъ Генералъ-Губернаторъ сообщилъ Омскому Областному Начальнику, причемъ предписалъ ему «при всемъ томъ имѣть въ предметѣ святость сохраненія дружества съ союзною издревлѣ державою Китайскою и удаляться малѣйшихъ даже случаевъ, кои-бы могли подать поводъ къ неудовольствіямъ, и избѣгать какихъ либо притязаній къ китайскимъ карауламъ и ихъ чиновникамъ,—а сохраняя выше начертанныя правила (т. е. рѣшеніе Комитетовъ), не уступать занятыхъ мѣстъ, но отнюдь не отваживаться не только за ихъ пограничною цѣпью, но и вблизи оной что либо занимать и предпринимать, подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія по законамъ. Если-бъ китайцы вздумали съ занимаемыхъ нами мѣстъ согнять силою, не взирая ни на какія убѣжденія, тогда по необходимости отражать оную, если только они будутъ не слишкомъ въ превосходномъ числѣ»(*).

Изъ дальнѣйшихъ донесеній Нюхолова де-Сентъ-Лорану, немедленно сообщавшихся Генералъ-Губернатору, видно, что китайцы долго еще не оставляли въ покоѣ русскаго отряда на Кокпектинкѣ, хотя, конечно, всякія опасенія на счетъ возможности активной ихъ дѣятельности были очень неосновательны. Ниже я подробно изложу эти донесенія Нюхолова, потому что, мнѣ кажется, они хорошо рисуютъ характеръ тогдашнихъ пограничныхъ отношеній русскихъ къ китайцамъ. Такъ, когда Нюхоловъ вернулся изъ поѣздки по волостямъ, галдай, управлявшій Буконьскимъ китайскимъ пикетомъ, прислалъ къ нему 15 іюля 1831 г. «изъ дружества или по какой особенной надобности» двухъ калмыковъ «съ засвидѣтельствованіемъ своего почтенія» и съ вопросомъ «о благополучіи отряда и спокойствіи». Нюхоловъ «съ своей стороны поставилъ въ обязанность также послать и отъ себя къ сему галдаю съ объявленіемъ взаимнаго почтенія, а притомъ какъ онъ, галдай, замѣтно было, что нуждался, черезъ посланныхъ отъ себя, сахаромъ и виномъ», то Нюхоловъ отправилъ ему того и другого «въ достаточномъ количествѣ». Затѣмъ, по приглашенію Нюхолова, черезъ двѣ недѣли, пріѣхалъ къ нему въ гости самъ галдай съ 10 нижними

(*) См. пр. 2.

чинам'. Нюхоловъ «съ должнымъ уваженіемъ и приличною ласковостію принялъ его въ свою квартиру». «Между прочими разговорами галдай объяснилъ, что Чугучакскій амбань прислалъ ему повелѣніе, въ коемъ спрашиваетъ его, находится ли русскій отрядъ при рѣчкѣ Кокпекты и не дѣлаютъ ли русскіе какого притѣсненія въ будущихъ зимовкахъ султану вану(*) Ханхожину и киргизцамъ Караулъ-Ясыковской волости». Нюхоловъ увѣрилъ галдая, что ничего подобнаго нѣтъ и не будетъ, послѣ чего угостилъ его «чаемъ, водкой и обѣдомъ, равно и сопровождавшіе его нижніе чины по пристойности были угощены». На прощанье Нюхоловъ подарилъ галдаю «на ихнюю одежду вейверту», а сотникъ Недорѣзовъ, еще раньше познакомившійся съ галдаемъ—иноходца. Черезъ три дня Нюхоловъ, Недорѣзовъ и толмачъ Корниловъ съ 1 урядникомъ и 3 казаками ѣздили отплатить визитъ галдаю, который также принялъ ихъ «съ привѣтливостью и ласкою, угощалъ чаемъ, своего произведенія виномъ и наконецъ обѣдомъ», во время котораго говорили о взаимномъ «дружествѣ» и т. п.

Въ слѣдующій разъ китайцы были у Нюхолова въ концѣ апрѣля 1832 г., въ числѣ 6 галдаевъ и 15 нижнихъ чиновъ. Нюхоловъ принялъ ихъ «съ должнымъ почтеніемъ, съ изъявленіемъ имъ усердія и съ соблюденіемъ воинской дисциплины». Старшій галдай объяснилъ Нюхолову, что «они присланы отъ своего амбаня не для чего другого, а единственно, чтобъ отстраниться отъ сего мѣста русскому строенію», въ виду жалобъ и просьбъ о томъ подвластныхъ китайцамъ киргизскихъ султановъ, особенно Ханхожиныхъ. Нюхоловъ старался доказать неосновательность киргизскихъ претензій и объявилъ даже, что русскіе «въ угожденіе» китайцамъ перенесли свои строенія съ одной стороны рѣчки Кокпектинки на другую(**), дѣлать же каждое лѣто «перестройку чрезвычайно будетъ затруднительно», такъ какъ русскія строенія, хотя не велики, но все же не киргизскія юты. Затѣмъ пошли «разговоры и о прочемъ о томъ, которое не касалось до службы», послѣ чего происходило обычное угощеніе галдаевъ чаемъ, водкой и

(*) Старшій изъ Ханхожиныхъ. Джанбубекъ, получилъ отъ китайцевъ званіе «вана».

(**) Въ дѣйствительности такой переносъ былъ сдѣланъ для огражденія построекъ отъ разлива Кокпектинки.

обѣдомъ. Нижніе китайскіе чины «равно по пристойности были угощены». «На послѣдокъ, дабы показать имъ дружество и ласковое всегда обращеніе русскихъ», Нюхоловъ подарилъ каждому изъ шести галдаевъ «по равной части что только могъ отыскать при себѣ», амбаню же, который, какъ оказалось, остановился съ своимъ отрядомъ вблизи Кокпектинскаго поселка, Нюхоловъ послалъ «особенно приличные гостинцы». На прощанье Нюхоловъ произвелъ «одѣвшимися 25 человѣками въ полную амуницію казаковъ военную экзерцицію по пѣшему и на лошадяхъ», что галдан приняли «за особенное уваженіе и за все благодарили». Не имѣя возможности на другой день лично побывать у амбаня, Нюхоловъ послалъ къ нему урядника Винтовкина съ 1 казакомъ и вожатымъ изъ семипалатинскихъ татаръ, поручивъ передать амбаню, вмѣстѣ съ извиненіемъ, «гостинцы въ знакъ признательности». Амбань принялъ посланныхъ привѣтливо, угощалъ ихъ и поручилъ передать Нюхолову, что «жить въ степи заселеніемъ русскимъ дозволяется, спокойно и мирно», безъ причиненія обидъ султану вану Ханхожину. Нюхоловъ получилъ отъ амбаня въ подарокъ «китайскаго произведенія вина одну бутылку, хлѣбцовъ и закусокъ», а посланные по синей дабѣ (*).

Въ августѣ 1832 г. произошло новое свиданіе Нюхолова съ китайцами. Чугучакскій амбань, объѣзжая съ отрядомъ въ 100 человѣкъ китайскіе пикеты, остановился въ 15 в. отъ русскаго поселенія и послалъ къ Нюхолову 2 чиновниковъ съ переводчикомъ и 10 солдатами «съ объявленіемъ отъ него почтенія» и съ приглашеніемъ «съѣздить къ нему для личнаго свиданія». Нюхоловъ согласился и отправился въ китайскій лагерь съ 3 казаками. По прибытіи русскихъ,

(*) Нюхоловъ особо донесъ де Сентъ-Лорану, что на описанный пріемъ китайцевъ имъ было израсходовано изъ собственности 80 р., а именно, кромѣ угощенія, онъ подарилъ галдаямъ и амбаню 22 ф. сахару, 6 полушелковыхъ шалей и 2 фарфоровыхъ чашки.

Де Сентъ-Лоранъ разрѣшилъ Нюхолову возмѣстить эти расходы изъ суммы, отпущенной ему на пріемъ киргизъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ чиновнику особыхъ поруч. Бѣленицыну командированному тогда для обозрѣнія округовъ, удостовѣриться черезъ очевидцевъ, дѣйствительно ли Нюхоловъ подарилъ китайцамъ упомянутыя выше вещи. Изъ послѣдовавшихъ донесеній Бѣленицына видно, что онъ разузнавалъ «изъ подъ руки какъ отъ нижнихъ чиновъ, такъ и отъ Командующаго Буконьскимъ китайскимъ карауломъ» о дѣйствіяхъ Нюхолова и фактъ дачи имъ подарковъ китайцамъ вполнѣ подтвердился.

амбань вышелъ «на встрѣтеніе» Нюхолова самъ, «введя въ ставку свою посадилъ подлѣ себя, спрашивалъ о благоденствіи Россійской имперіи, о здоровьѣ, тишинѣ и спокойствіи отряда, обходился съ особенной ласковостью, угощая чаемъ, водкою и фруктами, (причемъ) извинялся, какъ онъ, дорожный человѣкъ, не можетъ угостить пристойнымъ образомъ». На другой день амбань самъ пріѣхалъ къ Нюхолову «везомый 4 лошадьми на носилкахъ въ сопровожденіи 35 человѣкъ китайцевъ, вооруженныхъ стрѣлами». Нюхоловъ угостилъ амбаня и его свиту «чѣмъ только могъ» и, какъ замѣтилъ, «амбань съ большимъ удовольствіемъ пилъ водку и закусывалъ, бывъ веселъ и доволенъ ласковымъ пріемомъ». Подробно все описывая, Нюхоловъ не забылъ даже упомянуть, что амбань попросилъ показать ему дѣтей Нюхолова, «которыхъ обласкалъ вѣроятно нарочито привезенными фруктами». Наконецъ, послѣ обѣда, амбань «черезъ переводчика своего объявилъ, что по возложенной на него отъ главнаго своего начальства обязанности долженъ обозрѣть передовые китайскіе кордоны отъ Чугучака до Батовъ и что проѣзжая не очень въ дальнемъ разстояніи отъ новаго заселенія русскихъ поручено ему отъ Кульджинскаго джанджуна удостовѣриться, на какомъ именно мѣстѣ заселяются русскіе, въ китайскихъ ли предѣлахъ или на мѣстахъ, принадлежащихъ русскимъ, и между прочимъ, если слишкомъ сблизились къ передовымъ кордонамъ по рѣчкамъ Букони или Чигилеку, то велѣть непременно отступить назадъ въ Колбу». Амбань, по описанію Нюхолова, «изъяснялся» такъ: «Говорю тебѣ, какъ чиновнику миролюбиваго государя, съ дружественной откровенностью, чтобъ пограничнымъ начальникамъ не подпасть подъ отвѣтственность либо нарушить бы покой мирныхъ и согласныхъ двухъ имперій. Совѣтую тебѣ, пока не доведено до свѣдѣнія двухъ великихъ императоровъ, отступить съ сего мѣста и прошу объ ономъ донести главному своему начальству». Нюхоловъ отвѣтилъ, что безъ распоряженія начальства сдѣлать ничего не можетъ и не знаетъ, кому принадлежатъ рѣчки Буконь и Чигилекъ, что же касается новаго русскаго селенія, то оно расположено на рѣчкѣ Кокпектинкѣ, берущей начало за 200 в. въ горахъ Сары-тау и впадающей въ Чигилекъ ниже въ 4 верстахъ отъ селенія. Тогда амбань вышелъ на ули-

цу и, осмотрѣвъ окрестности, «сдѣлалъ на бумагѣ замѣчаніе, въ какой части находится округъ, какъ лежатъ Колбинскіе хребты, въ какомъ разстояніи отсюда имѣютъ направленіе отъ Батовъ до Тарбогатая ихъ передовые кордоны. Наконецъ, не говоря болѣе объ отступленіи съ сего мѣста, убѣдительно просилъ довести до свѣдѣнія о пріѣздѣ его на округъ главному начальству, неотступно также просилъ снабдить его письмомъ въ той силѣ, что онъ былъ на округѣ«. Такое «письмо» Нюхоловъ въ концѣ концовъ вынужденъ былъ дать.

Въ декабрѣ 1832 г. въ Кокпекты прибылъ въ Чугучака ташкентецъ Нурмагометъ Шахмагометовъ и, судя по донесенію Нюхолова де Сентъ Лорану, разсказалъ, что «во время бытности его въ Чугучакѣ по дѣламъ торговымъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, но котораго числа не припомнитъ, призванъ онъ съ прочими торговцами татарами и ташкентцами хебей-амбанемъ, которымъ при первомъ разѣ сдѣланъ былъ имъ вопросъ: слышали ли они сего дня звукъ бубновъ? На что отвѣчали: слышали. Амбань между тѣмъ, показывая на лицо свое пальцемъ, (сказалъ): это значитъ—строжайшій выговоръ и стыдъ, сдѣланный мнѣ Улясутайскимъ джанджуномъ и объявленный публично за то, что я, будучи нынѣшняго лѣта въ Кокпектахъ, не согналъ отрядъ съ занимаемаго имъ мѣста. При томъ обращаясь къ нимъ. говорилъ: вы всѣ россійскіе торговцы, то по возвращеніи вашемъ обратно поручаю вамъ объявить начальнику отряда доброжелательство мое, какъ человѣку мнѣ знакомому, чтобъ онъ, не дожидая пріѣзда моего будущею весною оставилъ мѣста, имъ занятыя, и удалился изъ оныхъ, а въ противномъ случаѣ—причемъ снявъ съ головы своей шляпу и показывая на алый камень, доказывающій генеральское его достоинство—оставлю его и голову на мѣстѣ Кокпектовъ». Послѣ этой рѣчи Шахмагометовъ нѣсколько разъ встрѣчалъ амбаня и «завсегда находилъ его смущеннаго и разстроеннаго противу прежняго». По увѣренію Нюхолова, разсказчикъ Шахмагометовъ, кочевка котораго находилась въ 2 верстахъ отъ русскаго поселенія, «человѣкъ лучшихъ правилъ и честности, почему и прозванъ вообще всѣми ордынцами Ауліэ (святой)».

Узнавъ объ этомъ разсказѣ Шахмагометова, Генералъ-Губерна-

торъ поручилъ Областному Начальнику предписать Нюхолову, «чтобъ онъ наивозможно старался удостовѣриться въ точности сообщенныхъ извѣстій, а между тѣмъ узнавать черезъ вѣрныхъ людей: не собираются ли въ Чугучакѣ или вблизи границы войска, что будетъ служить яснымъ доказательствомъ непріязненности къ намъ китайцевъ. Если же сверхъ всякаго ожиданія амбань вздумалъ бы согнать отрядъ съ ур. Кокпекты, то употребить сначала всевозможныя убѣжденія . . . . . и если-бъ сіе было тщетно, то въ случаѣ нападенія ихъ при равенствѣ силъ и если они будутъ не въ слишкомъ превосходящемъ числѣ, отражать силу силою, а въ случаѣ явнаго превосходства ихъ, отступить; но всемѣрно стараться избѣгать случаевъ къ несогласіямъ и отнюдь не подавать къ тому повода».

Сообщая Нюхолову приведенное распоряженіе Генералъ-Губернатора, де Сентъ-Лоранъ указалъ, что по его мнѣнію самое лучшее было бы «послать въ сопредѣльные китайскіе города одного или двухъ человѣкъ преданныхъ и опытныхъ азіатцевъ—татаръ или киргизъ, которые подъ видомъ торговли легко могутъ узнать о всѣхъ предпріятіяхъ китайцевъ».

Нюхоловъ отправилъ въ Китай въ февралѣ 1833 г. для развѣдокъ ташкентца Аучу Ишіева. Какъ видно изъ донесеній Нюхолова, онъ всегда пользовался, для разныхъ секретныхъ порученій, кромѣ Ишіева еще, въ особенности, услугами киргизъ Букенбая Артыкова и Джантайляка Бопанова. Ишіевъ около 20 лѣтъ жилъ въ китайскихъ предѣлахъ, при ключѣ Акъ-суатъ, гдѣ у него были сырцовыя постройки и пашни; Букенбай (изъ ташкентцевъ)—въ подвластной китайцамъ Караулъ-Ясыковской волости, а Джантайлякъ—вблизи Кокпектовъ. Всѣ они сообщали Нюхолову не только слухи о китайцахъ, но о всемъ, что дѣлается среди киргизъ, за что Областной Начальникъ подарилъ имъ, по представленію Нюхолова, по серебряному перстню.

Отправляя Ишіева, Нюхоловъ купилъ ему разнаго товара на 180 р. изъ присланныхъ Областнымъ начальникомъ 200 рублей на подарки и угощеніе тѣмъ людямъ, секретными услугами которыхъ Нюхоловъ будетъ пользоваться. Впрочемъ, поѣздка Ишіева на этотъ разъ оказалась не особенно удачной, потому что никакихъ важныхъ или интересныхъ

свѣдѣній онъ не доставилъ, сообщая время отъ времени лишь о томъ, что въ Китаѣ противъ русскихъ ничего не предпринимается.

До чего опасалась тогда сибирская администрація враждебныхъ дѣйствій со стороны китайцевъ, видно, напр., изъ слѣдующаго случая. Чугучакскій амбань, осматривая, по обыкновенію, въ іюнѣ 1883 г. китайскіе пограничные пикеты, не заѣхалъ, не смотря на приглашеніе, въ Кокпекты. Какъ только вѣсть объ этомъ дошла до Генералъ-Губернатора, къ Нюхолову тотчасъ полетѣлъ запросъ, чтобы онъ «сколько возможно объяснилъ, по какой причинѣ китайскій амбань не поѣхалъ къ нему на свиданіе, что подъ симъ должно разумѣть и не кроется ли тутъ какого-либо недоразумѣнія». А дѣло было, какъ донесъ потомъ Нюхоловъ, просто въ томъ, что амбань запоздалъ съ осмотромъ пикетовъ, почему для поѣздки въ Кокпекты не имѣлъ свободнаго времени.

Въ сентябрѣ 1833 г. опять произошло свиданіе Нюхолова съ амбанемъ, который, между проч., упрекалъ Нюхолова, что тотъ, не смотря на его просьбы, не отступилъ съ мѣста, занятаго русскимъ отрядомъ. При этомъ амбань, отмѣтивъ на столѣ двѣ четверти, сказалъ Нюхолову: «хотя столько бы отступилъ, для меня довольно бы было». Въ концѣ концовъ амбань заявилъ, что ему поручено осмотрѣть русскіе отряды на Кокпектинкѣ и въ Аягузѣ и что удаленія русскихъ добиваются султанъ Бопа и султаны Ханхожины, главн. обр., Джанбубекъ. Чтобы прекратить всѣ такіе споры и домогательства, амбань посовѣтывалъ Нюхолову «отъ Джанбубека взять какую ни на есть подписку, что онъ болѣе сего настаивать не будетъ». По настоятельной просьбѣ амбаня Нюхоловъ послалъ проводить его въ Аягузъ нѣсколько казаковъ, которымъ велѣлъ тщательно слѣдить за тѣмъ, что будетъ дѣлать амбань во время проѣзда черезъ киргизскія волости.

Генералъ-Губернаторъ на этотъ разъ категорически предписалъ Областному Начальнику «рѣшительно отклонить притязанія китайцевъ и, если-бъ они вздумали употребить силу, то отразить оную силою».

Какіе неосновательные слухи ходили въ то время о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ китайцевъ, видно хотя бы изъ слѣдующаго случая. Въ

августѣ 1834 г. Начальникъ Сибирскаго Таможеннаго округа донесъ Министру Финансовъ, что въ проѣздъ свой по Иртышской линіи онъ узналъ, что китайцы «намѣрены явно препятствовать учрежденію Приказа въ Кокпектинскомъ урочищѣ» и что во вновь образованное русское селеніе «прибылъ китайскій пикетъ, стоявшій прежде верстахъ въ 40, и требовалъ отвести для него домъ, что командующимъ отрядомъ казачьимъ офицеромъ и исполнено». Министръ Финансовъ сообщилъ объ этомъ донесеніи Военному Министру, послѣдній Генералъ-Губернатору и, въ результатѣ, къ Нюхолову полетѣли запросы, правда ли все это, «что подъ симъ приходомъ китайцевъ должно разумѣть и не кроется ли тутъ какого-либо намѣренія со стороны китайскаго кордона возобновить прежнія требованія о переносѣ Кокпектинскаго отряда на другое мѣсто». Напротивъ, отвѣтъ Нюхолова рисуетъ самыя идиллическія отношенія, установившіяся между русскими и китайцами. Чиновники китайскихъ карауловъ, расположенныхъ на ур. Клы, Буконь и Балыкъ-Куль, ежегодно съ частью своихъ солдатъ оставляли въ іюнѣ эти пикеты и вмѣстѣ съ лошадьми, для спасенія ихъ отъ овода, переходили въ подвластную Китаю Караулъ-Ясыковскую волость, гдѣ оставались до самаго возвращенія карауловъ «на зимнія мѣста ихъ». Въ 1834 г., вслѣдствіе сильной баранты и грабежей, Караулъ-Ясыковская волость и китайцы прикочевали лѣтомъ поближе къ тому мѣсту, гдѣ былъ на выпасѣ казачій табунъ, такъ, что китайцы и ихъ киргизы находились какъ бы подъ охраной русскаго отряда. «А сей случай — писалъ Нюхоловъ—смежнаго нашего нахожденія доставилъ удовольствіе посѣщать однимъ другихъ почти каждодневно и проводить время въ дружескихъ разговорахъ, а иногда и шуткахъ». 1 августа, когда оводъ пропалъ, казаки вернулись въ свой поселокъ, причемъ, по просьбѣ китайцевъ, имъ разрѣшено было ѣхать вмѣстѣ съ отрядомъ и пробыть нѣсколько дней въ поселкѣ, гдѣ для чиновниковъ была отведена квартира и «оказывалась имъ всякая ласка и возможное угощеніе». Хотя дѣйствія Нюхолова не подверглись порицанію(*), но за недонесеніе своевременно о пріѣздѣ китайцевъ, Областной Начальникъ сдѣлалъ ему «строгій выговоръ» съ подтвержденіемъ доносить «неупустительно о

(*) Было даже выслано 100 р. «на угощеніе пріѣзжающихъ къ отряду китайцевъ».

каждомъ прибытіи китайцевъ на границу и въ мѣста, русскими войсками занимаемыя, съ подробнымъ изъясненіемъ, кто именно сіи китайцы, въ какомъ числѣ и съ какимъ намѣреніемъ прибыли».

Отъ Букенбая и китайцевъ Нюхоловъ, между проч., узналъ, что посѣщавшій его Чугучакскій амбань умеръ въ началѣ 1834 г. и вмѣсто него назначенъ «человѣкъ молодыхъ лѣтъ, ближайшій родственникъ по матери китайскому богдохану . . . . . Амбань сей имѣетъ желтаго цвѣта поясъ, какъ знакъ происхожденія его изъ царскаго колѣна . . . . . Чиновники, сопровождавшіе амбаня (при осмотрѣ карауловъ), хотя нѣсколько разъ предлагали ему о посѣщеніи, по примѣру предмѣстника его, отряда и ознакомиться съ русскими, но амбань отзывался всегда, что онъ до русскихъ не имѣетъ никакой надобности».

II.

Слѣдующія дѣла, какими я могъ воспользоваться, относятся къ 1838 г. и далѣе. Судя по ихъ содержанію, надо думать, что и въ промежутокъ времени съ 1835 по 1837 г. сибирская администрація все еще опасалась домогательствъ Китая на Кокпектинскій край. Такъ, въ мартѣ 1838 г. Нюхоловъ донесъ Областному Начальнику, будто на рѣчку Курчумъ пришелъ китайскій отрядъ въ 200 человѣкъ «о два конь» и что отрядъ этотъ поджидаетъ другой въ 1000 человѣкъ, чтобы, соединясь, идти на Кокпекты. Въ виду такого слуха, Нюхоловъ послалъ на развѣдки ташкентца Надыра Садыкова, который разузналъ, что китайскій отрядъ въ 100 человѣкъ дѣйствительно былъ на Курчумѣ, откуда ушелъ на Баты и Чингистай. Китайцы являлись на пикеты обыкновенно въ маѣ, поэтому прибытіе ихъ въ мартѣ, до вскрытія рѣкъ, изумило мѣстныхъ киргизъ. Но тревога оказаласьнапрасной, китайцы было настроены самымъ мирнымъ образомъ и даже началь-

никъ Буконьскаго пикета лично явился въ Кокпекты съ просьбой разрѣшить ему, въ виду массы овода на Букони, держать лошадей вмѣстѣ съ казачьимъ табуномъ. Сотникъ Портнягинъ, назначенный, вмѣсто Нюхолова, Начальникомъ Кокпектинскаго заграничнаго военнаго отряда, удовлетворилъ просьбу китайцевъ и хотя получилъ за это «одобреніе» отъ Областного Начальника, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему было поручено разузнать, не заключается ли въ прибытіи китайцевъ «какой-нибудь политической цѣли». Портнягинъ увѣрилъ, что китайскій начальникъ «кромѣ дружескихъ разговоровъ ничего особеннаго не говорилъ» и что никакихъ «политическихъ цѣлей» у него не было. Такъ же «ласково и благосклонно» обошелся съ русскими и самъ чугучакскій амбань Встрѣтивъ на пикетѣ Батинскомъ смотрителя войсковой рыбалки сотника Недорѣзова, амбань обѣщалъ ему, что стѣсненій русскимъ рыбопромышленникамъ не будетъ и просилъ жить «какъ можно дружески».

1838 годъ закончился большими смутами среди пограничныхъ киргизъ, подвластныхъ Китаю. Кочевавшіе на Черномъ Иртышѣ киреевцы, отодвигаясь постепенно къ югу, перешли въ кочевья урянхайцевъ и, ограбивъ ихъ, раззорили даже какое то китайское капище. Посланныя изъ Кобдо и Чугучака китайскія войска оттѣснили киреевцевъ до впаденія въ Черный Иртышъ рѣчки Кабы, причемъ раззорили нѣсколько ауловъ и убили до 30 человѣкъ. Получивъ объ этомъ свѣдѣнія отъ одного торгующаго татарина, Портнягинъ командировалъ въ ноябрѣ 1838 г. для секретныхъ развѣдокъ ур. Бѣлослюдова съ 3 казаками, а затѣмъ и самъ отправился въ кочевья «вѣрноподданнаго» султана Нуралы Мусаралина и на рѣчку Базарку, гдѣ жилъ ташкентецъ Ауча Ишіевъ, котораго Портнягинъ также послалъ на развѣдки. Кромѣ того, на рѣчкѣ Букони, въ 20 верстахъ отъ русскаго поселенія, былъ выставленъ на всякій случай пикетъ изъ 1 урядника и 10 казаковъ. Оказалось, что китайцы изгнали изъ кочевьевъ урянхайцевъ 12 киреевскихъ родовъ. Китайскій отрядъ задержалъ ихъ и потребовалъ выдачи обвинявшихся въ грабежахъ султана Кажамжара Самекова и 17 «лучшихъ» киргизъ. Такъ какъ киреевцы отъ такой выдачи отказались, то для окончанія дѣла миромъ былъ вызванъ китайцами

султанъ Сиванкулъ Ханхожинъ, который и убѣдилъ киреевцевъ выдать 3 біевъ. Послѣдніе были увезены въ Кобдо, и такъ какъ китайскій отрядъ удалился послѣ этого въ Чугучакъ, то Портнягинъ счелъ возможнымъ въ декабрѣ 1838 г. снять выставленный имъ пикетъ на Букони.

Неутомимый Ауча Ишіевъ сообщилъ Портнягину въ мартѣ 1839 г., что дѣло о грабежахъ киреевцевъ кончилось для нихъ очень благополучно. Они, а вѣроятно и Сиванкулъ Ханхожинъ, увѣряли китайцевъ, что вторженіе въ урянхайскія кочевья было вызвано тѣмъ, что киреевцы были вытѣснены изъ своихъ кочевьевъ найманцами, а эти послѣдніе—русскимъ отрядомъ. Поэтому среди киргизъ и торговцевъ стали ходить слухи, что китайцы окончательно рѣшились выгнать русскихъ съ Кокпектинки, для чего въ Чугучакѣ собирается большой отрядъ. Слухи эти вызывали среди киргизъ, по сообщенію Ишіева, «торжество».

Слухи показались подозрительными сибирской администраціи, и по распоряженію Генералъ-Губернатора въ апрѣлѣ 1839 г. Кокпектинскій отрядъ былъ усиленъ 3 урядниками и 50 казаками, которые, впрочемъ, пробыли въ отрядѣ всего только до конца мая, такъ какъ Пограничный Начальникъ полковникъ Ладыженскій увѣрилъ Генералъ-Губернатора, что «зная китайцевъ и осторожность ихъ въ сношеніи съ нами», онъ утверждаетъ, что «никакихъ нападеній противу нашихъ отрядовъ въ степи быть не можетъ».

Слѣдующій инцидентъ на границѣ относится къ маю 1840 г. Начальникъ китайскаго Буконьскаго пикета галдай Эркесары, пріѣхавъ къ Портнягину, объявилъ ему о послѣдовавшемъ воспрещеніи торговли опіумомъ въ пограничныхъ городахъ и о томъ, что на китайскихъ пикетахъ, по распоряженію начальства, приступлено къ постройкѣ деревянныхъ домовъ. На Буконьскомъ пикетѣ лѣсъ возили подвластные Китаю киргизы Караулъ-Ясыковской волости, имѣвшіе зимнія кочевья въ китайскихъ, а лѣтнія—въ русскихъ предѣлахъ. Галдай просилъ не приводить этихъ киргизъ въ русское подданство и не гнать ихъ съ лѣтнихъ кочевокъ. Затѣмъ въ іюнѣ начальники Буконьскаго и Кулуд-

жунскаго пикетовъ вмѣстѣ съ Караулъ-Ясыковской волостью дѣйствительно перекочевали въ Колбинскія горы, къ русскому Сенташскому пикету, причемъ по пути заѣзжали на пріискъ купца Зобнина. Тутъ китайцы «съ гордостію спрашивали, отъ кого эти мѣста купили и съ какого позволенія разрабатываютъ и что мѣста эти будутъ принадлежать имъ». Портнягинъ лично отправился на Сенташскій пикетъ и, найдя вблизи его китайцевъ, удалилъ ихъ. Буконьскій галдай объяснилъ Портнягину, что китайцы пришли въ окрестности Сенташскаго пикета «какъ на принадлежащія имъ издревле мѣста, вмѣстѣ съ киргизами, въ чемъ увѣрили его киргизы Караулъ-Ясыковской волости». Напротивъ, караулъ-ясыковцы показали, что китайцы нарочно присоединились къ ихъ волости за тѣмъ, чтобы доказать русскимъ, что мѣста въ Колбинскихъ горахъ принадлежатъ Китаю. Въ томъ же іюнѣ, вѣроятно по злобѣ къ русскимъ, при поѣздкѣ амбаня по пикетамъ, китайцы сожгли на ур. Акъ-суатъ постройки и мельницу ташкентца Аучи Ишіева(*), какъ говорилось выше, постоянно исполнявшаго разныя секретныя порученія Начальниковъ Кокпектинскаго отряда.

п. 25970.

Пограничный Начальникъ полковникъ Ладыженскій, сообщая объ этихъ происшествіяхъ Генералъ-Губернатору, высказалъ, что все это,

(*) Ауча Ишіевъ, какъ видно изъ собранныхъ о немъ справокъ (о разграбленіи его имущества велось особое «дѣло») съ братомъ своимъ Тойчей поселился у ключа Аксуатъ еще до образованія округовъ. Затѣмъ съ открытіемъ Хангузскаго округа онъ непросилъ въ декабрѣ 1831 г. у старшаго султана этого округа Сарта Ючина письменное дозволеніе остаться на занятыхъ мѣстахъ, принадлежавшихъ тогда киргизамъ «Муруновскихъ и Назаровскихъ волостей». Ючинъ мотивировалъ свое дозволеніе тѣмъ, что киргизы станутъ учиться у Ишіевыхъ земледѣлію. На Аксуатѣ у Ишіевыхъ былъ домъ изъ сырцоваго кирпича въ 4 комнаты съ пристройками и каменной стѣной кругомъ и водяная мельница. Китайцы все это разрушили и сожгли чѣмъ причинили Ишіевымъ, судя по ихъ заявленію, убытку на 12 т. рублей. Ауча Ишіевъ объяснилъ этотъ поступокъ китайцевъ тѣмъ, что онъ оказывалъ всегда русскому Правительству услуги: въ особенности же ненавидѣли его многіе киргизы за содѣйствіе русскимъ при поимкѣ Ханхожиныхъ. Портнягинъ подтвердилъ заявленіе Ишіева, указавъ, что за свои услуги онъ получилъ даже нѣсколько наградъ: въ 1833 г. отъ бывшаго Омскаго Областного Начальника—серебряный съ позолотой перстень за доставленіе свѣдѣній о китайцахъ, въ 1836 г. отъ него же—халатъ краснаго сукна, обложенный позументомъ, съ шапкой и опояской, за поѣздки къ султану Сиванкулу Ханхожину и доставленіе о немъ свѣдѣній. Вообще Ауча Ишіевъ—писалъ Портнягинъ—«многія порученія исполнялъ съ особеннымъ усердіемъ и приверженностію къ нашему правительству, за что въ отомщеніе нынѣ получилъ раззореніе».

Генералъ-Губернаторъ счелъ возможнымъ дать Ишіеву въ награду 1 тысячу руб. ассигнаціями.

Географическаго Общества

вѣроятно, дѣлается самовольно китайскими пограничными чиновниками, почему надо бы донести на нихъ Чугучакскому амбаню. Генералъ-Губернаторъ разрѣшилъ Ладыженскому войти въ письменныя сношенія съ амбанемъ и, кромѣ того, велѣлъ усилить Кокпектинскій отрядъ 7 урядниками и 50 казаками для расположенія ихъ вблизи китайскихъ пикетовъ. Сотнику Портнягину вмѣстѣ съ тѣмъ дано было предписаніе «стараться сколь возможно кроткими мѣрами не допускать китайцевъ во внутренность округа и только въ случаѣ крайней необходимости дѣйствовать силою оружія".

По прибытіи казаковъ, Портнягинъ расположилъ ихъ по рѣчкѣ Букони въ 1½ вер. отъ китайскаго пикета, р. Кулуджунѣ—въ 2 вер. и на Иртышѣ у «каменнаго столба», въ каждомъ мѣстѣ по 15 человѣкъ. Кромѣ того пикетъ изъ 6 казаковъ былъ выставленъ потомъ на р. Кокпектинкѣ на ур. Джузъ-агачь. «Выставленію пикетовъ китайскіе чиновники—по донесенію Портнягина—весьма препятствовали и съ пикетовъ Буконьскаго и Кулуджунскаго (за нимъ) слѣдовали на пикетъ при р. Иртышѣ, гдѣ изъ нихъ находится старшій галдай. Совокупясь всѣ они спрашивали (Портнягина) о введеніи учрежденія пикетовъ и по какому распоряженію». Затѣмъ старшій галдай заявилъ, что все это произошло по винѣ Начальниковъ Буконьскаго и Кулуджунскаго пикетовъ, самовольно позволившихъ себѣ отлучаться съ своихъ пикетовъ въ русскій округъ, за что они отвѣтятъ, и просилъ снять новые русскіе пикеты, увѣряя, что китайцы ѣздить въ округъ болѣе не станутъ. Получивъ отказъ, галдай обѣщалъ донести о всемъ Чугучакскому амбаню и сѣтовалъ, что «русскіе постепенно присваиваютъ съиздревле имъ (китайцамъ) принадлежащія мѣста». Сами китайцы на своихъ пикетахъ выстроили жилыя строенія и ихъ стража, раньше проводившая на пикетахъ лишь лѣтнее время, а потомъ уходившая въ Чугучакъ, какъ узналъ Портнягинъ, получила предписаніе жить на пикетахъ круглый годъ.

Не смотря на увѣренія галдая, китайцы не прекращали своихъ поѣздокъ въ округъ. Въ концѣ іюня 1840 г. четыре китайца, пріѣхавъ изъ Буконьскаго пикета въ Караулъ-Ясыковскую волость, которая кочевала тогда въ русскихъ предѣлахъ по рѣчкѣ Аганыкатты, въ

Колбинскихъ горахъ, уговаривали киргизъ не вступать въ русское подданство, увѣряя, что лѣтнія кочевья ихъ принадлежатъ не Россіи, а Китаю. При возвращеніи обратно китайцы увели съ собой караулъ-ясыковскаго султана Чингиса Адилева и бія Чанчара для свиданія съ Чугучакскимъ амбанемъ, который, по объясненію китайцевъ, долженъ былъ пріѣхать для размежеванія съ русскими пограничныхъ земель. Вѣроятно, по наущенію китайцевъ, въ тоже время султанъ Даніяръ Ханхожинъ распускалъ среди киргизъ слухи, что Колбинскія горы и мѣста по рѣчкамъ: Кабаргѣ, Базаркѣ, Кулуджуну, Букони и Чигилеку отойдутъ къ китайцамъ вмѣстѣ съ кочующими тамъ киргизами. Портнягинъ лично отправился въ подвѣдомственную Аягузскому Приказу Кончи-Муруновскую волость, съ которой Даніяръ кочевалъ въ низовьяхъ Кокпектинки, и узналъ отъ киргизъ, что Даніяръ даетъ у себя пристанище китайцамъ съ пикетовъ. Когда Портнягинъ потребовалъ отъ Даніяра объясненій, онъ заявилъ, что не считаетъ себя русскимъ подданнымъ и въ такое подданство вступать не желаетъ впредь до раздѣла земель между русскими и китайцами, которые лично ему сказали, что такой раздѣлъ непремѣнно будетъ. Чтобы покончить съ вопросомъ о Караулъ-Ясыковской волости, Портнягинъ предложилъ ей, согласно предписанію Пограничнаго Начальника, принять русское подданство, но волость заявила, что не можетъ этого сдѣлать изъ боязни китайцевъ. Лишь послѣ настояній Портнягина караулъ-ясыковцы обѣщали устроить народное совѣщаніе и дать отвѣтъ черезъ 30 дней.

Терпѣніе сибирской администраціи на этотъ разъ, повидимому, кончилось: вмѣсто «кроткихъ мѣръ» Генералъ-Губернаторъ приказалъ Портнягину захватить Даніяра Ханхожина, «а равно, если представится возможность, схватить и китайцевъ, разъѣзжающихъ по волостямъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Генералъ-Губернаторъ приказалъ отправить въ Кокпекты на усиленіе отряда 50 казаковъ съ лѣваго фланга линіи, 50 человѣкъ пѣхоты изъ 9-го баталіона и 2 конно-артиллерійскія орудія изъ Ямышева(*).

(*) Интересно, что предлагая принять противъ китайцевъ энергичныя мѣры, Генералъ-Губернаторъ черезъ нѣсколько времени послалъ Портнягину для подарковъ китайскимъ чиновникамъ серебряную вызолоченую чарку, 5 арш. свѣтло-синяго сукна и 1 красную кожу.

Энергичныя мѣры оказались, дѣйствительно гораздо понятнѣе для китайцевъ, чѣмъ тѣ церемоніи, которыя такъ усиленно рекомендовались Портнягину раньше. Вернувшійся изъ Чугучака султанъ Чингисъ Адилевъ, узнавъ, что русскіе выставили свои пикеты противъ китайскихъ, заключилъ изъ этого, что Колбинскія горы принадлежатъ Россіи, почему, «дабы не лишиться родовыхъ своихъ мѣстъ» вмѣстѣ съ старшиной Тунготаромъ Абралинымъ поспѣшилъ принять присягу на русское подданство. Такъ какъ часть караулъ-ясыковцевъ все еще колебалась и даже откочевала поближе къ Буконьскому китайскому пикету, то Портнягинъ командировалъ къ озеру Зайсану 25 казаковъ, чтобы «совершенно обрѣзать пути киргизамъ», а самъ, тоже съ 25 казаками, отправился на стоянку караулъ-ясыковцевъ. Послѣднимъ Портнягинъ объявилъ, что «если изъ волости будутъ переѣзжать къ китайцамъ и просить ихъ содѣйствія, то (онъ вынужденъ будетъ) покорить силою оружія, такъ какъ волость стоитъ въ границахъ нашихъ». Узнавъ, что султанъ Даніаръ Ханхожинъ вмѣстѣ съ частью кончи-муруновцевъ, пожелавшихъ перейти въ китайское подданство, находятся при впаденіи Иртыша въ озеро Зайсанъ, Портнягинъ отправился къ озеру, около котораго соединился съ раньше отправленными туда казаками. Тутъ къ нему прибыли 4 китайца съ извѣстіемъ, что изъ Чугучака ѣдутъ 2 чиновника, командированные для личныхъ переговоровъ съ Портнягинымъ. Дѣйствительно, черезъ день чиновники эти прибыли къ Портнягину съ просьбой снять русскіе пикеты. Чиновники увѣряли, что китайцы въ округъ ѣздить не будутъ, что киргизы сами постоянно ѣздятъ съ жалобами на русскихъ въ Чугучакъ, а потомъ распускаютъ про китайцевъ нелѣпые слухи, китайцы же вступаться за нихъ не обѣщали и вообще «изъ за киргизъ ни въ какомъ разѣ не согласятся нарушать спокойствіе». Просьбу китайцевъ Портнягинъ, конечно, исполнить не могъ и тогда же командировалъ казаковъ схватить султана Даніяра Ханхожина съ кончи-муруновцами, что имъ и удалось сдѣлать. Портнягинъ отправилъ Даніара съ кончи-муруновскимъ старшиной Булатеемъ въ Кокпекты подъ охраной 25 казаковъ, а самъ возвратился на Буконь, гдѣ остановился около китайскаго пикета. На новое приглашеніе о подданствѣ, караулъ-ясыковцы

отвѣчали тѣмъ, что стали толпами переправляться черезъ Буконь на китайскую сторону. Тогда Портнягинъ, разставивъ казаковъ по рѣчкѣ, велѣлъ имъ схватывать киргизъ и послалъ на китайскій пикетъ объявить чиновникамъ, что киргизы сдѣлали возмущеніе и ежели желаютъ сохранить спокойствіе, чтобы не принимали ихъ, а перешедшихъ рѣчку выдали. Китайцы исполнили требованіе Портнягина и стали прогонять киргизъ. Тогда «киргизы, видя, что нѣтъ никакой надежды на китайцевъ, просили послать изъ нихъ въ аулы вызвать лучшихъ людей, и вскорѣ собравшись въ большомъ количествѣ, совершенно покорились и того-же числа (3 августа 1840 г.) вступили въ подданство россійское около 800 юртъ, съ раскаяніемъ, что они напрасно надѣялись на китайцевъ, но впрочемъ опасаясь отъ нихъ смертнаго наказанія». Вскорѣ явились съ повинной и отложившіяся было 150 юртъ кончи-муруновцевъ, а затѣмъ принялъ присягу на русское подданство и султанъ Даніяръ Ханхожинъ. Какъ донесъ Портнягинъ Генералъ-губернатору, «по взятіи брата Сиванкула султана Даніяра Ханхожина, у киргизъ надежда на китайцевъ исчезла, злые замыслы и всякія худыя покушенія совершенно прекратились, и теперь вмѣсто того возстановились въ здѣшнемъ краѣ тишина и спокойствіе».

Послѣ этого отправленныя въ Кокпекты конно-артиллерійскія орудія велѣно было задержать въ Семипалатинскѣ, а 50 казаковъ въ сентябрѣ 1840 г. были возвращены на линію.

Въ 1841 г. по прибытіи китайцевъ на пикеты. противъ нихъ опять были выставлены пикеты изъ казаковъ, но въ виду усиленной просьбы Чугучакскаго амбаня о снятіи русскихъ пикетовъ, Генералъ-Губернаторъ согласился на это, съ тѣмъ, чтобы ихъ снятіе было произведено «подъ благовиднымъ предлогомъ».

III.

Со времени водворенія русскихъ на ур. Кокпекты, Колбинскій раіонъ получилъ названіе Кокпектинскаго округа и состоялъ подъ управленіемъ Отрядныхъ Начальниковъ, которые первоначально не имѣли, однако, права вмѣшиваться въ разборъ разнаго рода претензій киргизъ къ киргизамъ. Съ упраздненіемъ Омской области и открытіемъ Пограничнаго Управленія, согласно журналу послѣдняго, состоявшемуся 1/3 ноября 1839 г., Отряднымъ Начальникамъ было представлено «дѣйствовать по управленію кокпектинскими киргизами наравнѣ съ Внѣшними Окружными Приказами». «По случаю умножившихся дѣйствій, отъ присоединенія киргизъ», такой порядокъ управленія ими былъ признанъ неудобнымъ и въ 1842 г., вслѣдствіе представленія Пограничнаго Начальника полковника Вишневскаго, Генералъ-Губернаторъ возложилъ «завѣдываніе кокпектинскими киргизами и производство между ними дѣлъ слѣдственныхъ и уголовныхъ» на Аягузскій Приказъ, съ тѣмъ, чтобы «Приказъ тотъ имѣлъ надъ ними наблюденіе, какъ по хозяйственнымъ, такъ и административнымъ распоряженіямъ». Но и этотъ новый порядокъ вскорѣ также былъ признанъ неудобнымъ, почему въ октябрѣ 1843 г. полковникъ Вишневскій возбудилъ вопросъ о формальномъ открытіи округа съ учрежденіемъ въ Кокпектахъ Приказа.

Къ 1843 г. въ Кокпектинскомъ краѣ числилось 12 волостей, «управлявшихся родоначальниками», 9894 кибитки и 56436 д. об. п. Хотя число волостей—писалъ Вишневскій Генералъ-Губернатору—«не представляетъ права, на основаніи 181 ст. 2 т. Св. зак. изд. 1842 г., на открытіе округа, но принимая въ основаніе 336 ст. того же тома и 3 п. прил. къ 4 ст. о Сибирскомъ учрежденіи и въ соображеніе обширность Аягузскаго округа какъ по пространству онаго, такъ и по числу состоящихъ въ немъ 19 волостей», онъ полагалъ бы возможнымъ открыть Кокпектинскій округъ и учредить въ немъ Приказъ, съ присоединеніемъ къ новому округу изъ Аягузскаго, для составленія поло-

женнаго закономъ числа волостей, четырехъ Муруновскихъ (Назаръ, Кыдыръ, Куттумбеть и Кендже), киргизы которыхъ кочевали вблизи Кокпектовъ(*). При этомъ Вишневскій рекомендовалъ «кокпектинскимъ киргизамъ, такъ какъ они давно уже состоятъ въ подданствѣ Россіи, дарованной 277 ст. 2 т. Св. зак. изд. 1842 г. льготы отъ платежа ясака не давать, а сборъ съ нихъ такового, въ облегченіе ихъ на первый разъ, допустить примѣняясь къ 942 ст. 5 т. Св. Зак. Уст. о подат. изд. 1842 г.».

Генералъ-Губернаторъ одобрилъ представленіе Вишневскаго и въ томъ же году возбудилъ ходатайство о формальномъ открытіи Кокпектинскаго округа. Въ Петербургѣ вѣчный вопросъ, какъ посмотрятъ на такое открытіе китайцы, на этотъ разъ никого не смутилъ, и уже 6 апрѣля 1844 г. было Высочайше утверждено слѣдующее Мнѣніе Государственнаго Совѣта: «Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ законовъ и общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ объ учрежденіи Кокпектинскаго Окружнаго Приказа мнѣніемъ положилъ оное утвердить и вслѣдствіе того: 1) Изъ кокпектинскихъ киргизовъ, раздѣляющихся на 12 волостей, образовать отдѣльный округъ, подъ названіемъ Кокпектинскаго, съ присоединеніемъ къ нему четырехъ волостей Аягузскаго округа, именно: Мурунъ-Назаровской, Мурунъ-Куттумбетевской, Мурунъ-Кыдыровской и Мурунъ-Кенджигинской. 2) Для управленія симъ новымъ округомъ учредить Кокпектинскій Окружный Приказъ по особому прилагаемому у сего штату. 3) Упомянутый Приказъ и служащихъ въ ономъ чиновниковъ, помѣстить впредь до устройства казенныхъ зданій въ частныхъ домахъ Кокпектинскаго селенія. 4) Входящимъ въ составъ вновь учреждаемаго округа 12 волостямъ кокпектинскихъ киргизовъ даровать по силѣ 933 ст. Уст. о податяхъ (Сводъ законовъ т. V изд. 1842 г.), пятилѣтнюю льготу отъ установленнаго съ сибирскихъ инородцевъ ясака. По истеченіи же сего срока предоставить мѣстному Губернскому Начальству сдѣлать распоряженіе о сборѣ съ сихъ воло-

(*) Въ Аягузскомъ округѣ къ 1843 г. числилось 15528 кибитокъ и 62124 д. об. п., въ 4 Муруновскихъ волостяхъ, которыя должны были перейти въ Кокпектинскій округъ—3910 кибитокъ и 14391 д. об. п.

стей ясака на точномъ основаніи 942 ст. того-же Уст. о податяхъ, примѣнивъ нынѣ же дѣйствіе сей статьи къ присоединяемымъ къ Кокпектинскому округу четыремъ волостямъ округа Аягузскаго. 5) Въ порядкѣ управленія Кокпектинскимъ округомъ руководствоваться общими для округовъ Сибирскихъ киргизовъ постановленными правилами».

Высочайше утвержденный штатъ Приказа былъ слѣдующій:

	Число людей	Имъ жалованья въ годъ серебромъ.				Классы и разряды		
		Одному		Всѣмъ		Должностей	Мундировъ	Пенсій
		Р	К.	Р.	К.			
Старшій султанъ	1	—	—	343	10	VII	VII	—
Засѣдателей россійскихъ	2	285	92	571	84	IX	IX	VII
ихъ столовыхъ	—	142	96	285	92	—	—	—
Засѣдателей отъ киргизовъ	2	57	18	114	36	IX	IX	—
Секретарь	1	—	—	257	29	X	X	IX
ему столовыхъ	—	—	—	85	76	—	—	—
Переводчиковъ, они же и столоначальники	2	228	68	457	36	XII	Поверя Мин. Внутр. Дѣлъ	IX
столовыхъ	—	57	18	114	36	—		—
Толмачей	3	85	76	257	28	XIV		IX
Лекарь	1	—	—	285	92	IX	IX	—
ему столовыхъ	—	—	—	142	96	—	—	—
На содержаніе Канцеляріи при Окружномъ Приказѣ	—	—	—	457	9	—	—	—
Султановъ, управляющихъ волостями	16	42	88	686	8	—	—	—
При нихъ письмоводителей и толмачей	32	85	76	2744	32	XIV	—	—
На канцелярскіе расходы султанамъ	—	—	—	457	9	—	—	—
На ежегодные праздники	—	—	—	114	24	—	—	—
На ремонтъ зданій и на разныя заведенія	—	—	—	571	32	—	—	—
ИТОГО	60	—	—	7946	29	—	—	—

Указъ Сената относительно открытія Кокпектинскаго округа былъ полученъ Генералъ-Губернаторомъ въ маѣ 1844 г. Препровождая Пограничному Начальнику копію этого указа, Генералъ-Губернаторъ предложилъ ему «Кокпектинскій Окружный Приказъ открыть, по сформированіи чиновниковъ по штату, въ селеніи Кокпектахъ, установленнымъ порядкомъ и согласно бывшимъ уже примѣрамъ, съ приличнымъ

торжествомъ». Штатъ Приказа Генералъ-Губернаторъ тогда же нашелъ недостаточнымъ, почему вошелъ въ сношеніе съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ о назначеніи 3-го россійскаго засѣдателя и журналиста и объ ассигнованіи, на основаніи Высочайше утвержденнаго 22 іюля 1822 г. Штата для управленія киргизъ Средней орды, 8571 р. 42¼ к. на постройку для Приказа казенныхъ зданій.

Это предложеніе Генералъ-Губернатора Пограничный Начальникъ получилъ въ Кокпектахъ. «Какъ уже собраны были тамъ кокпектинскіе волостные управители со старшинами и почетными киргизами, а равно и четыре волости Муруновскія» то объявивъ имъ лично о «Высочайшемъ утвержденіи Кокпектинскаго округа» и дарованныхъ льготахъ, Вишневскій «сдѣлалъ при этомъ приличное торжество» и разрѣшилъ произвести выборъ Старшаго султана и двухъ засѣдателей отъ киргизъ. «Въ общемъ собраніи народа, входящаго въ составъ Кокпектинскаго округа, (были) избраны съ общаго согласія единодушно»: Старшимъ султаномъ (на трехлѣтіе съ 15 іюня 1844 г. по 15 іюня 1847 г.)— управитель Кендже-Муруновской волости штабсъ-капитанъ Кінсыкъ Тезековъ(*) и засѣдателями—управитель Сарджумартовской волости губернскій секретарь Тлеуберды Козубаевъ и старшина Джаракъ Бокинасаровъ.

Выборъ Старшаго султана былъ утвержденъ Генералъ-Губернаторомъ, по распоряженію котораго на должность россійскихъ засѣдателей вновь открываемаго Приказа были опредѣлены: засѣдатель Каркаралинскаго Приказа Сухомлиновъ и секретарь Аягузскаго—Дужанъ. Послѣ этого для открытія Приказа былъ командированъ въ Кокпекты совѣтникъ Пограничнаго Управленія Булыгинъ. Вишневскій распорядился, чтобы Булыгинъ устроилъ по этому поводу «праздникъ народу, совершенно согласный ихъ обычаю, угощая пищею и такими забавами, которыя у киргизъ употребительны при радостныхъ случаяхъ, дозволивъ и скачку на лошадяхъ съ назначеніемъ призовъ на счетъ казны, т. е. на счетъ суммы, отпускаемой на угощеніе киргизъ». Одновременно съ этимъ Вишневскій предложилъ Пограничному Управленію «поставить

(*) Кандидатомъ на должность Старшаго султана былъ избранъ султанъ Ибрагимъ Кычевъ.

въ первую обязанность Кокпектинскаго Приказа сдѣлать выборъ волостныхъ управителей, устроивъ и самыя волости, произведя народу и скоту исчисленіе, которое возложить на засѣдателя Сухомлинова совмѣстно съ старшимъ султаномъ. Раздать волостнымъ управителямъ и старшему султану наставленіе о ихъ обязанностяхъ(*), а также и циркулярное предписаніе(**) о дачѣ подводъ, объяснивъ при томъ имъ, какъ они должны поступать въ исполненіе обязанностей своихъ, снабдивъ ихъ для дѣлопроизводства входящими и исходящими журналами, которые должны вести находящіеся при нихъ толмачи и султанскіе письмоводители». Кромѣ того Пограничное Управленіе должно было «предписать Командующему отрядомъ сотнику Степанову, дабы онъ къ прибытію совѣтника Булыгина въ Кокпекты, а также и членовъ Кокпектинскаго Приказа, собралъ въ Кокпектинское селеніе черезъ казаковъ и толмачей, состоявшихъ при Муруновскихъ волостяхъ, султановъ, волостныхъ управителей и почетныхъ киргизъ».

Какъ видно изъ составленнаго Булыгинымъ «церемоніала торжественнаго открытія Кокпектинскаго Внѣшняго Окружнаго Приказа», открытіе это состоялось 6 августа 1844 г при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

«Наканунѣ 6 августа было объявлено народу, чтобъ 6 числа въ 9 часовъ утра прибыли къ квартирѣ г. совѣтника Пограничнаго Управленія кол. ас. Булыгина, командированнаго для открытія Кокпектинскаго Окружнаго Приказа.

«Отсюда совѣтникъ и россійскіе засѣдатели въ мундирахъ отправились съ Старшимъ султаномъ, двумя засѣдателями отъ киргизъ и кандидатами по нимъ къ дому, назначенному подъ помѣщеніе Приказа.

«Противъ зданія сего на приготовленномъ и очищенномъ нарочито мѣстѣ предварительно посланы были ковры для султановъ и почетныхъ въ обществѣ лицъ

«На этомъ же мѣстѣ расположенъ былъ до прибытія народа парадъ.

(*) См. прил. 3.

(**) См. прил. 4.

«Послѣ того прочитанъ былъ во всеуслышаніе киргизамъ на ихъ діалектѣ Высочайшій указъ объ открытіи Кокпектинскаго Окружнаго Приказа.

«По прочтеніи сего совершено сообразно магометанскаго закона моленіе (а трубачамъ велѣно проиграть на молитву). Потомъ приступлено было указнымъ муллою къ приведенію къ присягѣ на вѣрноподданство Старшаго султана, двухъ засѣдателей, кандидатовъ и весь собранный народъ въ присутствіи совѣтника и чиновниковъ.

«Далѣе Старшаго султана, засѣдателей россійскихъ Сухомлинова и Дужана, секретаря Бардакова и столоначальниковъ—Яховича и Арефьева и двухъ засѣдателей отъ киргизъ ввели въ домъ Окружнаго Приказа и въ ту минуту открыто было зерцало съ показаніемъ каждому изъ присутствующихъ своего мѣста, а Старшему султану при этомъ переданы объ обязанностяхъ его наставленія.

«Составленъ такимъ образомъ актъ (журналъ) торжественному открытію и утвержденъ подписомъ совѣтника и прочихъ членовъ Приказа.

«Послѣ этого по выходѣ чиновниковъ изъ присутствія по прежнему на площадь противу дома вычитаны всему собравшемуся народу переведенныя статьи изъ свода законовъ въ отношеніи управленія ими.

«Произнесено на киргизскомъ языкѣ многолѣтіе Государю Императору со всею Высочайшею фамиліею, потомъ Государственному Совѣту, Правительствующему Сенату, россійскому воинству, Генералъ-Губернатору Западной Сибири Князю Петру Дмитріевичу Горчакову, Пограничному Начальнику Николаю Францевичу Вишневскому, Пограничному Управленію, вѣрноподданному Россіи доброму киргизскому народу и вновь избраннымъ для управленія Кокпектинскимъ округомъ Старшему султану и старшинамъ.

«По окончаніи сего парадомъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ и произнесено троекратное ура.

«Наконецъ, парадъ проходилъ церемоніальнымъ маршемъ въ назначенное Начальникомъ отряда мѣсто, а киргизамъ предоставлено отправиться въ выставленные ими паралельно палатки къ приготовленному

для нихъ обѣду, вечеромъ же дозволенъ имъ, согласно обычаю, лошадиный бѣгъ съ назначеніемъ призовъ и по окончаніи всего этого наличные гражданскіе и казачьи чиновники приглашены были совѣтникомъ на обѣдъ, за которымъ предложены были три тоста: за здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, за здравіе князя Петра Дмитріевича Горчакова и за здравіе Николая Францевича Вишневскаго.»

IV.

Какъ сказано выше, въ Кокпектинскомъ округѣ, до открытія Приказа, числилось 12 волостей, именно: Сарджумартъ-Найманская, Конжулы (Кенжалы)-Найманская, Терстамгалы-Найманская, Бура-Найманская, Джуватей-Бура-Найманская, двѣ Бозгозу-Бура-Найманскія, Караулъ-Ясыковская, Тлесъ-Матаевская, Тауке-Байджигитская, Сайбулатъ-Байджигитская и Сиванъ-Киреевская. Всѣ эти волости, за исключеніемъ послѣдней, принадлежали къ племени Найманъ, населявшему и Аягузскій округъ, послѣдняя волость (Сиванъ или правильнѣе Сибангъ) принадлежала къ племени Кирей. Впрочемъ, Байджигитскія волости издавна, кажется, обособились отъ прочихъ найманскихъ родовыхъ группъ и находились съ ними въ постоянныхъ распряхъ. Къ племени Найманъ принадлежали и четыре Муруновскія волости (Назаръ, Куттумбеть, Кыдыръ и Кендже), которыя было рѣшено перечислить въ Кокпектинскій округъ изъ Аягузскаго.

При сформированіи волостей, которое было возложено на засѣдателя Сухомлинова и Старшаго султана, прежде всего оказалось, что числившіяся въ Кокпектинскомъ округѣ волости Кенжалы-Найманская, двѣ Бозгозу-Бура-Найманскія и часть Джуватей-Бура-Найманской еще до открытія Приказа были причислены къ Баянъ-аульскому округу.

Взамѣнъ ихъ, съ согласія Пограничнаго Начальника, были образованы двѣ новыя волости: Кондубай-Бура Найманская (изъ части киргизъ Бура-Найманской) и Конекъ-Найманская (изъ Терстамгалы-Найманской). Объ этомъ просили сами киргизы, ссылаясь на большое число кибитокъ въ волостяхъ и кочевку въ разныхъ мѣстахъ(*). Къ концу 1844 г., по донесенію Кокпектинскаго Приказа, всѣ волости, за исключеніемъ Сайбулатъ-Байджигитской и Сиванъ-Киреевской, были «устроены», т. е. въ каждой были исчислены населеніе и скотъ и утверждены управители и старшины(**).

Сайбулатъ-байджигитцы и нѣсколько родовъ Тауке-Байджигитской волости отъ введенія у нихъ русскаго устройства отказались, чтоже касается Сиванъ-Киреевской волости, то задержка въ ея устройствѣ произошла потому, что большая часть киргизъ этой волости разбрелись послѣ джута 184$^{0}/_{1}$ гг. по разнымъ мѣстамъ казачьей линіи (въ раіонахъ 7-го, 8-го и 9-го полковъ). Приказъ командировалъ за «сборомъ» сиванъ-киреевцевъ толмача Калачева съ нѣсколькими почетными киргизами и, кромѣ того, Пограничное Управленіе просило Войсковую Канцелярію предписать командирамъ полковъ не задерживать на линіи киргизъ, а наоборотъ оказывать Калачову содѣйствіе. За неимѣніемъ данныхъ, нельзя судить, насколько успѣшна была поѣздка Калачова и энергично казачье «содѣйствіе»; въ дѣлахъ, какими я пользовался, есть одно только указаніе на этотъ счетъ: въ августѣ 1845 г.

(*) Кажется, въ составъ Конекъ-Найманской волости вошли тѣ терстамгалы-найманцы, которые кочевали на казачьихъ земляхъ. Сужу такъ по сообщенію Кокпектинскаго приказа, отъ 14 августа 1846 г., Пограничному Управленію, что управитель Конекъ-Найманской волости Койкуй Бекмурзинъ обратился въ Приказъ съ просьбой отвести киргизамъ названной волости, *издавна имѣющей лѣтнія и зимнія кочевки за Иртышомъ*, мѣста для кочевокъ въ предѣлахъ округа, такъ какъ командующій 7-мъ полкомъ сталъ въ 1846 г. вытѣснять киргизъ съ полковыхъ земель. Пограничное Управленіе обязало Приказъ удовлетворить просьбу конекъ-найманцевъ.

(**) Муруновскія волости при перечисленіи ихъ въ Кокпектинскій округъ «исчисленію» не подверглись, потому что оно было произведено въ нихъ въ 1843 г., одновременно съ производствомъ такого исчисленія въ прочихъ волостяхъ Аягузскаго округа. Хотя послѣдній округъ былъ образованъ въ 1831 г., но по его «не устройству» до 1843 г. киргизы и ихъ скотъ не «исчислялись».

Въ 1846 г. изъ состава четырехъ Муруновскихъ волостей, по просьбѣ киргизъ, была выдѣлена Кончи-Муруновская волость.

Командующій 7 полкомъ сообщилъ, что «выгонъ киргизъ надо пріостановить въ виду появленія чумы на ихъ рогатомъ скотѣ. Пограничный Начальникъ предписалъ вслѣдствіе этого Приказу немедленно пріостановить выселеніе сиванъ-киреевцевъ съ линіи впредь до прекращенія чумы.

Вообще сформированіе волостей(*) доставляло мѣстной администраціи очень много хлопотъ, какъ вслѣдствіе громадныхъ размѣровъ новаго округа, такъ и разнаго рода претензій со стороны киргизъ. По просьбѣ послѣднихъ, въ 1846 г. въ Кокпектинскій округъ были перечислены изъ Аягузскаго Акимбеть (Ахимбеть)-Киреевская волость для соединенія ея съ Сиванъ-Киреевской(**) и Бакы-Матаевская для соединенія съ Тлесъ-Матаевской(***). Бакы-матаевцы, «поступившіе на вѣрноподданство» въ 1831 г., кочевали частью по рѣкѣ Чару, частью въ предѣлахъ другихъ волостей. Одинъ изъ бакы-матаевскихъ родовъ, Ильгонды, откочевалъ даже въ 1842 г., подъ предводительствомъ старшины Джалбагая Балапанова, въ Китай къ кызаевцамъ. Оттуда Джалбагай, освободившись отъ контроля Аягузскаго Приказа, сталъ нападать какъ на русскихъ торговцевъ, такъ и на подвластныхъ Россіи киргизъ съ цѣлью баранты. Затѣмъ, не поладивъ, вѣроятно, и съ кызаевцами, Джалбагай съ своими киргизами перешелъ въ 1844 г. въ Семирѣчье и возбудилъ ходатайство о перечисленіи ихъ въ Кокпектинскій округъ и о разрѣшеніи возвратиться на Чаръ. Вслѣдствіе запроса Аягузскаго Приказа, какъ поступить съ Джалбагаемъ, Пограничный Начальникъ сообщилъ «дабы чрезъ заключеніе его подъ стражу не дать повода киргизамъ вѣдѣнія его къ новому отложенію изъ предѣловъ нашихъ», пусть Приказъ «секретнымъ образомъ разузнаетъ о преступленіяхъ Джалбагая, и если что либо обнаружится, то, по мѣрѣ вины, заарестовать его и приступить къ формальному изслѣдованію". Кажется, ничего подобнаго сдѣлано не было, хотя всетаки просьба Балапанова была удовлетворена не сразу. Сначала чарскіе бакы-матаевцы присоединились къ ходатайству своихъ сородичей о перечисленіи

(*) См. пр. 5.
(**) См. пр. 6.
(***) См. пр. 7.

въ Кокпектинскій округъ, но затѣмъ въ 1845 г. отъ этого ходатайства отказались и дали, за подписью султана Даута Мамырханова и др., слѣдующую подписку:

«Охотно остаемся навсегда въ составѣ Лягузскаго округа, но съ «тѣмъ, во 1-хъ, чтобы киргизы Кокпектинскаго округа ни подъ ка«кимъ предлогомъ не осмѣливались потравливать принадлежащихъ намъ «какъ лѣтнихъ, такъ и зимнихъ мѣстъ, истреблять заготовленное на«ми на зиму сѣно и сжигать дрова. Во 2-хъ, чтобы какъ чиновники «такъ и казаки Кокпектинскаго округа, при разъѣздахъ по своимъ «волостямъ посѣщая наши на пути лежащіе аулы, отнюдь не требо«вали отъ насъ ни подводъ, ни для пищи барановъ, ибо Матаевская «волость, потерпѣвшая въ зиму 184⁰/₁ г. сильнѣйшій упадокъ, не «можетъ и по сіе время придти въ прежнее положеніе».

Подписка эта была, повидимому, «оставлена безъ послѣдствій», потому что, какъ я сказалъ выше, всѣ баки-матаевцы въ 1846 г. были причислены къ Кокпектинскому округу Изъ одного рапорта Кокпектинскаго Приказа видно, что когда въ томъ же году было приступлено къ исчисленію киргизъ этой волости, на лицо ихъ оказалось не болѣе ¹/₃, прочіе же, по сообщенію Приказа, находились въ разбродѣ, почему Пограничный Начальникъ предписалъ Приказу пользоваться данными исчисленія, произведеннаго въ 1843 г., при устройствѣ волостей Лягузскаго округа.

Удаленіе въ Китай было вообще излюбленнымъ средствомъ, къ которому прибѣгали киргизы, такъ или иначе недовольные русскими порядками. Въ Кокпектинскомъ округѣ послѣ открытія Приказа первая болѣе крупная откочевка киргизъ въ Китай произошла въ 1847 г. Во второй половинѣ марта этого года началось какое то броженіе среди киргизъ Караулъ-Ясыковской волости, въ результатѣ чего 99 кибитокъ, зимовавшихъ вблизи ур. Кошъ-тюбе, переправясь черезъ Иртышъ, удалились со всѣмъ своимъ скотомъ къ китайскимъ киргизамъ. Приказъ узналъ «секретнымъ образомъ», что причина, заставившая караулъ-ясыковцевъ бросить свои зимовки, заключалась, будто бы, въ желаніи спасти скотъ, такъ какъ у нихъ на зимовкахъ было мало

корму и свирѣпствовали бураны. Тѣмъ не менѣе, «чтобы чрезъ отложеніе караулъ-ясыковцевъ не подать повода другимъ киргизамъ, бывшимъ на зимовкахъ не вдалекѣ отъ Иртыша, Приказъ командировалъ засѣдателя отъ киргизъ Тлеуберду Козубаева на то, дабы онъ, безъ всякаго стѣсненія для киргизъ, приказалъ тѣмъ, которые находятся отдѣльно отъ волости вблизи Иртыша, присоединиться къ оной, для совмѣстной кочевки, ибо по слухамъ извѣстно было, что и Сарджумартовской волости киргизы, кочующіе около Иртыша, также намѣреваются къ отложенію, а между тѣмъ озаботился бы принять благоразумныя мѣры къ возвращенію караулъ-ясыковцевъ».

«Изъ послѣдствій порученія, сдѣланнаго Козубаеву, открылось», что караулъ-ясыковцевъ удерживалъ, будто-бы, отъ возвращенія въ русскіе предѣлы начальникъ китайскаго пикета на ур. Кошъ-тюбѣ; что же касается сарджумартовцевъ, «которые сомнительны въ вѣрности», то Козубаевъ отправилъ ихъ къ волости, кочевавшей вблизи пикета Урунхайскаго, оставивъ на прежнихъ мѣстахъ однихъ, имѣвшихъ тамъ пашни. Но въ первой половинѣ мая и эти сарджумартовцы, въ числѣ 67 кибитокъ, также удалились за Иртышъ.

Не могъ ничего подѣлать для возвращенія киргизъ и Старшій султанъ. Весной киргизы «удалились на такое разстояніе отъ Иртыша, что Приказъ лишился совершенно средствъ имѣть съ ними сношеніе».

Такъ какъ въ маѣ на Кошъ-тюбе долженъ быть пріѣхать китайскій чиновникъ для обычнаго осмотра пикета, то Приказъ командировалъ туда засѣдателя Дужана, чтобы онъ «приличнымъ образомъ передавъ китайцамъ свѣдѣнія объ отложеніи киргизъ и долговременномъ ихъ состояніи въ нашемъ подданствѣ, просилъ непосредственнаго ихъ распоряженія о передачѣ ему ушедшихъ киргизъ».

Дужанъ встрѣтился на ур. Кошъ-тюбе съ двумя китайскими чиновниками, пріѣхавшими—одинъ изъ Чугучака, для осмотра пикетовъ на лѣвой сторонѣ Иртыша, и другой—изъ Кобдо, для осмотра пикетовъ на правой сторонѣ той же рѣки. Первый чиновникъ отозвался, что киргизы перешли черезъ Иртышъ въ такомъ мѣстѣ, которое находится въ завѣдываніи Кобдинскаго амбаня, второй же—что онъ сдѣ-

лалъ уже соотвѣтствующее донесеніе въ Кобдо, отвѣтъ откуда Приказъ получитъ дней черезъ сорокъ при посредствѣ начальника Башъ-Караульскаго пикета противъ Бухтармы.

На этомъ имѣвшаяся въ моемъ распоряженіи переписка обрывается до декабря 1847 г. Отъ китайцевъ никакого отвѣта получено не было, а между тѣмъ изъ Сарджумартовской волости ушло за Иртышъ еще 30 кибитокъ киргизъ, родственниковъ прежде ушедшимъ. Приказъ посылалъ къ удалившимся почетныхъ киргизъ, но и ихъ посредничество не привело ни къ чему, такъ какъ удалившіеся отвѣтили, что возвратятся къ своимъ волостямъ «когда ихъ къ тому понудятъ силою оружія, добровольно же никогда не намѣрены возвратиться».

Отъ посланныхъ Приказъ узналъ, что къ концу года караулъ-ясыковцы остановились при р. Кольджиръ, а сарджумартовцы при р. Курчумъ. Сообщая объ этомъ Пограничному Начальнику, Приказъ высказалъ мнѣніе, что теперь было бы всего удобнѣе захватить киргизъ, такъ какъ вслѣдствіе глубокаго снѣга они ни куда не могутъ тронуться, раннею же весной откочуютъ въ Алтайскія горы. Для ихъ захвата достаточно было бы отряда изъ 50 казаковъ съ офицеромъ и при одномъ орудіи. Съ отрядомъ, по мнѣнію Приказа, надо было бы послать Старшаго султана, «чтобы не допущено было при возвращеніи киргизъ какихъ либо непозволительныхъ для послѣднихъ обидъ, а главное, Старшій султанъ, прежде принятія рѣшительныхъ мѣръ къ возвращенію киргизъ, обязанъ благоразумно уговорить ихъ къ добровольному слѣдованію къ своимъ мѣстамъ».

Пограничный Начальникъ вопросъ о посылкѣ такого отряда передалъ на разрѣшеніе Генералъ-Губернатора, но послѣдній на это не согласился, поручивъ Пограничному Начальнику «заботиться благовременно, чтобы киргизы не были допускаемы и не имѣли повода къ откочевкѣ».

Въ 1848 г. откочевка киргизъ въ Китай продолжалась. Такъ, изъ Сарджумартовской волости въ февралѣ и мартѣ ушло за Иртышъ 25 кибитокъ, въ маѣ—9, а наконецъ возникъ упорный слухъ, что удалиться намѣрена вся Сарджумартовская волость. Тогда Приказъ коман-

дировалъ въ эту волость урядника Карпова съ 9 казаками, причемъ предложилъ какъ ему, такъ и волостному управителю «дѣйствовать на нихъ (киргизъ) не оружіемъ, а благоразумными мѣрами, не дозволяя имъ кочевать въ разсыпную, а содержать кочевки, сколь возможно по мѣстности, вмѣстѣ и отнюдь не дозволять кочевку по направленію прямо къ китайской границѣ, отдѣляющейся Иртышомъ; также строго велѣно въ обыкновенныхъ ихъ кочевкахъ не стѣснять, а если киргизы будутъ съ насиліемъ уклоняться въ Китай, то не удерживая ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ съ открытіемъ огня, дѣйствовать мѣрами убѣдительными, посредствомъ усовѣщаній, черезъ довѣренныхъ въ обществѣ киргизъ».

28 мая Приказъ получилъ донесеніе отъ волостного управителя и Карпова, что 60 кибитокъ сарджумартовцевъ, «вооружась огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, насильно начали дѣлать отложеніе изъ своей волости къ китайской границѣ въ виду казачьей команды, которая, желая остановить ихъ, предварительно послала почетныхъ киргизъ для переговоровъ и увѣщаній, но они сдѣлали напускъ на казачью команду съ крикомъ и открыли огонь изъ ружей, однако же никто не убитъ и не раненъ, и наконецъ рѣшительно объявили, что они живые въ руки не дадутся русскимъ и обратно возвратятся въ то время, когда будутъ къ тому понуждены военной вооруженной силой».

Смѣнившій Вишневскаго, Пограничный Начальникъ полковникъ Клейстъ въ іюлѣ 1848 г. лично посѣтилъ Кокпекты, гдѣ, судя по донесенію его Генералъ-Губернатору, «первою обязанностію» его было «удостовѣриться о причинѣ, побудившей киргизъ Сарджумартъ-Найманской волости къ оставленію принятаго ими учрежденія о сибирскихъ киргизахъ». Отъ управителей и почетныхъ киргизъ Клейстъ узналъ, что отложеніе сарджумартовцевъ было вызвано ихъ родовыми связями съ китайскими киргизами, а также наклонностью ихъ къ хищничеству, которое здѣсь преслѣдуется по закону».

Какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, сарджумартовцы въ томъ же іюлѣ «кочевками соединились и какъ всѣ старшины, біи и почет-

ные киргизы объявили засѣдателю Дужану, что нѣтъ сомнѣнія въ переходѣ киргизъ въ китайскіе предѣлы, то засѣдатель Дужанъ находившемуся тамъ уряднику Карпову съ казаками приказалъ отправиться въ Кокпекты». Сообщая объ этомъ Клейсту, Приказъ просилъ разъяснить, «какъ поступить съ тѣми киргизами, которые самовольно отлучались или содѣйствовали киргизамъ въ этомъ случаѣ и открывали по казакамъ огонь изъ ружей». Клейстъ, въ свою очередь, запросилъ объ этомъ Генералъ-Губернатора, причемъ высказалъ мнѣніе, что хотя объ упомянутыхъ киргизахъ «и слѣдовало бы произвесть изслѣдованіе для наложенія мѣры взысканія, но какъ при этомъ не было причинено никакого вреда командѣ казаковъ и киргизы эти соединились и нѣтъ уже сомнѣнія о переходѣ ихъ въ китайскіе предѣлы», то онъ полагалъ бы «на этотъ разъ не дѣлая съ нихъ никакого законнаго взысканія, внушить имъ черезъ Старшаго султана, какъ подданнымъ, быть въ должномъ повиновеніи и впредь во всемъ повиноваться поставленному надъ ними начальству».

Генералъ-Губернаторъ согласился «обстоятельство о неповиновеніи киргизъ оставить безъ дальнѣйшаго преслѣдованія по совершенному неимѣнію чиновника, могущаго произвести о семъ слѣдствіе». Для удержанія киргизъ отъ дальнѣйшихъ откочевокъ въ Китай Генералъ-Губернаторъ разрѣшилъ Кокпектинскому Приказу «посылать изъ отряда команды, но болѣе сильныя, смотря по числу отлагающихся, отъ 25 до 50 и болѣе казаковъ. Во всякомъ случаѣ командамъ симъ отнюдь не преступать за нашу границу и удалившихся въ китайскіе предѣлы киргизъ оставить безъ преслѣдованія».

Въ августѣ 1849 г. Старшій султанъ штабсъ-капитанъ Кійсыкъ Тезековъ(*) сообщилъ Приказу, что киргизы «при переходѣ черезъ Иртышъ имѣютъ постоянный и главный пунктъ переправы своей при ур. Конъ-тюбе у Иртыша, гдѣ занимаютъ посты свои и китайскіе караулы.“ Поэтому Тезековъ, а за нимъ Приказъ и Пограничный Начальникъ возбудили вопросъ объ устройствѣ тамъ временнаго казачьяго поста, но Генералъ-Губернаторъ эту мѣру призналъ неудобной и пред-

(*) Утвержденъ въ должности Старшаго султана на «новое трехлѣтіе» въ сентябрѣ 1847 г.

ложилъ Пограничному Начальнику «къ удержанію киргизъ Кокпектинскаго округа отъ откочевки изъ нашихъ предѣловъ ограничиться повелѣніемъ Приказу имѣть за ними неослабное наблюденіе и стараться предупреждать ихъ покушенія».

Попытки Приказа возвратить сарджумартовцевъ продолжались и дальше. Такъ, въ ноябрѣ 1849 г. Приказъ послалъ къ нимъ для переговоровъ засѣдателя Козубаева, который убѣдилъ отложившихся прислать нѣсколько человѣкъ для совѣщанія съ своими родичами, оставшимися въ русскихъ предѣлахъ. Дѣйствительно, въ декабрѣ того же года прибыли въ волость 4 депутата и былъ устроенъ общій съѣздъ, послѣ чего отложившіеся дали клятву, что вернутся изъ Китая, но подъ непремѣннымъ условіемъ, «если онъ, Козубаевъ, будетъ къ нимъ съ почетными біями и подъ присягою дадутъ клятву, что отъ Правительства имъ никакого не будетъ притѣсненія и контрибуціи по возвращеніи изъ отложенія къ своей волости». При этомъ киргизы просили Козубаева пріѣхать за ихъ возвращеніемъ до января 1850 г., чтобы они могли перейти Иртышъ по льду.

Кажется, изъ этихъ переговоровъ ничего не вышло, потому что, какъ видно изъ переписки, удалившіеся въ Китай сарджумартовцы (всѣ рода Утемисъ) въ 1851 г. обратились къ Пограничному Начальнику съ просьбой о прощеніи и разрѣшеніи имъ, въ числѣ 210 кибитокъ, возвратиться въ русскіе предѣлы. Такъ какъ управитель Сарджумартовской волости заявилъ, что земли бѣглецовъ не заняты, то Генералъ-Губернаторъ къ удовлетворенію просьбы киргизъ не нашелъ препятствій. Къ 1853 г. возвратилось всего 137 кибитокъ.

Въ сентябрѣ 1849 г. сдѣлали попытку удалиться въ Китай около 200 кибитокъ изъ Кончи-Муруновской волости. За возвращеніемъ ихъ отправился Старшій султанъ Тезековъ «подъ прикрытіемъ 30 человѣкъ казаковъ». Какъ видно изъ донесенія Тезекова, лишь только бѣглецы узнали отъ него, что по распоряженію Пограничнаго Начальника «будетъ производиться раздѣлъ земли», добровольно возвратились обратно и были помѣщены Тезековымъ по р. Тебыскѣ. По объясненію Приказа, причиной удаленія этихъ киргизъ было «стѣснительное по-

мѣщеніе въ зимовкахъ», почему Приказъ, въ виду послѣдовавшаго передъ этимъ распоряженія Пограничнаго Начальника о производствѣ раздѣла земли между волостями, поручилъ Старшему султану «въ особенности обратить вниманіе о надѣленіи зимовками кончинцевъ».

V.

Наибольшія затрудненія при сформированіи волостей были встрѣчены приказомъ въ Сайбулатъ и Тауке-Байджигитскихъ волостяхъ. Хотя обѣ онѣ числились въ составѣ Кокпектинскаго округа съ 1841 г., тѣмъ не менѣе, когда, по открытіи Приказа, засѣдатель Сухомлиновъ приступилъ въ концѣ 1844 г. къ ихъ «исчисленію», то встрѣтилъ со стороны байджигитцевъ упорное сопротивленіе. Явясь въ Сайбулатъ-Байджигитскую волость вмѣстѣ съ Старшимъ султаномъ, Сухомлиновъ послалъ 2 казаковъ къ бію Кощегулу Бекенееву, «отъ коего бъ ближѣе можно было знать о расположеніи всей волости». Бій этотъ вмѣстѣ съ 50 кибитками формально принялъ русское подданство въ 1841 г., почему Сухомлиновъ надѣялся на его помощь, но вмѣсто нея Кощегулъ составилъ шайку изъ 200 вооруженныхъ киргизъ и объявилъ, что сайбулатцы вступать въ русское подданство не желаютъ Тогда для переговоровъ съ Кощегуломъ Сухомлиновъ послалъ старшину Тауке-Байджигитской волости Бардыбека Байтенева, но послѣдній не только ничего не добился, а былъ даже избитъ плетями. Когда объ этомъ происшествіи было донесено Пограничному Начальнику, онъ разъяснилъ, что не должно принуждать къ вступленію въ округъ тѣхъ байджигитцевъ, которые не подвѣдомственны русскому правительству, но если они кочуютъ на земляхъ округа, то дѣйствовать на нихъ «убѣжденіемъ», объявивъ, что въ случаѣ неприсоединенія къ округу, будутъ удалены изъ его предѣловъ вооруженной рукой. Что касается Кощегула съ его киргизами, то Пограничный Начальникъ велѣлъ непремѣн-

но присоединить его къ округу сначала «мѣрами благоразумія», а если не подѣйствуютъ, то и «мѣрами полицейскими», такъ какъ на основаніи ст. 335 т. II Св. зак. изд. 1842 г. киргизы, вступившіе въ подданство, выйти изъ него не могутъ. На это распоряженіе Приказъ отвѣтилъ, что приняты «мѣры благоразумія».

Не лучше обстояло дѣло въ Тауке-Байджигитской волости. Изъ донесенія Приказа, отъ 15 мая 1846 г., видно, что роды Дау и Расымбеть исчислить не удалось въ виду кочевки ихъ въ Китаѣ. Пограничный Начальникъ опять рекомендовалъ «мѣры благоразумія и мѣры полицейскія», но если онѣ и принимались, то ни къ чему не привели, такъ какъ въ октябрѣ 1847 г. Приказъ подтвердилъ, что названные роды къ волости не присоединились. Затѣмъ, хотя Сухомлиновъ представилъ Приказу данныя объ исчисленіи Тауке-Байджигитской волости, но изъ рапорта Приказа на имя Пограничнаго Управленія, отъ 24 мая 1849 г., видно, «что когда Сухомлиновъ долженъ былъ устроить эту волость, то оная вмѣсто исполненія законныхъ его требованій, въ особенности о дачѣ исчисленія, вся почти противу этого взбунтовалась, такъ что засѣдатель Сухомлиновъ едва успѣлъ отъ болѣе покорныхъ таукинцевъ собрать хотя приблизительныя свѣдѣнія о числѣ таукинцевъ, которыхъ имъ и показано 695 юртъ, но точно ли это такъ, вѣрить невозможно». Тѣмъ не менѣе, волость была признана въ 1844 г. «устроенной» и управителемъ ея утвержденъ Чапибай Ултараковъ.

Въ сентябрѣ 1845 г. Ултараковъ прислалъ въ Приказъ «татарскаго сына» Ахмета Ишмуратова, съ извѣщеніемъ, что «8 сентября китайцы въ 10 человѣкахъ прибывъ въ его волость для сбора ясака настоятельно требуютъ таковой». Въ виду этого Ултараковъ просилъ «объ огражденіи отъ платежа ремонта китайцамъ». «Командированные китайцы въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія къ платежу такового дѣлаютъ угонъ лошадей и даже увозятъ самихъ людей». При этомъ Ишмуратовъ разсказалъ, что китайцы вмѣстѣ съ 20 байджигитцами изъ непричисленнаго къ округу рода Саты схватили султанскаго письмоводителя Федорова и увезли его въ ауль къ сатинцу Тансыкъ-хожѣ

«для представленія къ находящемуся въ томъ аулѣ китайскому начальнику».

Невѣроятный фактъ захвата въ плѣнъ русскаго письмоводителя заставилъ Приказъ немедленно отправить въ Тауке-Байджигитскую волость, для разслѣдованія дѣла, засѣдателя Дужана съ отрядомъ изъ 20 казаковъ съ офицеромъ. Ултараковъ и старшины объяснили Дужану, что когда командированный чугучакскимъ амбанемъ китайскій чиновникъ галдай, прибывъ въ Тауке-Байджигитскую волость, сталъ требовать уплаты ремонта, Федоровъ объявилъ ему, что тауке-байджигитцы вступили въ русское подданство, а потому не согласны платить китайцамъ ремонтъ безъ особаго разрѣшенія начальства. Тогда галдай, «взявъ съ собою Федорова, дѣйствительно увезъ его въ Чугучакъ единственно для того только, чтобы удостовѣрить» передъ амбанемъ неплатежъ таукинцами ремонта, иначе же «по обыкновенію китайцевъ» амбань не повѣрилъ бы галдаю.

Черезъ 3 дня по прибытіи Дужана въ Тауке-Байджигитскую волость туда явились посланные амбанемъ галдай съ 4 китайцами, которые «благополучно препроводили письмоводителя Федорова обратно въ волость, съ тѣмъ, чтобы киргизы непремѣнно отдали ремонтъ, въ противномъ же случаѣ Чугучакскій амбань распорядился выслать отрядъ войска и всѣхъ таукинскихъ киргизъ выгонить изъ мѣстъ, занимаемыхъ ими, такъ какъ таковыя принадлежатъ не киргизамъ, а китайцамъ». «Таковое распоряженіе(*), послѣдовавшее отъ амбаня на бумагѣ, для объявленія таукинскимъ киргизамъ, поручено было къ исполненію китайскому чиновнику».

«Принявъ у себя съ приличною вѣжливостью прибывшаго съ Федоровымъ китайскаго чиновника, Дужанъ между тѣмъ удостовѣрился отъ него, что со стороны Федорова не было совершено никакого повода, который бы могъ быть причиною неудовольствія для китайцевъ, но что просто его представили въ Чугучакъ какъ оригинальное доказательство (!) для того, что киргизы отказались дать ремонтъ, а тѣмъ болѣе для китайцевъ было удивительно, что они до этого времени,

(*) См. пр. 8.

пріѣзжая къ таукинцамъ, не видали у нихъ русскаго чиновника и препятствій въ полученіи ремонта».

Таукинцы издавна платили китайцамъ за право пользоваться лѣтовками и зимовками «ремонтъ» въ размѣрѣ 8 лошадей съ волости въ годъ. Получивъ, наконецъ, такой ремонтъ и за 1845 г., галдай съ китайцами при Дужанѣ выѣхали изъ волости. Объявивъ таукинцамъ, что вопросъ о взысканіи съ нихъ китайцами ремонта будетъ рѣшенъ высшимъ начальствомъ, Дужанъ съ казаками вернулись въ Кокпекты.

Такимъ образомъ, въ довершеніе всѣхъ неурядицъ, возникъ вопросъ, на чьей землѣ—китайской или русской—кочуютъ Байджигитскія волости. Не знаю по чьему распоряженію, Дужанъ составилъ по этому вопросу записку, которую Кокпектинскій Приказъ препроводилъ въ декабрѣ 1845 г. Пограничному Начальнику. Записку эту, въ виду ея значительнаго интереса, я помѣщаю цѣликомъ.

. . . . . «Таукинцы зимними мѣстами останавливаются по рѣчкамъ Чоргѣ и Уласты, занимая горы Аманъ-Арганаты и ур. называемыя: *Тогулъ-агачъ*, находящееся по лѣвому берегу озера Норъ-Зайсана, и *Учь-кусъ*, при р. Джиты-аралы.

«Съ открытіемъ весны кочуютъ вверхъ по р. Уласты на хребетъ Тарбагатая, называемый Ой-джайлявъ и Чубаръ-агачъ, отселѣ спустившись идутъ на ур. Джиты-аралъ, располагаясь кочевьями по теченію рѣчки Чорги, занимая гору называемую *Толагай*, и безыменныя мѣста по берегу Норъ-Зайсана, которыя, смотря по теченію воды, будутъ на лѣвой сторонѣ.

«Рѣки Чорга и Уласты, имѣя свое начало изъ хребта Тарбагатайскаго, впадаютъ въ Зайсанъ, а также вся мѣстность, занимаемая таукинцами, расположенная по лѣвую сторону караванной дороги, ведущей изъ Кокпектовъ въ Чугучакъ, до переправы чрезъ Тарбагатай, называется *Хабаръ-асу*. Впрочемъ, границами этой мѣстности можно опредѣлить: съ сѣвера—караванную дорогу; съ востока—лѣвый берегъ Зайсана, съ юга—гору Манракъ и съ юго-запада Тарбагатай. Вообще, таукинцы имѣютъ обыкновенныя свои кочевья на нашей сто-

ронѣ Тарбагатая, по лѣвую сторону караванной дороги, и лѣтомъ только всходятъ на вершины Тарбагатая, гдѣ простоявъ жары, кочуютъ внизъ по теченію рѣчекъ Чорга и Уласты.

«Въ границахъ мѣстности, занимаемой таукинцами, китайскихъ никетовъ нѣтъ, а расположены таковые съ вершины Норъ-Зайсана, гдѣ впадаетъ въ оный верхній Иртышъ, потомъ по ту сторону горы Манракъ, чрезъ ур. Кызылъ-чиликъ, что выше вершины р Чорги, и такъ далѣе во внутрь Китая. Линія, по которой расположены китайскіе никеты, удалена отъ мѣстъ, таукинцами занимаемыхъ, верстъ на 80, а лѣвый берегъ Зайсана, гдѣ кочуютъ таукинцы, будетъ отъ ур. Джузъ-агачъ въ 30 верстахъ, не болѣе. Отъ этого урочища караванная дорога поворачиваетъ вправо и ведетъ до переѣзда черезъ Тарбагатай, называемый Хабаръ-асу.

«Тауке-Байджигитовская волость, поступившая въ подданство въ 1841 году, составляетъ одно только родовое отдѣленіе отъ прочихъ киргизъ, именующихся байджигитовцами, и имѣя у себя, по исчисленію засѣдателя Сухомлинова, 695 юртъ, кочуетъ совершенно отдѣльно, такъ что на объясненныхъ мѣстахъ они находятся только одни, а если къ нимъ и присоединяются киргизы изъ общаго состава байджигитовцевъ, въ смежности съ ними кочующихъ, то единственно для хлѣбопашества, производимаго по р.р. Уласты и Чоргѣ. Всѣ же остальные байджигитовцы съ главными своими родоначальниками кочуютъ за горой Манракъ, вверху Иртыша, въ особенности по Тарбагатаю и за онымъ, въ зимнее же время нѣкоторые и иногда въ большомъ числѣ соединяются зимовками вмѣстѣ съ таукинцами.

«Въ послѣднюю мою бытность въ таукинцахъ я замѣтилъ, что они, хотя бывшимъ въ Кокпектахъ отряднымъ начальникомъ Портнягинымъ и были приведены въ подданство, однако-жъ, къ сожалѣнію, очень слабо поняли и понимаютъ цѣль Правительства о введеніи между ними новаго порядка. Въ этомъ отношеніи имѣютъ на нихъ большое вліяніе смежные съ ними родные имъ байджигитовцы, (не состоящіе въ подданствѣ и не понимающіе желаній нашего Правительства, съ которыми оно принимаетъ киргизъ), дѣлая имъ различныя стѣсне-

нія, отбираютъ мѣста, угоняютъ скотъ и т. п.: и все это дѣлается потому только, что таукинцы изъявили готовность поступить въ подданство: а также и неопредѣленное ихъ понятіе о томъ, кому принадлежатъ мѣста, на которыхъ они кочуютъ. Я при самомъ въѣздѣ въ таукинцы услышалъ отъ почетныхъ старшинъ и киргизъ, что они до сихъ поръ не знаютъ, кому они принадлежатъ, китайцамъ или русскимъ.

«Оставить таукинцевъ безъ введенія у нихъ порядка по Положенію невозможно, потому что это будетъ противно закону и невыгодно для примѣра прочимъ киргизамъ; но чтобы они не поколебали вѣрность принятой присяги и сколько-нибудь ознакомились съ благимъ для нихъ намѣреніемъ начальства (чему они еще очень чужды и какъ будто полудикіе), я полагаю сдѣлать слѣдующее:

«Изъ каждаго рода вызвать въ Кокшекты по 10 человѣкъ вмѣстѣ со старшинами и управителемъ и въ присутствіи Приказа, посредствомъ указнаго муллы, внушить имъ правила изъ Положенія о киргизахъ, растолковавъ въ особенности пользу отъ принятія ими новаго управленія, и послѣ этого выдать каждому аульному старшинѣ и волостному управителю печати, что послужитъ, какъ имъ, такъ и прочимъ примѣрнымъ поощреніемъ. Подарки эти будутъ стоить не дорого и на нихъ расходъ можно произвесть изъ суммы, опредѣленной для праздниковъ киргизамъ.

«Такъ какъ они имѣютъ смежную кочевку съ прочими своими родовичами—байджигитовцами, которые постоянно растраиваютъ ихъ вѣрность въ подданствѣ, что доказывается удаленіемъ въ нынѣшнемъ лѣтѣ нѣкоторыхъ киргизъ во внутрь Китая, хотя волостной управитель и останавливалъ ихъ отъ такой непозволительной кочевки, то необходимо отъ высшаго начальства разослать къ неподданнымъ намъ байджигитовцамъ объявленія, изъ которыхъ бы они видѣли, во первыхъ, съ какою цѣлью Россія пріобрѣтаетъ киргизъ, во вторыхъ, какую видятъ поступившіе въ подданство киргизы отъ этого для себя пользу, и въ третьихъ, напомнить имъ неизбѣжное взысканіе за то, что ежели они и послѣ объявленія рѣшатся внушать таукинцамъ мысли, про-

тивныя принятому ими порядку, и, кромѣ того, нарушать ихъ спокойствіе, то виновные будутъ преслѣдоваться для строжайшаго наказанія по закону, какъ нарушители спокойствія.

«Такія объявленія полезно бы было передать киргизскому народу посредствомъ Чугучакскихъ: ханъ-амбы и батырь-амбони. Это послужило бы для киргизъ къ тому, что и то Правительство, въ которомъ они находятся, раздѣляетъ готовность для водворенія общаго спокойствія.

«Теперь главное, не упуская времени, нужно войти въ сношеніе съ китайскимъ начальствомъ въ Чугучакѣ о прекращеніи сбора ремонта съ таукинцевъ, если только начальство признаетъ это необходимымъ. Съ какимъ же намѣреніемъ чугучакское начальство смотритъ на этотъ предметъ, видно изъ прилагаемой при семъ бумаги(*), полученной мною отъ Таукинскаго волостного Управителя. По собраннымъ мною сторонними слухамъ и по всему можно полагать, что ежели китайцы и увезли было въ Чугучакъ султанскаго письмоводителя Федорова, то причиною тому были, какъ сами китайцы пишутъ, киргизы, которые по легковѣрію своему полагали, что русскіе, видя такой поступокъ китайцевъ, оставятъ таукинцевъ.

«Конечно, какъ каждое, какое бы то ни было образованіе имѣетъ въ началѣ болѣе или менѣе препятствій, такъ точно и китайцы, не видавши никогда въ таукинцахъ русскихъ, полагаютъ сбивчиво о подданствѣ таукинцевъ, слѣдственно, чтобы и въ этомъ отношеніи успокоить послѣднихъ, полезно бы было написать Чугучакскому амбѣ о поступленіи ихъ въ подданство, о чемъ дать знать таукинцамъ черезъ особыя объявленія, что они, поступивъ въ подданство Россіи, обязаны быть ей вѣрноподданными и не думать ничего для себя худого отъ китайцевъ, но напротивъ ожидать и отъ нихъ (для себя) спокойствія, что послужитъ также къ опроверженію толковъ, что будто бы китайцы будутъ недовольны въ такомъ случаѣ, ежели таукинцы останутся въ подданствѣ Россіи.

(*) Очевидно, упомянутое выше китайское предписаніе. См. пр. 8.

«Такимъ образомъ, ежели таукинецъ въ самомъ началѣ получитъ твердую увѣренность, что онъ принадлежитъ Россіи, а не китайцамъ, увидитъ, что мѣсто, на которомъ онъ стоитъ, и его собственность безопасна и, наконецъ, не будетъ имѣть отъ смежныхъ неподданныхъ байджигитовцевъ безпокойства, то вводимый между ими порядокъ пойдетъ съ пользою, потому что съ 1841 года, когда сотникъ Портнягинъ привелъ ихъ къ присягѣ, и по нынѣ они знаютъ только то, что есть русскіе, приняли присягу, но для чего они это сдѣлали и какое отъ этого должны имѣть счастіе, совершенно не понимаютъ и боятся даже взглянуть на русскаго, а не только войти съ нимъ въ обращеніе, это я самъ видѣлъ,—слѣдственно, повторяю еще въ заключеніе, что этому народу вначалѣ нужно дать увѣренность въ собственномъ его политическомъ значеніи, а потомъ предоставить все остальное времени и попеченію въ особенности мѣстнаго Кокпектинскаго начальства».

Пограничный Начальникъ ген.-м. Вишневскій увѣдомилъ въ томъ же декабрѣ Приказъ, что разсмотрѣвъ записку Дужана «объ описаніи мѣстъ кочевокъ, занимаемыхъ тауке-байджигитовцами, подвѣдомственными Кокпектинскому округу, и сообразивъ объясненныя въ донесеніи Дужана урочища, на коихъ имѣютъ кочевки наши киргизы, съ картой Киргизской степи», онъ нашелъ, «что урочища эти дѣйствительно находятся внѣ предѣловъ нашихъ, ибо рѣчки Чорга и Уласты, горы Аманъ-арганаты и ур. Тогулъ агачь и проч. показаны на картѣ за чертою границы нашей, слѣдовательно всѣ эти мѣста, какія по описанію засѣдателя Дужана занимаютъ таукинцы, остаются неприкосновенно принадлежащими китайскому владѣнію и Китайское Правительство производитъ сборъ съ таукинцевъ за кочевку на ихъ мѣстахъ справедливо, намъ-же распространять на принадлежность тѣхъ мѣстъ право и ограждать киргизъ нашихъ, занимающихъ мѣста, принадлежащія китайцамъ, отъ взысканія алыма нѣтъ основанія», «По всему этому» Вишневскій предписалъ Приказу слѣдующее:

«1) Изъ числа тауке-байджигитовскихъ киргизъ, подвѣдомственныхъ Кокпектинскому Приказу, пригласить въ Кокпекты родоначальниковъ, почетныхъ старшинъ и нѣсколько простыхъ киргизъ, а так-

же, если представится возможность, то и другихъ родоначальниковъ таукинцевъ, намъ не подвѣдомственныхъ, но съ нашими киргизами имѣющихъ родственныя связи, и въ присутствіи Приказа, при Старшемъ султанѣ, черезъ указнаго муллу, первымъ внушить о долгѣ вѣрноподданнической присяги и правила изъ Положенія о киргизахъ, а послѣднимъ, если таковые прибудутъ вмѣстѣ съ первыми, всю пользу отъ принятія новаго управленія съ разъясненіемъ положительно о попеченіи Россійскаго Правительства и благосостояніи киргизскаго народа, состоящаго въ подданствѣ Россійской державы; потомъ каждому аульному старшинѣ и волостному управителю подвѣдомственныхъ Кокпектинскому Приказу киргизъ дать серебряныя съ позолотой печати, отнеся расходъ ихъ на счетъ суммы, отпускаемой для праздниковъ киргизамъ.

«2) Послѣ этого волостному управителю и прочимъ старшинамъ Тауке-Байджигитовской волости вѣдѣнія Приказа сего объявить, что сборъ съ нихъ китайцами алыма за кочевку на мѣстахъ китайскаго владѣнія справедливъ и они, занимая тѣ мѣста, отъ платежа алыма избѣгнуть не могутъ, такъ какъ занимаемыя ими кочевки по объясненнымъ выше урочищамъ принадлежатъ китайцамъ, избавиться же отъ взысканія китайцами алыма можно не иначе, какъ только оставить ихъ мѣста и перейти на кочевку на принадлежащія намъ земли, съ объявленіемъ имъ, что за кочевку въ предѣлахъ нашихъ они платежу ремонта подвергаться нисколько не будутъ и спокойствіе ихъ ни кѣмъ не нарушится. Мѣстъ же для помѣщенія ихъ кочевокъ, какъ мнѣ извѣстно, въ Кокпектинскомъ округѣ будетъ достаточно.

«3) Такъ какъ изъ донесенія засѣдателя Дужана видно, что не подвѣдомственные намъ байджигитовцы, имѣющіе съ нашими родственныя связи, разстраиваютъ подданныхъ намъ, то поручаю Приказу разъяснить благоразумно тѣмъ, которые прибудутъ съ нашими въ Кокпекты, о противной ихъ мысли противъ подданства Россійской державѣ киргизъ, пользующихся уже высшимъ покровительствомъ Могущественнаго Монарха Нашего, напомнивъ имъ о непростительныхъ дѣйствіяхъ ихъ по внушенію нашимъ киргизамъ противныхъ мыслей по вводимо-

му между киргизами благоустроенному порядку, съ тѣмъ, что если они послѣ сего не перестанутъ нарушать спокойствіе, то виновные будутъ преслѣдоваться для поступленія съ ними, по мѣрѣ вины ихъ, на основаніи законовъ, какъ нарушителей спокойствія.

«4) Такъ какъ изъ донесенія Окружнаго Приказа, а также самой бумаги (см. пр. 8) отъ главнаго китайскаго амбаня видно, что султанскій письмоводитель Федоровъ находился у таукинцевъ за чертою границы нашей и былъ взятъ въ Чугучакъ, то я предписываю Окружному Приказу въ Байджигитовскую волость толмача не посылать для постояннаго тамъ нахожденія, пока они будутъ кочевать въ китайскихъ предѣлахъ, временная же къ нимъ командировка такового, въ случаѣ существенной надобности по дѣламъ службы, должна быть секретно-акуратная.

«Въ заключеніе этого остается мнѣ присовокупить Приказу, что нашихъ таукинцевъ всѣми средствами надо приласкать и убѣдить ихъ къ перекочевкѣ на земли наши, въ чемъ долженъ содѣйствовать благоразумiемъ Старшій султанъ, что ему отъ имени моего и объявить. О послѣдствіяхъ же распоряженій Приказа по сему мнѣ донесть обстоятельно».

Въ январѣ 1846 г. Приказъ сообщилъ Пограничному Начальнику, что вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ вызовъ тауке-байджигитскихъ родоначальниковъ въ Приказъ необходимо отложить до весны. Въ отвѣтъ на это Вишневскій предписалъ Приказу вызвать этихъ родоначальниковъ къ его пріѣзду въ Кокпекты. Въ дѣлѣ изъ котораго заимствована записка Дужана и приведенное выше распоряженіе Вишневскаго, имѣется слѣдующая помѣтка, отъ 6 апрѣля 1846 года: Такъ какъ родоначальники Тауке-Байджигитской волости лично явились къ Пограничному Начальнику во время ревизіи Кокпектинскаго Приказа, отъ коего и дано имъ должное наставленіе, то переписку почислить конченною.

Въ дѣйствительности Приказъ напрасно поторопился кончить переписку о таукинцахъ. Въ томъ же апрѣлѣ управитель Тауке-Байджигитской волости Чанибай Ултараковъ донесъ Приказу, что 450 кибн-

токъ, оставивъ свои кочевки, удалились за Тарбагатай подъ предлогомъ нахожденія лучшихъ кормовъ для скота. Приказъ командировалъ въ волость Дужана, который вмѣстѣ съ Старшимъ султаномъ произвелъ опросъ и удостовѣрился, что тауке-байджигитцы удалились за Тарбагатай дѣйствительно «отъ недостатка корма для скота на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣли зимовки«, но что безъ сомнѣнія возвратятся въ волость лѣтомъ для общей кочевки, а «въ особенности для хлѣбопашества по р. Чоргѣ». Удалившіеся на самомъ дѣлѣ возвратились вскорѣ на обычныя мѣста своихъ кочевокъ, кромѣ 67 кибитокъ, о возвращеніи которыхъ администрація безполезно хлопотала до 1850 г. Пограничное Управленіе неоднократно рекомендовало Приказу принимать «мѣры благоразумія», Приказъ же отписывался, что такія мѣры приняты, но въ виду кочевки тауке-байджигитцевъ въ предѣлахъ Китая «къ возвращенію въ свои предѣлы упомянутыхъ киргизъ сдѣлать распоряженія никакого не можетъ впредь до отвода означенной волости мѣстъ въ нашихъ предѣлахъ». Также не увѣнчались успѣхомъ хлопоты Старшаго султана Кійсыка Тезекова, который въ концѣ концовъ заявилъ, что бѣжавшія 67 юртъ не только отказались возвратиться, но склоняютъ къ отложенію и остальныхъ таукинцевъ.

Въ іюлѣ 1846 г. на положеніе дѣлъ въ Байджигитскихъ волостяхъ обратилъ особое вниманіе Генералъ-Губернаторъ, предложившій Виневскому «войдя при удобномъ случаѣ въ сношеніе съ байджигитцами, кочующими за Тарбагатайскими горами, стараться исподволь привлечь ихъ къ поступленію въ русское подданство и къ принятію условій, подобныхъ тѣмъ, которыя заключены съ киргизами Большой орды». Съ своей стороны, Пограничный Начальникъ сдѣлалъ такое же предписаніе Кокпектинскому Приказу и Аягузскому отряднаго начальнику Нюхолову, котораго особо просилъ «по извѣстности» ему «духа народа Байджигитскаго и Кызаевскаго употребить стараніе склонить байджигитцевъ и кызаевцевъ къ поступленію въ россійское подданство». Аягузскому Приказу было предложено во всемъ содѣйствовать Нюхолову. Кромѣ того, отъ имени Пограничнаго Начальника было послано нѣсколько писемъ къ разнымъ байджигитскимъ и кызаевскимъ султанамъ. Сужу такъ по слѣдующему отвѣтному письму на имя Погра-

ничнаго Начальника «султана Байджигитской волости Сабека Сюкова съ его подвластнымъ народомъ», отъ 7 августа 1846 года.

«Письмо отъ Вашего Превосходительства, посланное къ намъ съ нарочнымъ, получено и къ удовольствію нашему прочтено, въ коемъ усмотрѣны нами великія къ намъ Царскія милости и испрашивается тѣмъ, что мы желаемъ ли быть въ подданствѣ Его Императорскаго Величества. На сіе имѣемъ честь отозваться, что прежде сего и въ настоящее время занимаемо нами мѣсто въ предѣлахъ Китая и пользуемся спокойствіемъ и состоимъ въ повиновеніи двумъ Государямъ и исполняемъ ихъ волю и Вашу, Господинъ генералъ-маіоръ, и исполняемъ всегда Ваши предложенія съ полною нашею покорностію и дѣятельностію, но изъясняемъ здѣсь, что киргизы волостей Аргыновскихъ и Найманскихъ сдѣлались намъ врагами, наносятъ намъ разныя обиды и въ рукахъ ихъ находится нашъ скотъ и не имѣемъ надежды къ возврату онаго, ибо нѣтъ къ защитѣ нашей вѣрныхъ друзей и благопріятелей. А посему и просимъ покорнѣйше о доставленіи намъ удовлетворенія не оставить учинить Ваше распоряженіе, равно не оставить упрочить намъ для кочевокъ мѣста, со временъ дѣдовъ нашихъ занимаемыя, и потомъ исполнить не откажемся Ваше предложеніе, иначе мы опасаемся, дабы изъ за насъ впослѣдствіи времени не послѣдовало бы у двухъ державъ какихъ либо непріятностей; присовокупляемъ и то, что для водворенія между нами мирнаго спокойствія мы тоже, со своей стороны, всегда готовы обратить скотъ, на насъ оказавшійся, вашимъ подданнымъ киргизамъ и желаемъ доставить имъ полное удовлетвореніе. Съ каковымъ нашимъ доброжелательствомъ и остаемся навсегда преданнѣйшій Байджигитовскій султанъ Сабекъ Сюковъ, во увѣреніе сего печать свою приложилъ».

Кажется, письмо это Сабекъ Сюковъ отправилъ черезъ одного изъ вліятельныхъ аягузскихъ султановъ Барака Солтабаева. Послѣдній, увѣдомляя о письмѣ Сюкова, сообщилъ Пограничному Начальнику, что посланный отъ Сюкова человѣкъ передалъ ему, что Сабекъ со всѣмъ своимъ народомъ желаетъ, будто бы, вступить въ русское подданство и разсчитаться во всѣхъ «претензіяхъ», какія имѣются у подвласт-

ныхъ ему киргизъ съ русскими киргизами. Къ разбору нѣкоторыхъ претензій уже приступлено, но всетаки, для успѣшнаго окончанія этого дѣла, Баракъ просилъ отправить Нюхолова съ нѣсколькими казаками. Вскорѣ и Сабекъ Сюковъ обратился съ просьбой къ Пограничному Начальнику о командированіи какъ Нюхолова, такъ и султана Барака, обѣщая, что при ихъ помощи всѣ «претензіи» будутъ разобраны не болѣе какъ въ мѣсяцъ. Вслѣдствіе этихъ просьбъ Нюхолову было предписано принять вмѣстѣ съ султаномъ Баракомъ мѣры какъ къ скорѣйшему разбору киргизскихъ споровъ, такъ и къ склоненію байджигитцевъ принять русское подданство. Нюхоловъ былъ занятъ тогда операціями въ Семирѣчьѣ противъ Кенесары Касымова(*), а потому ограничился отправкой къ байджигитскимъ и кызыевскимъ султанамъ посланцевъ изъ чалаказаковъ, а также писемъ.

Изъ Кокпектовъ, для выполненія приведеннаго выше распоряженія Пограничнаго Начальника, былъ командированъ Старшій султанъ Кійсыкъ Тезековъ, который черезъ нѣкоторое время увѣдомилъ Приказъ, что по его приглашенію Кызаевскія волости согласились вступить въ русское подданство и даже отправили, для переговоровъ объ этомъ, одного изъ своихъ султановъ Ботокэ Абулфеизова. Дѣйствительно, 6 сентября 1846 г. въ Лягузъ прибыли въ качествѣ «довѣренныхъ отъ невѣрноподданныхъ Кызаевскихъ волостей» названный султанъ Абулфеизовъ и біи Сиванбай Мурзатаевъ, Бурукъ Черменевъ и Наймантай Елемесовъ и подали слѣдующее прошеніе на имя Приказа, сочиненное вѣроятно не безъ помощи Тезекова:

«Народъ нашъ всѣхъ Кызыевскихъ волостей родовъ: Дангабылъ, Танръ-Берды, Бегимбеть-дербисъ, Айкулманъ, Чуре и Андасъ, заключающійся въ числѣ 2500 ауловъ, не состоя еще ни подъ какимъ Правительствомъ, избралъ насъ довѣренными представителями изъ среды всего общества и прислалъ въ здѣшній Приказъ съ тѣмъ, чтобы мы исходатайствовали, гдѣ слѣдуетъ, у Россійскаго Правительства дозволеніе принять насъ на вѣрноподданство Всеавгустѣйшаго и Великаго Монарха и подъ покровительство россійскихъ законовъ, какъ для соб-

(*) См. упомянутую выше мою статью «Къ исторіи Каркаралинскаго и Лягузскаго округовъ», ст. 66 и слѣд.

ственнаго нашего блага, такъ и для общаго спокойствія между нашими и вѣрноподданными киргизами Аягузскаго округа, и подъ сѣнію одного благодѣтельнаго Правительства пользоваться общимъ миромъ дружбы и тѣмъ положить конецъ всѣмъ непріязненнымъ дѣйствіямъ между нами, для чего и желая лично представиться высшему россійскому начальству, что объяснивъ, покорнѣйше просимъ Аягузскій Окружный Приказъ довести до свѣдѣнія обо всемъ выше писанномъ кому слѣдуетъ и испросить разрѣшеніе о дозволеніи намъ поѣздкою въ г. Омскъ для личныхъ объясненій съ Его Сіятельствомъ Господиномъ Корпуснымъ Командиромъ и Господиномъ Пограничнымъ Начальникомъ, на что и ожидаемъ милостивѣйшей резолюціи».

Генералъ-Губернаторъ согласился на пріѣздъ просителей въ Омскъ и предписалъ, черезъ Пограничнаго Начальника, Аягузскому Приказу отправить ихъ «при благонадежномъ толмачѣ, снабдивъ ихъ подорожною и прогонными деньгами отъ Семипалатинска до Омска на 4 лошади, на проѣздъ же по степи для взиманія почтовыхъ лошадей дать открытое предписаніе». Но депутаты, не дождавшись этого разрѣшенія, отправились въ Семипалатинскъ, почему Приказъ командировалъ туда толмача Жеребятьева съ предписаніемъ «гдѣ взявъ съ собою помянутаго султана и его спутниковъ отбыть въ г. Омскъ немедленно».

Въ дѣлѣ, изъ котораго я заимствовалъ приведенныя свѣдѣнія о поѣздкѣ кызыевцевъ въ Омскъ, о пребываніи ихъ тамъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній. Депутаты подали 24 октября 1846 г. Пограничному Начальнику слѣдующее прошеніе:

«Имѣющіяся претензіи между нами, т. е. Кызаевскаго народа съ киргизами Аягузскаго и Кокпектинскаго округовъ, каковыя остаются по настоящее время безъ всякаго вниманія, и киргизы наши не получили никакого удовлетворенія, мы, желая до прибытія Вашего Превосходительства въ тѣ округа, въ настоящую зиму съ киргизами вышеупомянутыхъ округовъ имѣть по возможности обоюдные разсчеты, не иначе, какъ по совѣщанію обще нашему и старшихъ султановъ этихъ округовъ, гдѣ будетъ признано удобнымъ, а потому покорнѣйше просимъ Ваше Превосходительство, не благоугодно ли будетъ сдѣлать распоряженіе объ окончаніи нашихъ и другихъ киргизъ претензій съ обя-

зательствомъ обо всѣхъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ претензіяхъ Вашему Превосходительству донести; при чемъ присовокупляемъ, чтобы отнынѣ старшіе султаны означенныхъ округовъ удерживали своихъ киргизъ отъ непріязненныхъ поступковъ, а также и мы будемъ за своими киргизами наблюдать и удерживать отъ непріятныхъ вообще всѣхъ поступковъ».

Результатомъ прошенія «довѣренныхъ Кызаевскаго народа», какъ называли себя на этотъ разъ депутаты, было слѣдующее предписаніе Пограничнаго Начальника, отъ 26 того-же октября, на имя Аягузскаго Приказа:

. . . . «Желая съ своей стороны отклонить всякую вражду между нашими и кызаевскими киргизами, тѣмъ болѣе, что Кызаевскій народъ поступаетъ нынѣ въ подданство Россіи, на что изъявлено согласіе Г. Генералъ-Губернатора Западной Сибири, я предписываю Окружному Приказу поручить и. д. Старшаго султана Буленю Шанхаеву распорядиться въ окончательномъ по возможности разборѣ всѣхъ вообще кызаевскихъ претензій, такъ, чтобы иски обѣихъ сторонъ были разобраны и окончены миролюбивымъ образомъ, устранивъ отнынѣ и навсегда между обоими народами вражду. Къ поддержанію сего въ будущее время обязываю Старшаго султана и волостныхъ управителей имѣть тщательное и строгое наблюденіе за своими киргизами, дабы они ни подъ какимъ предлогомъ не осмѣливались причинять кызаевскимъ киргизамъ вредъ, но жили съ ними мирно и въ дружбѣ, считая ихъ уже россійскими подданными».

Генералъ-Губернаторъ въ декабрѣ 1846 г. съ своей стороны предложилъ Пограничному Начальнику «для поддержанія дружескихъ сношеній и сохраненія вліянія надъ кызаевцами» пригласить Ботекэ Абулфеизова пріѣхать лѣтомъ въ Аягузъ «для полюбовнаго разбирательства взаимныхъ претензій съ нашими киргизами и внушить ему главнѣйше, чтобы подвѣдомственные ему ордынцы кочевали мирно и спокойно, не тревожили прочихъ киргизъ русскихъ подданныхъ, не дѣлали бы также никакихъ обидъ проходящимъ черезъ ихъ кочевья купеческимъ караванамъ, а напротивъ оказывали имъ въ нужныхъ случаяхъ пособіе къ безостановочному ходу въ китайскія владѣнія и, сверхъ того, чтобы, живя по сосѣдству съ китайцами, не подавали имъ ника-

кого повода къ жалобамъ; наконецъ, что строго соблюдая все это, они пріобрѣтутъ право на вниманіе и покровительство Россійской Державы».

Почти одновременно съ отъѣздомъ въ Омскъ кызаевцевъ, въ Аягузскій Приказъ поступило прошеніе отъ байджигитскаго султана Долонбая Сюкова о разрѣшеніи ему «съ товарищами ѣхать въ Омскъ для личныхъ переговоровъ съ Пограничнымъ Начальникомъ и прочими особами о благѣ и спокойствіи народа». Генералъ-Губернаторъ согласился и въ началѣ 1847 г. (кажется, въ февралѣ) Долонбай прибылъ въ Омскъ. Не заставъ тамъ Генералъ-Губернатора, султанъ отправилъ ему, черезъ Пограничнаго Начальника, слѣдующее письмо.

«Великій Князь! На просьбу нашу, изъясненную въ прежнемъ письмѣ, получивъ милостивое дозволеніе Ваше быть въ Омскѣ, я такъ спѣшилъ выѣздомъ изъ дому своего, что не могъ дать знать о томъ ни султанамъ, родовичамъ и всему народу, расположившимся на зиму въ различныхъ мѣстахъ и разстояніи отъ насъ; но по прибытіи въ Омскъ не имѣлъ счастія застать Вашего Сіятельства, почему осмѣливаюсь сообщить черезъ это письмо то, о чемъ желалъ сказать изъ устъ своихъ при видѣ свѣтлаго лица Вашего: цѣль пріѣзда моего была та, чтобы лично представиться предъ величіе Ваше, сообщить о состояніи нашего байджигитовскаго народа, всенижайше просить Ваше Сіятельство употребить ходатайство у Великаго Государя Императора на Всемилостивѣйшее благоволеніе, служащее для насъ къ средству пользоваться могущественною Бѣлаго Россійскаго Царя защитою и правосудіемъ, изливающимися не только на однихъ всеподданнѣйшихъ, но и на прочихъ всѣхъ сосѣдственныхъ и смежно кочующихъ народовъ. Эта просьба наша, Великій Князь, на тотъ единственно предметъ, что народъ байджигитскій, подвѣдомственный Китаю, имѣетъ намѣреніе жить со всѣми сосѣдственными киргизскими народами въ мирѣ, согласіи, уничтоживъ черезъ миролюбивые между собою разчеты всѣ до нынѣ существующіе претензіи, распри и иски.

«При семъ присовокупляемъ, что мы имѣемъ сильное желаніе, если можно, быть во дворцѣ, увидѣть благословенное лицо правосудно царствующаго въ Россіи Бѣлаго Императора.

«Остаюсь въ ожиданіи отъ Васъ м лости, съ пожеланіемъ многолѣтняго здравія и всѣхъ благъ».

Однако, ни кызаевцы, ни китайскіе байджигитцы(*) въ русское подданство приняты не были въ виду несогласія на это высшаго русскаго правительства. Въ концѣ концовъ дѣло ограничилось тѣмъ, что въ Кокпектахъ былъ назначенъ съѣздъ для обоюдныхъ разсчетовъ русскихъ и китайскихъ киргизъ. Повидимому, ко времени этого съѣзда въ Кокпекты пріѣхалъ Пограничный Начальникъ, но, судя по донесенію его на имя Генералъ-Губернатора, отъ 11 сентября 1847 г., съѣздъ удался плохо. Изъ байджигитскихъ султановъ явился одинъ только Долонбай, кызаевскіе султаны вовсе не прибыли. А между тѣмъ съѣздъ предполагалось, кажется, сдѣлать очень торжественнымъ, съ раздачей султанамъ отъ Генералъ-Губернатора писемъ и подарковъ(**) и проч. Долонбай объявилъ Пограничному Начальнику, что по прибытіи его, Долонбая, изъ Омска байджигитцы изъявили радость по поводу принятія ихъ прошенія «о исходатайствованіи состоять имъ подъ высокимъ покровительствомъ Россійской Державы», но потомъ, «будучи разстраиваемы татарами и находящимися при нихъ бѣглецами изъ киргизъ нашихъ», начали проявлять «недовѣрчивость» и отказались ѣхать въ Кокпекты, «опасаясь, якобы, приведенія ихъ на вѣрноподданство Россіи». «Почему, согласно докладу Государственнаго Канцлера, Высочайше утвержденному въ 17 день апрѣля» 1847 года(***), Пограничный Начальникъ объяснилъ Долонбаю и его киргизамъ, «что они оставаясь китайскими подданными, будутъ пользоваться высокимъ покровительствомъ Россіи, если воздержатся отъ всякихъ непріязненныхъ отношеній противъ нашихъ киргизъ и притѣснительныхъ дѣйствій въ отношеніи торговли». Долонбай обѣщалъ «склонить байджигитцевъ къ принятію выше означенныхъ условій».

Изъ Кокпектовъ Пограничный Начальникъ отправился въ Аягузъ, гдѣ засталъ султана Ботокэ Абулфеизова съ братьями и главными родоначальниками, а также кызаевцевъ, имѣвшихъ споры съ русскими

(*) См. пр. 9.
(**) См. пр. 10.
(***) См. пр. 11.

киргизами. По объявленіи имъ «о принятіи ихъ подъ высокое покровительство Россійской державы, они съ совершенною готовностью согласились заключить условіе, на основаніи коего поступаютъ»(*) Тутъ же были розданы присланные Генералъ-Губернаторомъ подарки. Ботокэ, помимо проч., принесъ Пограничному Начальнику жалобу на байджигитовцевъ съ приложеніемъ списка убитыхъ ими кызыевцевъ и отбарантованнаго скота. Принявъ жалобу, Пограничный Начальникъ предложилъ Долонбаю Сюкову разсчитаться съ кызаевцами по киргизскимъ обычаямъ(**).

Переговоры съ подвластными Китаю байджигитцами, вопреки ожиданіямъ русской администраціи, нисколько не повліяли на ходъ дѣлъ въ числившейся въ составѣ Кокпектинскаго округа Тауке-Байджигитской волости. Такъ, получивъ въ 1849 г. предписаніе отъ Пограничнаго Управленія объ исчисленіи таукинцевъ для обложенія ихъ ясакомъ, Приказъ подробно изложилъ, что въ виду «невозможности обратить таукинцевъ къ исполненію порядка, вообще принятаго для подданныхъ киргизъ, Приказъ съ самаго начала открытія своего до настоящаго времени употреблялъ потому разныя благоразумныя мѣры, а въ особенности посредствомъ Старшаго султана объявляя таукинцамъ, что ежели они желаютъ избавиться отъ платежа ясака китайцамъ, то перешли бы на наши мѣста, однако жъ таукинцы какъ прежде, такъ и теперь одно и тоже рѣшительно говорятъ, что они живутъ и желаютъ остаться на китайской землѣ съ уплатою Китаю ясака и что они въ то время будутъ подданными Россіи, когда всѣ вообще байджигитовцы, изъ которыхъ таукинцы происходятъ, вступятъ въ наше

(*) См. пр. 12.

(**) Предложенія этого Долонбай не исполнилъ, вслѣдствіе чего Ботока въ апрѣлѣ 1848 г. просилъ Пограничнаго Начальника принять мѣры хотя бы къ прекращенію баранты, которая все усиливается. Особенно много зла причинялъ кызаевцамъ Мамбетевскій родъ, подвластный султанамъ Сабеку и Нуржану Сюковымъ. Для усмиренія байджигитцевъ Ботокэ просилъ о присылкѣ казачьяго отряда. Пограничный Начальникъ предписалъ Лягузскому Приказу «снестись съ султаномъ Долонбаемъ Сюковымъ письменно, чтобы онъ распорядился объ удовлетвореніи претензій кызаевскаго народа и о воспрещеніи своимъ киргизамъ вторгаться въ Кызаевскія волости для отгона скота, такъ какъ волости эти приняты подъ покровительство Россіи».

Такія же жалобы на байджигитцевъ были поданы и нѣкоторыми подвластными Россіи киргизами. Пограничный Начальникъ по поводу такихъ жалобъ также предписалъ Приказу «снестись съ султаномъ Долонбаемъ Сюковымъ, прося его не допускать байджигитскихъ киргизъ къ кражамъ скота у нашихъ подданныхъ». См. пр. 13.

подданство». Поэтому Приказъ откровенно заявилъ, что исчислить таукинцевъ нѣтъ возможности, а надо «оставить ихъ въ такомъ положеніи, въ которомъ они теперь находятся, въ томъ предположеніи, что для управленія таукинцами по Положенію нужна ихъ добрая воля а не принужденность, тѣмъ болѣе, что Приказу изъ дѣлъ не видно тѣхъ обстоятельствъ, которыми руководствовался сотникъ Портнягинъ, приводя таукинцевъ въ подданство, а напротивъ, какъ сами таукинцы говорятъ, что они и въ то время не были на то согласны». Пограничный начальникъ предложилъ Пограничному Управленію, въ виду такого заявленія Приказа, предписать ему, чтобы «старался благоразумными мѣрами возвратить Тауке-Байджигитскую волость, отложившуюся въ китайскіе предѣлы, причемъ строго воспретить Приказу ни подъ какимъ предлогомъ не посылать къ байджигитцамъ не только чиновниковъ, но даже толмачей и казаковъ». Въ февралѣ 1850 г. такія «благоразумныя мѣры» были предприняты Приказомъ, но опять, разумѣется, ни къ чему не привели. Старшій султанъ Тезековъ и засѣдатель Дужанъ, находясь въ Муруновскихъ волостяхъ, по близости которыхъ кочевали таукинцы, удостовѣрились черезъ посланцевъ, что они по прежнему «рѣшительно не желаютъ вступить для управленія по Положенію, отзываясь тѣмъ, что когда прочіе родовичи ихъ байджигитцы вступятъ въ подданство, то и они послѣдуютъ за ними». Самъ Приказъ пришелъ наконецъ къ заключенію о необходимости «прекратить по сему предмету безполезную переписку». Какъ выяснилъ Приказъ, таукинцы присяги никогда не принимали, а просто были «сотникомъ Портнягинымъ въ 1841 г. записаны въ исчисленіе и съ того времени считались подданными Россіи». Въ концѣ концовъ Генералъ-Губернаторъ объяснилъ Пограничному Начальнику 13 мая 1850 г., что «на основаніи 335 ст. Уст. Упр. ин. киргизъ Тауке-Байджигитской волости подчинять управленію о сибирскихъ киргизахъ не слѣдуетъ»(*).

Н. Коншинъ.

(*) См. пр. 14 и 15.

Примѣчанія и приложенія къ статьѣ „Къ исторіи открытія Кокпектинскаго округа".

I.

Матеріаломъ для статьи «Къ исторіи открытія Кокпектинскаго округа» послужили слѣдующія дѣла, хранящіяся въ архивѣ Семипалатинскаго Областного Правленія:

Омскаго Областного Правленія.

№№ дѣлъ по архивной описи Семип. Обл. Правленія.	Время веденія дѣлъ.	Заголовки дѣлъ.
1545	1831 — 1835 г.г.	По рапорту Отряднаго Начальника хорунжаго Нюхолова объ отзывѣ китайскаго чиновника батырь-амбаня на счетъ отряда, находящагося въ степи.
1558	1835 г.	О вступленіи въ подданство Упаковской волости старшины Сатыбалды Серымова.
1529	1835 — 1836	По прошенію Матаевской волости султана Калдыгожи Сардакова о принятіи его въ подданство.

Пограничнаго Управленія и Канцеляріи Пограничнаго Начальника.

175	1846 — 1847	О склоненіи байджигитцевъ, кочующихъ за Тарбататайскими горами, къ поступленію въ русское подданство.

1388	1839 г.	О разныхъ слухахъ на счетъ движенія китайскихъ войскъ и усиленіи Кокпектинскаго отряда.
1402	1844 — 1845	Объ открытіи Окружнаго Приказа въ Кокпектинскомъ округѣ.
1432	1848 — 1849 г.г.	О командированіи изъ Кокпектовъ казаковъ для удержанія волостей Кокпектинскаго округа отъ отложенія въ китайскіе предѣлы.
1450	1840 — 1844	О вступленіи въ подданство Россіи киргизъ Уваковской и Киреевской волостей.
1451	1840	О прибытіи китайцевъ на пикеты.
1452	1840 — 1841	О сожженіи у татарина Аучи Ишіева кургана китайцами.
1456	1841	О прибытіи китайцевъ на передовые ихъ посты.
1478	1843 — 1846	О изъявленіи желанія султаномъ Кызаевской волости Абулфезомъ Шамилымъ вступить въ подданство.
1490	1845 — 1846	По просьбѣ біевъ и старшинъ Муруновской волости рода Кончи о составленіи отдѣльной волости.
1492	1845 — 1846	О командированіи засѣдателя Дужана въ Байджигитскую волость.
1493	1845 — 1848	О порученіи засѣдателю Кокпектинскаго округа Дужану произвести исчисленіе у киргизъ 4 Муруновскихъ волостей скота.
1495	1846 — 1850	Объ удалившихся киргизахъ Таукe-Байджигитовской волости въ 150 юртахъ въ китайскіе предѣлы.
1503	1847 — 1849	Объ отложеніи киргизъ Карауль-Ясыковской и Сарджумартъ-Найманской волостей въ китайскіе предѣлы.
1511	1838 — 1839	О прибытіи китайскаго отряда на урочище Курчумъ.
1587	1840	О вступленіи въ подданство киргизъ Уваковской волости.
1609	1844	Объ учрежденіи Кокпектинскаго Приказа.

1610 въ 2 томахъ	1844	Объ открытіи Кокпектинскаго округа.
1613	1844 — 1848	О произведеніи исчисленія киргизамъ Баки-Матаевской волости.
1621	1845 — 1846	По просьбѣ біевъ и старшинъ Муруновской волости родовъ Кончи и др. о составленіи отдѣльной волости.
1622	1845	Объ увозѣ китайцами толмача Федорова.
1623	1845 — 1848	О исчисленіи 4 Муруновскихъ волостей засѣдателемъ Дужаномъ.
1625	1846 — 1848	Объ удаленіи киргизъ Тауке-Байджигитской волости въ 450 вортахъ за горы Тарбагатай.
1626	1846	О присоединеніи Тлесъ-Матаевской волости къ Баки-Матаевской.
1627	1846	О перечисленіи біевъ и почетныхъ киргизъ Сиванъ-Киреевской волости рода Баймуратовскаго изъ Лягузскаго въ Кокпектинскій округъ.
1631	1847	Объ отложеніи киргизъ Караулъ-Иеыковской и Сарджумартъ-Найманской волостей въ китайскіе предѣлы.
1633	1847	Объ утвержденіи штабсъ-капитана Тезекова Старшимъ султаномъ въ Кокпектинскій Окружный Приказъ.
1643	1848	О киргизахъ Сарджумартъ-Найманской волости удалившихся въ китайскіе предѣлы.
1662	1846	„Исчисленія“ киргизъ.
1664	1849	
1666	1849	
1667	1848	
1672	1846	
1673	1846	
1674	1844	
1683	1843 — 1855	Объ открытіи Кокпектинскаго округа.
1701	1851	О разборѣ претензій киргизъ Кокпектинскаго округа съ таковыми же Байджигитовскими на Урджарѣ.

1703	1851 — 1856	О дозволеніи Сарджумартъ-Найманской волости киргизамъ въ 210 кибиткахъ возвратиться въ предѣлы округа.
	Семипалатинскаго Губернатора	
1898	1858 — 1860	Объ исходатайствованіи киргизамъ наградъ.
2267	1866 — 1867	О доставленіи списка киргизъ, получившихъ какія либо награды.

2.

«Выписка изъ журналовъ Общаго Присутствія Комитетовъ Сибирскаго и Азіатскаго 28 декабря 1831 года и 14 декабря 1832 года №№ 9 и 17».

«Въ Общемъ Присутствіи Комитетовъ Сибирскаго и Азіатскаго, 28 декабря 1831 г., разсматривано донесеніе Генералъ-Губернатора Западной Сибири (отъ 13 ноября 1831 г. № 953) о томъ, что со стороны пограничныхъ китайскихъ чиновниковъ доселѣ не было никакихъ протестовъ относительно тѣхъ киргизовъ, кои прошедшею весною въ числѣ 7500 кибитокъ изъ такъ называемой Большой орды перешли въ степь Сибирскихъ киргизовъ(1), но что сіи китайскіе чиновники начи-

(1) «Многія волости Большой Орды состоятъ нашими подданными по присягѣ съ 1818 года. По изданіи Устава о киргизахъ въ 1822 году, они просили о введеніи его въ кочевьяхъ ихъ, предупреждая, что въ противномъ случаѣ они принуждены будутъ вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и вражды сосѣдей перейти въ степь Сибирскихъ киргизовъ, кои пользуются устройствомъ по сему Уставу. Но какъ мѣста, сими волостями занимаемыя и къ Большой Ордѣ прилегающія, не вошли въ планъ образованія Уставомъ 1822 года предназначенный, то

нютъ косвенно изъявлять притязанія на ту часть нашей степи киргизской, которая прилегаетъ къ ихъ сѣверо-западнымъ границамъ, а именно: 1) въ минувшее лѣто на урочище Кокпекты (на сѣверо-западѣ отъ Норъ-Зайсана) въ горахъ Колбинскихъ при обыкновенныхъ

всѣ просьбы ихъ были отклоняемы. Нынѣшнею весною семь султановъ съ 7500 кибитокъ изъ означенныхъ волостей, разграбленные въ Большой ордѣ, перешли въ Аягузскій Округъ Сибирскихъ киргизовъ и такимъ образомъ стѣснили сихъ послѣднихъ. Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири, донося о семъ въ свое время Министру Иностранныхъ Дѣлъ и поставляя на видъ новыя настоянія извѣстнаго султана Сюка Аблайханова(*) объ открытіи у него округа за Балхашемъ на Караталѣ, испрашивалъ разрѣшенія,—должно ли держаться прежней мысли о образованіи тѣхъ частей степи, кои лежатъ за чертою, въ 1822 году опредѣленною, и должно ли выдать означенныхъ перешедшихъ къ намъ киргизовъ, если-бы китайцы того потребовали. Вице-Канцлеръ по Высочайшему повелѣнію отвѣчалъ: на первое, что въ сохраненіе пріязни съ китайцами и наипаче по положенію дѣлъ въ Европѣ необходимость требуетъ воздержаться отъ всякаго новаго предпріятія въ отдаленныхъ частяхъ Сибирскихъ степей, что требованіе султана Сюка Аблайханова надлежитъ отклонить и что, между прочимъ, правительство—лишь только обстоятельства позволятъ—не преминетъ заняться дальнѣйшими по оному предмету распоряженіями; на второе, что китайцы, вѣроятно, будутъ равнодушно смотрѣть на перешедшихъ къ намъ киргизовъ, если-же бы они отнеслись о семъ къ Генералъ-Губернатору, то, не входя ни въ какія объясненія съ ними, отвѣчать, что донесено будетъ Высочайшему двору и дано будетъ имъ извѣщеніе. На сей то отзывъ Вице-Канцлера Генералъ-Губернаторъ нынѣ доноситъ, что до сихъ поръ (13 ноября) нѣтъ никакого протеста со стороны пограничныхъ китайскихъ чиновниковъ о перешедшихъ къ намъ 7500 кибит».

(*) «Султанъ сей есть сынъ Аблая, бывшаго хана сибирскихъ киргизовъ, умершаго въ 1781 году, братъ хана Вали и дяди Габайдуллы, домогавшагося въ 1826 году ханства послѣ отца. Онъ носитъ чинъ 8 класса. Еще въ началѣ 1819 года покойный Государь приказалъ построить для него домъ и мечеть въ кочевьяхъ его на восточной сторонѣ озера Балхашъ при урочищѣ Семь рѣкъ, но предположеніе сіе не могло быть исполнено частью потому, что вскорѣ послѣ того принятъ иной планъ образованія степи нашихъ киргизовъ, частью по извѣданной впослѣдствіи слабости вліянія его на тѣ 50000 киргизовъ, кои считаются ему подвластными, частію же и потому, что временныя постройки, отрядомъ нашимъ въ 1825 году сдѣланныя близъ кочевьевъ его на рѣкѣ Караталѣ (внѣ предѣловъ Омской области), Китайскому Правительству не понравились».

свиданіяхъ нашихъ разъѣздныхъ съ китайскими, чиновники сихъ послѣднихъ говорили (укоряли), будто сіе урочище, два года постоянно занимаемое нашими караулами, «принадлежитъ Китаю, а граница наша «должна быть позади сего урочища и рѣчки сего имени, за Колбинскими горами», и просили нашихъ временныя строенія, для карауловъ сдѣланныя, перенести за сіи горы. Нашъ отрядный начальникъ отвѣчалъ имъ; что безъ особаго приказанія отъ своего начальства онъ сдѣлать сего не можетъ. Были даже слухи между киргизами, что китайцы изъ Чугучака намѣревались послать до тысячи человѣкъ, чтобъ согнать нашихъ съ сего урочища, но слухи сіи оказались ложными и отрядъ нашъ доселѣ тамъ. 2) Въ 1831 году китайцы противъ означеннаго урочища верстъ на 40 и 45 отъ настоящей ихъ границы выдвинули въ нашу степь въ двухъ мѣстахъ свои караулы и разъѣздами своими обогнули значительную полосу земли и озеро Балыклы (Балыклы-куль), никогда имъ не принадлежавшія. 3) Въ числѣ разныхъ киргизскихъ родовъ, составляющихъ Среднюю (Сибирскую) орду находятся аулы султана Сарта Ючина, издавна кочующаго на рѣкѣ Аягузѣ, разстояніемъ около 240 верстъ отъ рѣки Каратала, т. е. отъ того мѣста, которое въ 1825 году китайцы считали своею границею. Сей султанъ для утвержденія своей власти и для охраненія его ауловъ отъ баранты и нападенія другихъ киргизовъ, многократно домогался, чтобъ на семъ урочищѣ открыто было наше Окружное Управленіе. Какъ аулы сіи всегда принадлежали къ Средней ордѣ, намъ подвластной, и какъ ханы, владѣвшіе сею ордою, по присягѣ ихъ считались всегда и съ народомъ ихъ въ нашемъ подданствѣ и какъ султанъ Сартъ Ючинъ снова еще подтвердилъ сію присягу за себя и народъ свой, то и не предстояло никакого препятствія удовлетворить его просьбѣ устройствомъ въ урочищѣ, имъ занимаемомъ, Окружнаго Управленія, тѣмъ болѣе, что урочище сіе лежитъ на торговыхъ нашихъ сообщеніяхъ съ Чугучакомъ и другими городами, и для безопасности нашихъ каравановъ нужно было установить твердое и постоянное въ сихъ аулахъ управленіе. По симъ уваженіемъ, неоднократно отъ Генералъ-Губернатора Вельяминова изъявленнымъ, въ 1830 году послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе открыть въ означенномъ мѣстѣ округъ,

что и исполнено и Окружное Управленіе устроено. Нынѣ открылось слѣдующее обстоятельство: султанъ Сартъ Ючинъ, глава и начальникъ сего округа, хотя принадлежалъ всегда къ Средней ордѣ и какъ по присягѣ прежнихъ хановъ, такъ и по собственной своей состоялъ въ нашемъ подданствѣ, состоялъ въ тоже время въ покровительствѣ и у Китайскаго Правительства и имѣлъ отъ онаго чинъ Гуна (маіора)— обстоятельство, которое было начальству нашему не извѣстно и которое, впрочемъ, въ Ордѣ весьма обыкновенно, ибо для удобности и права торговли въ пограничныхъ китайскихъ городахъ не только многіе султаны, но и самые прежніе ханы, бывъ нашими подданными, въ то же время скрытно отъ насъ снискивали себѣ покровительство китайцевъ. Сей родъ двоедан ства, для выгодъ торговли, всегда былъ терпимъ или покрываемъ молчаніемъ со стороны нашего Правительства, такъ какъ и со стороны Китайскаго не было никогда предъявляемо притязанія на то, что султаны, бывшіе въ ихъ покровительствѣ, состояли въ то же время въ нашемъ подданствѣ. Нынѣ Генералъ-Губернаторъ донесъ, что пограничные китайскіе начальники въ письмѣ къ султану Ючину укоряютъ его, что бывъ китайскимъ гуномъ, онъ принялъ къ себѣ русскихъ и дозволяетъ имъ у себя поселиться(²) и предписываютъ ему обратить русскихъ въ Русь. Письмо сіе самимъ султаномъ немедленно было представлено нашему начальству. Изъ содер-

(²) «Въ семъ письмѣ, исполненномъ грубости, пограничные китайскіе чиновники пишутъ, что русскіе никогда не жили на мѣстахъ ихъ Государя, что Сартъ долженъ умѣть управлять своимъ народомъ самъ, что если онъ привелъ къ себѣ русскихъ, то послѣ сего онъ безумецъ, что предки его пользовались вниманіемъ Китайскаго Двора, посили по наслѣдству чинъ Гуна и не призывали къ себѣ русскихъ, что онъ разрушилъ вниманіе ихъ Государя, срамитъ своихъ предковъ, что о населеніи русскихъ извѣстны одни кульджинскіе правители и наконецъ: «а какъ русскіе по правую сторону Лягуза еще не завели «селеніе, для согнанія коихъ люди еще не посланы—то извѣщаемъ «тебя симъ предварительно, какъ безумнаго, съ тѣмъ, дабы ты рус«скихъ въ то же время, какъ получилъ сіе писаніе, обратилъ на пер«воначальное мѣсто (т. е. въ Русь). Киргизцами управляй ты строго, «дабы они имѣли пребываніе въ спокойствіи и веселомъ расположеніи. «Никогда не располагай дѣлать нарушенія, веди себя хорошо«.

жанія и изъ самыхъ словъ его, между прочимъ видно, что обстоятельство, подавшее къ нему поводъ, извѣстно только одному мѣстному ихъ пограничному начальству въ Кульджѣ и не дошло еще до свѣдѣнія Китайскаго Правительства

«Генералъ-Губернаторъ, донося о семъ, представилъ, что послѣ извѣстной переписки съ Китайскимъ Правительствомъ о разныхъ временныхъ построеніяхъ на рѣкѣ Караталѣ въ 1825 году, отр домъ нашимъ сдѣланныхъ, и по домогательству китайцевъ въ 1826 году снятыхъ, казалось, что китайцы считаютъ Караталъ пограничною чертою съ нами на юго-востокъ, но изъ письма ихъ къ султану Сарту видно, что они (по крайней мѣрѣ ихъ пограничные чиновники) и рѣку Аягузъ не считаютъ границею нашею, а на сѣверѣ отодвигаютъ насъ за Колбинскія горы. По сему Генералъ-Губернаторъ представлялъ: 1) не нужно ли снестись съ Китайскимъ трибуналомъ о положеніи съ сей стороны границъ опредѣлительныхъ, 2) въ случаѣ, если китайцы безъ предварительныхъ сношеній въ самомъ дѣлѣ прислали военную силу (чего однако-же Генералъ-Губернаторъ не предполагаетъ), чтобы согнать насъ съ Аягуза и съ урочища Кокпекты, постоянно нами занимаемыхъ, уступить ли имъ сіи мѣста, или, въ случаѣ нападенія со стороны ихъ на наши передовые отряды, отражать ихъ силою?

«Сибирскій и Азіатскій Комитеты, въ соединенномъ засѣданіи, выслушавъ какъ сіе донесеніе, такъ и свѣдѣнія о границахъ нашихъ съ китайцами, о населеніи и удобствахъ той части нашей степи, на которую изъявлены пограничными ихъ чиновниками притязанія(3), на-

(3) «А. О границахъ. Точныя границы наши съ Китаемъ доселѣ опредѣлены только, 1) отъ Горбицы до верховья Аргуни въ 1689 г. Нерчинскимъ трактатомъ и, 2) отъ верховьевъ Аргуни до Шабин-Дабага (маяка между верховьями Абакана и Енисея) трактатомъ Бурнинскимъ въ 1727 году. Граница отъ Горбицы до Восточнаго океана также опредѣлена трактатомъ 1689 года, но не съ тою точностію, какъ вышеозначенныя. Она опредѣлена однимъ главнымъ признакомъ—хребтомъ Каменныхъ горъ, извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ Яблоноваго или Станового: всѣ рѣки, изливающіяся изъ сего хребта на сѣверъ—суть наши, на югъ—китайскія. Въ 1689 году ни съ нашей, ни съ ихъ

ходили: 1) что положить въ сей части киргизскихъ степей твердыя границы, въ пресѣченіе возникающихъ споровъ, было бы полезно, но приступить къ открытію формальныхъ о семъ сношеній съ Китайскимъ Правительствомъ по одному словесному разговору нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновниковъ ихъ пограничной стражи, или по письму ихъ къ частному лицу, не было бы ни приличія, ни удобства. 2) Что изъ прежней формальной нашей переписки съ Китайскимъ Трибуналомъ о временныхъ строеніяхъ на рѣкѣ Караталѣ Китайскому Правительству

стороны не была сія граница обозрѣна въ натурѣ, и потому постановлено было приступить къ дѣйствительному размежеванію не прежде, какъ по собраніи мѣстныхъ свѣдѣній. На семъ дѣло остановилось до нынѣ. Граница отъ Шабинъ-Дабага къ западу не могла быть опредѣлена китайцами въ 1727 году; симъ пунктомъ оканчивались тогда изъ завоеванія на сѣверо-западѣ. Отъ сей точки до рѣки Или (впадающей въ Балхашъ) кочевали тогда независимыя отъ нихъ племена калмыковъ и другіе остатки народовъ монгольскихъ, извѣстные намъ подъ китайскимъ названіемъ Дзюнгъ-Оръ (лѣвое крыло, т. е. лѣвое крыло тѣхъ монголовъ, кои громили Китай). Китайское Правительство, испросивъ у нашего Двора согласіе черезъ особенное посольство въ Москву (въ 1731 году), покорило сіи племена не прежде, какъ въ 1755 году. Съ сего времени китайцы перенесли свои прежнія границы отъ Шабинъ-Дабага на нынѣшнія мѣста и устроили на нихъ города и разныя цѣпи карауловъ безъ всякихъ сношеній съ нами, забывъ обѣщаніе, черезъословъ данное, раздѣлить съ нами сіи завоеванныя земли, положивъ преграду образованнымъ народамъ Средней Азіи(*) вести торговлю съ нами—потеря которой для Западной Сибири весьма значительна, и вскорѣ потомъ безнаказанно нарушивъ трактаты формальнымъ пріемомъ полумилліона нашихъ волжскихъ бѣглецовъ(**).

«Б. О восточной полосѣ степи Сибирскихъ киргизовъ, прилегающей къ западнымъ границамъ китайскимъ. Полоса сія есть одна изъ лучшихъ въ нашей степи по удобствамъ для торговыхъ путей. Вѣрноподданныхъ киргизовъ на ней считается болѣе 30 т. кибитокъ или (считая по 4 души въ кибиткѣ) до 120,000 душъ».

(*) Тибетъ, Кашгарія и др.

(**) 170,000 кибитокъ калмыковъ въ 1771 году.

извѣстенъ уже рѣшительный нашъ отзывъ, что мы и сіе урочище (отъ Аягуза въ 240 верстахъ отстоящее) не признаемъ принадлежащимъ Китаю. На сей отзывъ по сіе время, въ теченіе 4 лѣтъ, не сдѣлано отъ Трибунала ни малѣйшаго возраженія, изъ чего заключать должно что Трибуналъ сей имѣетъ не тѣ понятія о границахъ, какія предъявляются мѣстною пограничною стражею. 3) Что по извѣстной осмотрительности Китайскаго Правительства никакъ нельзя предполагать, чтобы безъ предварительныхъ оффиціальныхъ сношеній оно позволило своей пограничной стражѣ сдѣлать какое либо насиліе нашимъ отрядамъ.

«По сему Сибирскій и Азіатскій Комитеты полагали:

«I) Въ формальныя сношенія съ Китайскимъ Правительствомъ о границахъ киргизскихъ не входить, доколѣ оно не отнесется къ намъ о семъ предметѣ само, или черезъ Трибуналъ, или посредствомъ сношеній съ Иркутскимъ Губернаторомъ.

«II) Генералъ-Губернатору Западной Сибири предписать:

«1) Отряды нашей стражи содержать на урочищѣ Кокпекты и въ Аягузскомъ округѣ на нынѣшнихъ мѣстахъ, не придвигая ихъ далѣе къ цѣпи карауловъ китайскихъ, безъ особеннаго на то разрѣшенія.

«2) Если бы, сверхъ всякаго чаянія, китайская пограничная стража, безъ объясненій Китайскаго Правительства, вздумала силою принудить отряды наши оставить занимаемыя нынѣ мѣста,—то принимая сей поступокъ не дѣйствіемъ Правительства, но единственно самоуправствомъ мѣстнаго подчиненнаго начальства, съ твердостію изъяснить ему, что бывъ въ мирѣ и дружбѣ съ Китайскимъ государствомъ наша мѣстная стража имѣетъ строгое повелѣніе, съ одной стороны, ничѣмъ не нарушать сего мира, а съ другой, и не отступать отъ занятыхъ мѣстъ безъ взаимныхъ формальныхъ между обоими Правительствами сношеній. Если же бы паче всякаго чаянія и сіи изъясненія остались безъ дѣйствія, то не иначе отступить, какъ развѣ въ случаѣ превосходства силъ.

«Въ 9-й день генваря 1832 года журналъ о семъ Общаго Присутствія Комитетовъ Сибирскаго и Азіатскаго удостоенъ Высочайшаго разсмотрѣнія.

«Комитеты (14 генваря 1832 г.) опредѣлили: сообщить выписки изъ журнала Генералъ-Губернатору Западной Сибири къ исполненію, а Вице-Канцлеру и Генералъ-Губернатору Восточной Сибири къ свѣдѣнію».

3.

«Обязанности Старшаго султана въ Округѣ».

«Старшій султанъ, коему ввѣряется отъ Правительства мѣстное управленіе, распоряжаетъ всѣми способами къ сохраненію тишины и порядка, къ достиженію благосостоянія подвѣдомственныхъ ему людей.

«Всѣ дѣла производитъ Старшій султанъ чрезъ Окружный Приказъ, и такъ какъ всѣ султаны, управляющіе волостями, состоятъ въ его зависимости, то онъ долженъ употреблять всѣ возможныя мѣры, дабы во всѣхъ волостяхъ сохранялся надлежащій порядокъ, спокойствіе и точное исполненіе постановленій, а какъ за безпорядки и своевольство киргизовъ отвѣчаютъ султаны, то на немъ, какъ главномъ лицѣ, избранномъ народомъ и утвержденномъ Правительствомъ, лежитъ прямая обязанность и отвѣтственность за допущеніе безпорядковъ и нарушеніе тишины, кои предусмотрительностію его и благоразумными мѣрами могутъ быть отклоняемы.

«Онъ обязанъ внушать султанамъ, біямъ и почетнымъ киргизамъ, что установленный Правительствомъ порядокъ есть собственно для блага и пользы народа и что Начальство заботится собственно для сохраненія между ими спокойствія и оказанія надлежащаго пособія и защиты.

«Какъ баранта почитается грабежемъ и за оную, какъ равно и за убійство, виновные неослабно преслѣдуются и строго наказываются, то онъ обязанъ употребить все благоразуміе къ истолкованію кир-

гизамъ вредныхъ отъ того послѣдствій и стараться всемѣрно отклонять ихъ отъ таковыхъ поступковъ, дѣйствуя преимущественно внушеніемъ этого султанамъ, которые, какъ старшіе въ родѣ, должны подавать собою примѣръ и предупреждать вредное намѣреніе каждаго, стараясь имѣть о томъ свѣдѣнія.

«За охраненіемъ слѣдованія каравановъ и производимой въ степи торговли онъ также долженъ имѣть наблюденіе и стараться отклонять дѣлаемые грабежи. Къ его обязанности относится особенная заботливость о защитѣ и покровительствѣ народа его округа, дабы оному не было дѣлаемо обидъ и притѣсненій, а также зависящее распоряженіе къ вспомоществованію бѣднымъ, предоставляя имъ средства къ пріисканію работъ, для снисканія себѣ пропитанія.

«Старшій султанъ долженъ стараться знать въ точности всѣ постановленія, изложенныя въ сводѣ законовъ, для управленія сибирскими киргизам , дабы, руководствуясь ими, могъ быть истиннымъ представителемъ при управленіи народа и, отстраняя отъ себя всѣ виды и собственныя выгоды, быть справедливымъ защитникомъ онаго.

«Какъ содержаніе духовенства вообще возлагается на попеченіе султановъ, то Старшій султанъ долженъ заботиться о предложеніи общаго пособія, чрезъ волостныхъ управителей, добровольнымъ приношеніемъ для того народа».

«Обязанности султана, управляющаго волостью».

Султанъ, управляя волостью, долженъ заботиться объ охраненіи общей и частной безопасности и вообще о спокойствіи и тишинѣ, ибо на основаніи законовъ, за безпорядки и своевольство киргизовъ онъ непосредственно отвѣтствуетъ. Если же султанъ будетъ обличенъ въ попущеніи грабежей или барантьі, а еще болѣе въ участіи въ томъ, то немедленно предается суду.

«Для производства дѣлъ при султанѣ назначается состоять постоянно письмоводитель или толмачъ, за недостаткомъ имѣть обоихъ, который передастъ ему всѣ распоряженія Приказа, письменно присылае-

мыя. Всѣ свѣдѣнія, потребныя Приказу, непосредственно доставляются отъ султановъ, и потому должны они собирать оныя лично по своей волости и доносить Приказу, къ чему султаны, если безграмотны, то прикладываютъ свою печать, а скрѣпляетъ письмоводитель или толмачъ. Султаны мимо своего Приказа не должны производить никакихъ письменныхъ сношеній, исключая жалобъ на самый Приказъ.

«Извѣстясь о вредномъ гдѣ-либо покушеніи, султаны немедленно извѣщаютъ Приказъ и требуютъ его пособій, но запрещается имъ мстить и дѣлать поиски прямо чрезъ подвѣдомственныхъ имъ киргизъ.

Старшинами въ аулахъ султаны распоряжаются словесно и не посылаютъ къ нимъ никакихъ бумагъ, кромѣ всенародныхъ объявленій, если таковыя будутъ получены отъ Приказа.

«Сборъ ясака въ назначенное время должны дѣлать сами лично султаны, управляющіе волостью, по исчисленію, которое имъ доставится отъ Приказа, и по окончаніи сбора доставлять таковой въ Приказъ самимъ, гдѣ сдавъ получить надлежащую квитанцію (толмачамъ же или торговцамъ для доставленія ясака въ Приказъ, какъ это дѣлалось донынѣ въ нѣкоторыхъ волостяхъ, не допускать). Нарядъ лошадей въ подводы должны не иначе дѣлать султаны какъ по предъявленіи имъ отъ Приказа письменнаго вида, безъ коего не давать ни кому, и ежели кто будетъ дѣлать вымогательныя требованія, то о таковомъ тотчасъ доносить въ Приказъ; о перемѣнѣ лошадей въ аулахъ своей волости можетъ дѣлать самъ султанъ, но въ другой волости распоряжать не имѣетъ права; при этомъ онъ долженъ строго наблюдать, дабы даваемыя въ подводы лошади были аккуратно возвращены и далѣе означеннаго мѣста не гнаты, въ противномъ случаѣ доносить Приказу, но если скоро не получитъ отъ него удовлетворенія, то можетъ жаловаться на то Пограничному Управленію, которое не упуститъ взыскать съ виновныхъ; лошадей же назначаютъ сами султаны, управляющіе волостію, или по ихъ приказанію аульные старшины, а ни кто не въ правѣ выбирать самъ изъ табуновъ.

«Торговцы, производящіе торговлю между киргизами, могутъ продавать свои товары въ волости, но не иначе, какъ съ дозволенія сул-

тана, управляющаго оной, который о таковомъ дозволеніи увѣдомляетъ Приказъ съ донесеніемъ, на какую сумму денегъ продавецъ имѣетъ товаровъ, при чемъ онъ долженъ наблюдать, чтобы торговцы не стѣсняли и не дѣлали обидъ и обману киргизамъ при продажѣ товаровъ и размѣнѣ съ ними.

«При проходѣ каравановъ, султаны обязаны наблюдать за охраненіемъ ихъ въ расположеніи своихъ волостей такъ, чтобы они могли всегда слѣдовать безопасно и производить мѣну товаровъ, если того пожелаютъ.

«Если жалобы отъ проходящихъ каравановъ русскихъ и другихъ торговцевъ будутъ приносимы султану, то онъ долженъ дать имъ установленный ходъ, донесеніемъ въ Приказъ, и оказать надлежащую защиту.

«Всѣ распоряженія Приказа долженъ султанъ исполнять въ точности и безъ замедленія. За неповиновеніе же Окружному Приказу и за непозволительныя сношенія съ иноземцами предается суду».

4.

«Волостному Управителю N»

«Хотя я отъ 6 ноября 1843 года и сдѣлалъ чрезъ Пограничное Управленіе Сибирскими киргизами распоряженіе, чтобы состоящихъ при Окружныхъ Приказахъ чиновниковъ и другихъ служащихъ лицъ, командируемыхъ Приказами по дѣламъ службы въ киргизскія волости, возили киргизы на своихъ лошадяхъ отъ одного аула до другого, такъ какъ эта обязанность закономъ возложена собственно на киргизъ, но не иначе, какъ по письменнымъ отъ Приказа видамъ; но, я, желая совершенно прекратить безпорядки, въ отношеніи разъѣздовъ служащихъ лицъ по волостямъ, которыя въ прежнее время вкрадывались, предписываю Вамъ къ точному и непремѣнному исполненію слѣдующее:

объявить всѣмъ аульнымъ старшинамъ, чтобы они проѣзжающимъ по волостямъ служащимъ, какъ то: засѣдателямъ, толмачамъ, султанскимъ письмоводителямъ и другимъ чинамъ давали киргизскихъ лошадей подъ проѣздъ ихъ тогда только, когда они представятъ на то письменный отъ Приказа видъ, и то самое число, какое въ немъ обозначено, въ противномъ же случаѣ имъ лошадей не давать, а должны они о томъ доводить до свѣдѣнія Вашего, Вы же обязываетесь доносить Приказу, для дальнѣйшаго представленія высшему Начальству, для взысканія съ дозволявшаго себѣ разъѣзжать на киргизскихъ лошадяхъ безъ письменнаго вида.

«Если же со стороны Вашей будетъ допущено малѣйшее въ томъ послабленіе изъ благопріятства къ кому-либо, то Вы подвергнетесь взысканію, ибо распоряженіе мое по этому предмету клонится къ тому, чтобы киргизы не были ни въ чемъ угнетаемы».

5.

Приводимыя свѣдѣнія о киргизскихъ волостяхъ Кокпектинскаго и Аягузскаго округовъ заимствованы изъ особаго рода дѣлъ съ заголовкомъ «Исчисленіе киргизъ и скоту», хранящихся въ архивѣ Семипалатинскаго Областного Правленія подъ №№ 1662, 1664, 1666, 1667, 1672, 1673 и 1674.

А. Свѣдѣнія о волостяхъ Кокпептинскаго округа по исчисленію, произведенному въ 1844 г. засѣдателемъ Сухомлиновымъ.

(изъ д. № 1674).

I) Терстамгалы-Найманская волость.

Волостной Управитель—бій Кутюкъ Байбуловъ.

Въ волости 8 ауловъ (административныхъ старшинствъ), 1029 кибитокъ, 2455 душъ м. п., 2059 ж. п., скота: лошадей 3484, рогатаго 1261, барановъ 10713.

Составъ волости:	*Число кибит.*	*Кто изъ находится въ отлучкѣ.*
Султаны: Муржекбай Ханбабинъ съ сыновьями Бекень Бултруковъ съ бр.	7	
Тюленгуты ихъ изъ отд. Актагызъ и Тобуклинской волости	6	
Аулы: 1) Отдѣленіе Кожегель подраздѣленіе Сатыбалды	100	18
2) ,, Сатій	86	18
3) ,, Тойбике ,, Джарылганъ	81	19
4) ,, Айткулъ	126	21
5) ,, Есергенъ	91	24
6) отд. Актагызъ под. Айбасъ ,, Калматай ,, Кара	162	85
7) отд. Тюртъ-кара подразд. Сарымергень ,, Чагыръ ,, Бектемисъ ,, Карамергень ,, Джантайлякъ ,, Таусаръ ,, Тюлекъ ,, Чортонбай	198	110
8) Отд. Джаманъ-Терстамгалы подр Джаныбекъ ,, Оразъ	172	80
	1029	375

2 въ г. Семипалатинскѣ, 6 около него, 14 въ г. Устькаменогорскѣ, 68 противъ форпоста Лодонскаго, 35 противъ ф. Семирскаго, 7 около ф. Песчанаго, 4 около ф. Имышевскаго, 43 около редута Глуховскаго, 20 въ р. Барашевскомъ, 17—ф. Антоніевскомъ, 12—р. Уваровскомъ, 8—ф. Убинскомъ, 2—ф. Плоскій маякъ, 1—кр. Бухтарминской, 5—ф. В.-Алейскомъ, 1—ф. Защита, 1—ф. М.-Нарымскомъ, 1—ф. Краснояръскомъ, 45—деревнѣ Глубокой, 8—д. Секисовкѣ, 15—д. Прапорщиковой, 10—д. Красноярской, по 3 въ дд. Выдрихѣ, Каменкѣ, Тарханкѣ, Кабанихъ и Березовкѣ, по 2 въ дд. Лосихѣ и Барашевской, по 1 въ дд. Быструхѣ, Убинской, Уваровской, Согрѣ и Бобровкѣ, 19 въ Муруновскихъ водостяхъ, 2—Бура-Наймапской в., 1—Акмолинскомъ округѣ и 4 въ Китаѣ.

II) Кондубай-Бура-Найманская волость.

Волостной Управитель—султанъ Якупъ Клычевъ.

Въ волости 4 аула, 691 киб., 1475 д. м. п., 1189 ж. п., скота: лошадей 2558, рогатаго 808, барановъ 4880.

Составъ волости:	Число кибит.		Кто гдѣ находится въ отлучкѣ.
Султанъ Якупъ Клычевъ	1		47 въ г. Семипалат., 7 около него, 44 въ ф. Глуховск., 25 — ф. Глубокомъ, 9 — р. Бѣлокаменск., 3-ф. Чарышъ, 2-р. Ст.-Семипалат., 1-ф. Шульбинск., 3-р. Галицк., 3-ф. Краснопрск., 2-р. Ышпорск., 61 въ кр. сел. (дд. Стеклянск., Пятницкой, Стрелецкой, Екатерининской, Каменкѣ, Озеркахъ, Кабанихъ, Чарышъ, Краснорѣчкой и Новой). 16 на Бѣлыгачѣ, 1 въ Терстамгалинской в., 5—Мурунов. в.в., 3—Алтуэскомъ ок. и 5—Карагалинскомъ.
Аулы: 1) Отд. Алтыкысы подр. Алдіаръ	125	68	
2) „ Джіеналы	190	78	
3) отд. Джанкысы подр. Назарымбеть	192	21	
4) „ Конакай	183	72	
	691	239	

III. Конекъ-Терстамгалы-Найманская волость.

Волостной Управитель—бій Койкуй Бекмурзинъ.

Въ волости 8 ауловъ, 824 киб. 1772 д. м. п. 1497 ж. п., скота: лошадей 3186, рогатаго 1588, барановъ 5571.

Составъ волости:	Число кибит.		Кто гдѣ находится въ отлучкѣ.
Аулы: 1) Отд. Конекъ подр. Назаръ	69	—	13 въ г. Семипалатинскѣ, 4 около него, 6 около Семип. Зар. Слободки, 2 въ Устьсаменогорскѣ, 9—ф. Долонскомъ, 18 около него, 90 противъ него, 6 около ф. Глуховскаго, 4 въ р. Бѣлокаменскомъ, 81 противъ р. Черемшанскаго, 2 въ р. Ба-
2) „ Есенбай	53	—	
3) „ Ельтокъ	79	4	
4) отд. Ельтень подр. Кулбай	115	80	
„ Толбай			

5)	,,	Ченпангулъ	104	104
	рода	Алчинъ	13	13
	?	Бокунбай	62	62
6)	?	Карабій	61	8
	изъ Матаевской вол.		9	—
	изъ Киреевской вол.		3	—
	?	Баймурза	43	43
7)	Отд. Чурчуитъ подр.	Чирубай	118	8
	,,	Куттумбеть		
	,,	Казыбай		
8)	,,	Ильгонды	95	5
	,,	Кичубай		
			824	327

рашевскомъ, 13 около р. Подпускного, 1 въ р. Известковомъ, 43 между р.р. Бѣлокаменскимъ и Глуховскимъ, 4 въ д. Стеклинкѣ, 15 около нея, 6 въ дд. Глубокой, Быстрихѣ и Секисовкѣ, 10—Муруновскихъ волостяхъ.

*IV. Бура-Найманов**с**кая волость.*

Волостной управитель—бій Чока Тугульбаевъ.

Въ волости 5 ауловъ, 889 киб., 1838 д. м. п., 1465 ж. п., скота: лошадей 3211, рогатаго 2101, барановъ 11198.

Составъ волости:			*Число кибит.*	*Кто гдѣ находится въ отлучкѣ.*
Аулы: 1)	Отд. Актазъ подр.	Есеналы	149	112
2)	?	рода Курманъ	75	51
	?	рода Джіеналы	52	24
	?	рода Кыдралы	69	52
3)	?	рода Сентымбеть	9	9
	?	рода Сакавъ	45	41
	?	рода Карача	16	16

18 въ г. Семипалатинскѣ, 3 около него, 7 около Семип. Зарѣчн. Слободки, 6 около кр. Ямышевской, 5 около нея, 4 противъ ф. Песчанаго, 3 въ ф. Долонскомъ, 6 около него, 4 противъ него, 1 въ ф. Семйрскомъ, 4 около него, 15 противъ него, 112 около ф. Кориковскаго, 8 около ф. Черлаковскаго, 11 пр. р. Куршого, 21 въ р. Гра-

	? рода Рысымбеть	4	—
	? рода Джаубасаръ	34	34
4)	Отд. Каратасъ подр. Урусъ	71	10
	,, Медеть	47	47
	,, Джарылганъ	42	21
	,, Балтеке	19	19
5)	,, Джамагулъ	78	27
	,, Джанагулъ	114	101
	,, Койбагаръ	51	22
	,, Байджайляу	14	10
		889	596

чевскомъ, 5 около него, 135 пр. него, 2 въ р. Черемуховскомъ, 3 около него, 7 пр. него, 7 въ р. Подпускномъ, 32 около него, 1 пр. р. Глухого, 2 около р. Чернаго, 12 въ р. Извесковомъ, 1 въ р. Черноярскомъ, 1—р. Пяноярскомъ, 6--р. Бѣлокаменскомъ, 35 пр. него, 68 въ кр. селеніяхъ (д.д. Глубокой, Краснояркой, Убинской, Подовинкиной, Шемонаихѣ, Стекляникѣ, Звѣякиной, Бѣлой), 4 въ Мурунов. в.в., 20—проч. киргиз. в.в., 4 на Боль-агачѣ, 3 въ Каркарал. окр., 9—Алтузскомъ, 11—Баянъ-Аульскомъ.

V. *Сиванъ-Киреевская волость.*

Волостной управитель— ?

Въ волости 2 аула, 404 киб., 798 д. м. п., 758 ж. п., скота: лошадей 3596, рогатаго 1191, барановъ 10042.

Составъ волости:	*Число кибит.*	*Кто гдѣ находится въ отлучкѣ.*
Султанъ Нуралы Чорегаевъ(?) съ сын.	3	—
Аулы: 1) Отд. Андабай подр. Кенжебай	42	13
,, Куттубай	73	28
,, Корлубай	17	14
,, Ольджагулъ	13	12
2) Отд. Алибекъ подр. Кучукъ	60	18
,, Коставлеть	36	13
,, Кобей	49	27
Отд. Абакъ подр. Итиле	9	1
,, Сарыбасъ	29	29

2 въ г. Семипалатинскѣ, 5—Устькаменогорскѣ, 52—р. Антоніевскомъ, 2--р. Катунскомъ, 7—ф. Убинскомъ, 9—ф. В.-Алейскомъ, 1--р. Плоскомъ, 49—р. Пяноярскомъ, 83 въ кр. селеніяхъ (д.д. Выдрихѣ, Уваровской, Звѣякиной, Бородулихѣ, Устьинской, Убинской, Баращкахъ, Коробейниковой, Гилевой, Шемонаихѣ, Павлинкѣ, Шульбинской, В.-Алейской, Курганской, Карповкѣ, Николаевкѣ, Колманкиной, Бѣлоглазовой, Перерывѣ, Большерѣченской.

Отд. Кучумбеть подр.	Байсары	50	50	ской, Чипчунхиной, Красноярск.), 3 въ Муругов. в.в., 9-др. кирг. в.в., 4 на Бельтатчѣ и 2 въ Ангузскомъ округѣ.
,,	Рыспай	8	8	
,,	Конурбай	15	15	
		404	228	

VI. Тлесъ-Матаевская волость.

Волостной управитель—бій Балпетеръ Мынгатовъ.

Въ волости 3 аула, 241 киб., 583 д. м. п., 505 ж. п., скота: лошадей 934, рогатаго 402, барановъ 5565.

Составъ волости:		*Число кибит.*	*Кто гдѣ находится въ отлучкѣ.*	
Аулы: 1) Отд. Куттумбеть подр.	Джаманке	73	5	2 въ г. Семипалатинскѣ, 1—р. Бышоярскомъ, 1—р. В.-Алейскомъ, 1 около Аркатского пикета, 9 въ кр. сел. (д.д. Жерновкѣ, Березовкѣ, Вавиловкѣ, Локтѣ, Выдрихѣ, Власовой, Бобровкѣ), 3 на Бельтатчѣ, 1 въ Муругов. в., 5—др. кирг. в.в.
2) ,,	Токтогуртъ	36	3	
,,	Джаманай	49	2	
3) ,,	Кыйгылыкъ	49	10	
,,	Джаилмысъ	34	3	
		241	23	

VII. Джуватей-Бура-Наймановская волость.

Волостной управитель—султанъ Ибрагимъ Клычевъ.

Въ волости 5 ауловъ, 801 киб., 1897 д. м. п., 1429 ж. п., скота: лошадей 2985, рогатаго 1919, барановъ 11919.

Составъ волости:	*Число кибит.*	*Кто гдѣ находится въ отлучкѣ.*
Султаны: Ибрагимъ Клычевъ съ бр. Тауке Досановъ съ родств. Джолтобаръ Буринъ и Сарылманъ Балатаевъ	12	—

Тюленгуты ихъ изъ калмыковъ и кара-калпаковъ	37	—
Аулы: 1) Отд. Джуватей подр. Байсары	68	34
,, Каракулъ	110	23
2) Отд. Алтыбай подр. Чоканакъ	58	19
,, Карабасъ	42	16
3) Отд. Кудайкулъ под. Аралбай	31	—
,, Кельдыгулъ	45	1
,, Сексень	28	—
4) ,, Танеке	47	10
,, Чурокъ	23	2
,, Тогузакъ	23	—
,, Чока	11	2
,, Есенгулъ	30	2
5) Отд. Дурбеулъ подр. Кангулъ	103	47
,, Ушпукъ	48	26
,, Султангулъ	38	27
,, Кара	43	40
,, Кожай	4	—
	801	249

1 въ г. Семипалатинскѣ, 4—Устькаменогорскѣ, 5—Кокпектахъ, 2 около Семиз-Зарѣчной Слободки, 6 въ р. Красноярскомъ, 3—р. Барашевскомъ, 1—ф. Убинскомъ, 20—ф. Семирскомъ, 6—кр. Ямышевской, 1—р. Песчаномъ, 2 противъ р. Дзонскаго, 35 въ Ангузскомъ окр., 49 въ кр. селеніяхъ (д.д. Березовкѣ, Лосихѣ, Шепелевой, 3Бакинной Тархановкѣ, Красноярской, Бобровкѣ, Согрѣ, Плоской, Прапорщиковой, Власовой, Черемуховской, Глубокой), 89 въ Мурунов. в.в., 4—Байджигитскихъ, 21—др. киргиз. в.в.

VIII. Сарджумартъ-Найматовская волость.

Волостной управитель—бій Алимханъ Тлеубердинъ.

Въ волости 7 ауловъ, 1246 киб., 3327 д. м. п., 2726 ж. п., скота: лошадей 5808, рогатаго 2353, барановъ 20395.

Составъ волости.	*Число кибит.*	*Кто гдѣ находится въ отлучкѣ.*
Аулы: 1) Отд. Досумбеть подр. Мамбеть	44	7
,, Тюлкубай	27	3

,, Бекбулатъ	40	5
,, Ніязъ	23	9
,, Байбулъ	87	12
,, Кыйсыкъ	16	—
изъ Матаевскихъ в.в.	15	—
2) Отд. Бекберды подр. Чоткара	100	25
,, Кабылъ-доганъ	81	18
Изъ Уваковской вол.	1	—
3) Отд. Джіембеть подр. Куймучакъ	62	43
,, Тёртъ-Кара	31	13
4) Отд. Утемисъ подр. Окашаръ	99	31
,, Кадыргулъ	15	5
5) Отд. Утемисъ подр. Алабакъ	89	36
,, Джанай	75	25
6) Отд. Джарты подр. Сатыбалды	124	20
,, Мамбеть	104	28
изъ Уйсуновской волости	4	—
,, Киреевской ,,	10	—
,, Уваковской ,,	3	—
7) Отд. Худайсугуръ подр. Карчага	172	80
Султаны: Ералы Мусаралинъ	2	—
Абай Худаймендинъ	2	—
ихъ теленгуты изъ калмыковъ, каракалпаковъ и Киреевской волости	10	—
Ували Тогуловъ	1	—
Сіильханъ Темирхановъ	1	—
ихъ тюленгуты изъ Киреевской волости	5	—
Тогумъ Аблановъ съ сын.	2	—
ихъ тюленгуты изъ рода Кокжарлы	1	—
	1246	360

1 въ г. Семипалатинскѣ, 58—Устькаменогорскѣ, 3—ф. Убинскомъ, 3—р. М.-Нарымскомъ, 10—р. Сѣверномъ, 18—р. Александровскомъ, 1—р. феклистовскомъ, 4—ф. Сокисовскомъ, 4—р. Березовскомъ, 40—кр. Бухтарминской, 4—р. Бобровскомъ, 7—р. Вороньемъ, 1—р. Зыриновскомъ, 1—р. Уваровскомъ, 177—кр. селеніяхъ (д.д. Тарханкѣ, Согрѣ, Бобровкѣ, Сокисовкѣ, Красноярской, Таловкѣ, Прапорщиковой, Глубокой, Выдрихѣ, Власовой, Лосихѣ, Вороньей, Микотинѣ, Сахиовкѣ, Убинской, Никотихѣ, Феклистовской), 17 въ Мурунов. в.в., 3—Байджигитскихъ, 8—др. киргиз. в.в.

IX. Караулъ-Ясыковская волость.

Волостной управитель—султанъ Кулеке Чингисовъ.

Въ волости 5 ауловъ, 666 киб., 1606 д. м. п. 1350 ж. п., скота: лошадей 3722, рогатаго 1635, барановъ 13522.

Составъ волости.	*Число кибит.*		*Кто гдѣ находится въ отлучкѣ.*
Султаны: Кулеке Чингисовъ	2	—	
Чингисъ Урусовъ	1	—	
ихъ тюленгуты	3	—	
Аулы: 1) Отд. Кудасъ подр. Есенгулъ	102	6	10 въ г. Устькаменогорскѣ, 3—на правой сторонѣ Иртыша, 1 въ д. Бобровкѣ, 33—Мурунов. в.в., 26 Байджигитскихъ, 15—др. киргиз. в.в.
,, Ессигулъ	20	20	
,, Саюргасъ	38	9	
2) ,, Тансыкъ	45	1	
,, Давлеть	25	—	
,, Джалкгадаръ	36	2	
,, Мур-кочекъ	25	3	
3) Отд. Муратъ подр. Бекпау	31	11	
,, Ирке	31	—	
,, Бокатъ	20	13	
,, Досъ	17	4	
,, Ирчи	6	6	
4) Отд. Булатъ подр. Акбулатъ	38	—	
,, Байбулатъ	36	—	
,, Тасбулатъ	45	4	
5) Отд. Касабулатъ подр. Джаубасаръ	62	10	
,, Бекень	16	—	
,, Джайпакъ	24	—	
,, Джоланъ	43	9	
	666	98	

X. Тауке-Байджигитовская волость.

Волостной управитель—Чаянбай Ултараковъ.

Въ волости 4 аула, 695 киб.; полнаго исчисленія населенія и скота сдѣлано не было.

Составъ волости:		*Число кибит.*	*Кто гдѣ находится въ отлучкѣ.*
Аулы: 1) Рода Утепъ отд.	Бердысъ	159	—
,,	Тотакъ	52	—
2) ,,	Кочукъ	41	—
,,	Байгонуръ	30	2
,,	Тайбуга	28	—
3) Рода Чокоманъ отд.	Тохтагулъ	79	4
,,	Токтаръ	7	—
,,	Мочанъ	22	—
,,	Бапанъ	4	2
,,	Бука	10	—
,,	Чоканъ	5	—
4) Рода Тюке отд.	Сарыкаска	123	1
,,	Куть	27	—
,,	Дау	42	—
,,	Рысымбеть	66	2
		695	11 въ Мурунов. в.в.

XI. Баkы-Матаевская волость.

Волостной управитель—султанъ Даутъ Мамырхановъ.

Въ волости 11 ауловъ(*), 926 киб., 2130 д. м. п., 1743 ж. п., скота: лошадей 3441, рогатаго 2081, барановъ 12867.

Составъ волости.	*Число кибит.*	*Кто гдѣ находится въ отлучкѣ.*
Султаны: Даутъ Мамырхановъ съ бр. и сын.	3	—
Тюленгуты ихъ изъ калмыковъ	3	—
Аулы: 1) Рода Тюлемисъ отд. Сайбулатъ	169	39

(*) Въ итогѣ показано 20.

2)	Рода Тюлемисъ ?	75	24
3)	Рода Арыкъ ?	96	32
4)	Рода Бакы отд. Койгельды-баянъ	46	6
5)	,, Байгонды отд. Баймамбеть	46	11
6)	,, Кожамкулъ отд Батырбекъ	78	13
7)	,. Кудасъ отд. Есназаръ	89	7
8)	,, ,, отд. Тума	79	16
	,, Кожамкулъ отд. Акпасъ	104	28
9)	,, Ногасъ отд. Чакалъ	57	15
10)	,, Ильгонды ?	46	—
11)	,, Бакы отд. Ельгонды	35	—
		926	191

6 въ г. Семипалатинскѣ, 6—Устькаменогорскѣ, 3 на Бѣлогатчѣ, 2 около пикета Аркатскаго, 16 въ кр. селеніяхъ (д.д. Уваровской, Красноярской, Звѣринной, Волковой, Лосихѣ, Глубокой), 158 въ др. киргизскихъ волостяхъ.

Кромѣ исчисленій Сухомлинова, въ дѣлѣ приведены слѣд. данныя исчисленія произведеннаго засѣдателемъ Дужаномъ:

а) въ *Сарынскомъ родѣ Киреевской волости:* 57 киб., 101 д. м. п., 113 ж. п., скота: лошадей 116, рогатаго 51, барановъ 733.

б) въ *Чагыровскомъ родѣ Конекъ-Наймановской волости* (по исч. 1848 г.): 11 киб., 18 д. м. п., 16 ж. п., скота: лошадей 9, рогатаго 25, барановъ 58.

Б. Свѣдѣнія о Муруновскихъ волостяхъ по исчисленію, произведенному засѣдателемъ Дужаномъ, для сбора ясака въ 1846—9 г.г.

(изъ д. № 1662).

I) Назаръ-Муруновская волость.(*)

Волостной управитель—Тана Тлемысовъ.

(*) Въ составѣ этой волости не показано 193 киб., отчисленныя въ Кончи-Муруновскую вол.

Въ волости 14 ауловъ(*), 1744 киб., 3085 д. м. п., 2742 ж. п., скота: лошадей 20295, рогатаго 2729, барановъ 112019.

	Составъ волости.	*Число кибитокъ.*
Аулы: 1)	Рода Джонай отд. Байбулъ	203
	,, Тазъ-Джанай отд. Исень-Иманъ	
2)	,, Байджанъ отд. Тунгочанскаго	85
3)	,, Токобай отд. Чумартъ	204
4)	,, ,, Атанъ	88
5)	,, Баисъ ,, Чаткарбай	56
6)	,, Чакабай ,, Бобетаевскаго	52
7)	,, Сарынскаго отд. Аульскаго	62
8)	,, Джарылганъ ,, Аралбай	173
	,, Саринскаго ,, Коккійскаго	
9)	,, Досунбай ,, Богумбай	129
	,, Идильбай	
10)	,, Чойтобановскаго отд Дуванъ	104
11)	,, Досунбай ,, Багы	135
12)	,, Джанбике ,, Тапрыкулъ	177
13)	,, Ирсаковскаго ,, Ильгонды	102
14)	,, Джанбынскаго ,, Тугулъ	99
Султаны:	Джанбубекъ Ханхожинъ съ сыновьями (Урустемъ, Копачъ, Абылгазы, Омаръ, Бегалы и Сералы)	10
	ихъ тюленгуты	22
	Кучукъ и Даніяръ Ханхожины, съ сын. и род.	19
	ихъ тюленгуты	24

II. Кендже-Муруновская волость.

Волостной управитель—Таукебай Джабековъ.

Въ волости 6 ауловъ, 854 киб., 1749 д. м. п., 1748 ж. п., скота: лошадей 7011, рогатаго 2426, барановъ 46523.

	Составъ волости.	*Число кибитокъ.*
Аулы: 1)	Рода Кендже отд. Кошинбай	196

(*) Въ итогѣ показано 16.

изъ рода Акъ-Найманъ	3
изъ рода Кирей	2
2) Рода Кендже отд. Лепесъ	111
изъ рода Матай	15
изъ рода Бура-Найманъ	2
изъ чалаказаковъ	7
3) Рода Мурзасъ отд. Чуваръ	115
изъ рода Караулъ-Ясыкъ	28
4) Рода Мурзасъ отд. Мулькоманъ	73
изъ рода Бура-Найманъ	15
изъ рода Ялыкпашъ-Аргынъ	21
изъ рода Сиванъ-Кирей	12
5) Рода Айдаръ отд. Санкрысъ	145
изъ рода Кирей	11
6) Рода Мурзасъ отд. Калкаманъ	98

III. Кончи-Муруновская волость.

Волостной управитель—Блачъ Баракбаевъ.

Въ волости 6 ауловъ, 665 киб., 1455 д. м. п., 1366 ж. п., скота: лошадей 3754, рогатаго 1525, барановъ 24504.

Составъ волости.	*Число кибитокъ.*
Аулы: 1) Рода Рызбай отд Мурзабекъ	56
изъ рода Кирей	41
изъ рода Матай	35
2) Рода Байбуры отд. Итемиръ	91
3) Рода Кандыбай отд. Тней	110
4) Рода Кошекъ отд. Тиинбекъ	132
5) ,, ,, отд. Баимбеть	93
6) Рода Садакты отд. Джанузакъ	107

IV. Куттумбеть-Муруновская волость.

Волостной управитель—султанъ Абдилля Сартовъ.

Въ волости семь ауловъ, 1085 киб., 2317 д. м. п., 2053 ж. п., скота: лошадей 10730, рогатаго 2724, барановъ 51874.

Составъ волости.		*Число кибитокъ.*
Султаны:	Абдилля и Абдулханръ Сартовы	4
	Рода (?) Тюленгутъ	88
	Семике Ишимовъ	5
	его тюленгуты	50
	Саржанъ Самратовъ(*)	1
		148 (аулъ 1)
Аулы:	2) Рода Казымбетъ отъ. Майлибай	194
	3) Рода Урусъ отд. Даулъ	176
	4) Рода Куттумбеть отд. Малтугулъ	157
	5) Рода Кулике отд. Бокай	131
	6) Рода Сентъ отд. Кайлибей	83
	7) Рода (?) Тюленгутъ отд. Маралчи:	
	а. старш. Ніазъ Баировъ	2
	изъ рода Куттумбеть	59
	Бура	67
	Тобукты	3
	Терстамгалы	4
	Кирей	12
	Увакъ	12
	Тюленгутъ	4
тюленгуты султановъ Абдилли и Абдулханра Сартовыхъ		30
	чалаказаки	3

V) Кыдыръ-Муруновская волость.(**)

Волостной управитель—султанъ Калифанъ Ючинъ.

Въ волости 6 ауловъ, 635 киб., 1392 д. м. п., 1224 ж. п., скота: лошадей 8710, рогатаго 2306, барановъ 37024.

(*) Абдилля и Абулханръ—сыновья извѣстнаго Сарта Ючина (Джочина), Семике—Ишима Ючина, Саржанъ—Самрата Ючина.

(**) Два рода этой волости (Кончинскіе) въ исчисленіе не вошли, въ виду причисле и ихъ къ прочимъ Кончинскимъ родамъ, изъ которымъ образована Кончи-Муруновская волость

Составъ волости.	*Число кибитокъ.*
Султаны: Калифанъ, Турсунъ и Аликень Ючины	9 } Особый
Тюленгуты (изъ отд. Каракалмакъ)	111 } аулъ (1)
Аулы: 2) Рода Кыдыръ отд. Топакъ	87
3) ,, ,, Сатыбалды	60
изъ рода Бура-Найманъ	42
4) Рода Ажи отд. Байсакъ	106
5) Рода Кыдыръ отд. Найманъ	16
изъ рода Матай	107
6) Рода Кыдыръ отд. Карабій	97

Кромѣ исчисленій Дужана, въ дѣлѣ приведены слѣд. данныя исчисленія, произведеннаго засѣдателемъ Аягузскаго Приказа Барцовымъ съ толмачемъ Жеребятьевымъ въ 1845 г. въ *Акимбеть-Киреевской волости.*

Волостной управитель—старшина Атютанъ Надыровъ.

Въ волости 10 ауловъ, 990 киб., 2129 д. м. п., 1790 ж. п., скота: лошадей 3853, рогатаго 1429, барановъ 15872.

Составъ волости.	*Число кибитокъ.*
Аулы: 1) Рода Нарботинскаго отд. Исенгуловскаго }	131
,, Чоринскаго ,, Монкинскаго }	
2) ,, Тойчинскаго ,, Тоузаровскаго	103
3) ,, Амандыковскаго .. Кожебердинскаго	97
4) ,, Аджи ,, Итемгень	26
,, ,, ,, Косе	82
5) ,, ,, ,, Байтемиръ	85
6) ,, Акымбеть ,, Бильгельды-Атагай	72
,, Аджигулъ ,, Джаманаевскаго	21
7) ,, Санулатъ ,, Исенгулъ	76
,, Акбуринскаго ,, Исенгулъ	45
8) ,, Чокматаръ ,, Симанъ	80
,, Баймуратъ ,, Исень	42
9) ,, Нортайлякъ ,, Каипъ	64
10) ,, ,, ,, Алтбай	66

В. Свѣдѣнія о киргизскихъ волостяхъ Кокпектинскаго округа по исчисленію, произведенному засѣдателемъ Дужаномъ въ 1849 г. для сбора ясака въ трехлѣтіе 1849—1851 г.г.

(изъ д. № 1666).

I) *Акымбетъ-Сиванъ-Киреевская волость.*

Волостной управитель—бій Тютій Итаяковъ.

Составъ волости.

Аулы: 1) Рода Нартайлякъ отд. Капбъ
2) ,, Аджи ,, Бектемиръ
,, ,, ,, Итемгень
,, ,, ,, Косе
,, ,, ,, Байкельды
3) ,, Акымбетъ ,, Бійкельды-Атагай
4) ,, Тойчи ,, Таузаръ
5) ,, Амалдыкъ ,, Кожамберды
6) ,, Нарбота ,, Исенгулъ
,, Чара ,, Мюнку
7) ,, Сырынъ
8) ,, Исянгулъ ,, Сапулатъ
,, ,, ,, Акбура
9) ,, Сиванъ ,, Чокпатаръ
,, ,, ,, Баймуратъ

Скота въ волости: лошадей 3953, рогатаго 986, барановъ 17827.

II) *Назаръ-Муруновская волость.*

Волостной управитель—Тана Тлемысовъ.

Составъ волости.

Аулы: 1) Рода Джанай отд. Байбулъ
,, Тазъ-Джанай ,, Исень-Аманъ
Султаны: Джанбубекъ, Даніяръ, Урустемъ и

и Копачъ Ханхожины съ сыновьями и Мухамедъ Абылхановъ(*) и ихъ тюленгуты.

2) Рода Байджанай отд. Тонача
,, Ирсакъ ,, Ильгонды
3) ,, Токобай ,, Джумартъ
,, Чакабай ,, Бобетай

Султаны: Такей, Джансултанъ, Караканъ, Султанмртъ и Бексултанъ Чалганбаевы(**) съ тюленгутами

4) Рода Чакабай отд. Атанъ
,, Сары ,, Ауль
5) ,, Баисъ ,, Кочкарбай
,, Досубай ,, Идыльбай
,, Алтыбай
6) ,, Джарылгабъ ,, Аралбай
,, Сары ,, Кокуй

Султаны: Кучукъ Ханхожинъ съ бр. и тюленгутами

7) Рода Чойтабанъ отд. Дуванъ
8) ,, Досумбай ,, Бугунбай
,, ,, ,, Багы

изъ рода Кондубай-Бура 2 киб.

9) Рода Джанбаке отд. Танрыкулъ
,, ,, ,, Карымсакъ
10) ,, Джанбяке ,, Тугуль

Скота въ волости: лошадей 22061, рогатаго 3055. барановъ 121341.

III. Кончи-Муруновская волость.

Волостной управитель—Блачъ Баракпаевъ.

Составъ волости.

Аулы: 1) Рода ? отд. ?

(*) Не внукъ ли Сиванкула Ханхожина, у котораго былъ сынъ Абдулханъ?
(**) Сыновья Чалгынбая Ханхожина.

Рода ? отд. Кыздарбекъ
2) ,, Байбура ,, Итемиръ
3) ,, Садакты ,, Джанузакъ
4) ,, Канлыбай ,, Тней
5) ,, Кочекъ ,, Баимбеть
6) ,, ,, ,, Тыныбекъ

Скота въ волости: лошадей 4376, рогатаго 1700, барановъ 27409.

VI. Кенджже-Муруновская волость.

Волостной управитель—Таукабай Джапековъ.

Составъ волости.

Аулы: 1) Рода Кендже отд. Кочумбай (*)
изъ рода Матай 18 семей
,, Аргынъ 2 семьи
2) Рода Кендже отд. Лепесъ
изъ рода Матай 8 семей
,, Бура 4 семьи
3) Рода Мурзасъ отд. Джаоръ
изъ рода Караулъ-Ясыкъ 20 семей
4) Рода Мурзасъ отд. Мулькоманъ
изъ рода Сиванъ-Кирей 6
5) Рода Мурзасъ отд. Калкаманъ
6) ,, Айдаръ ,, Санрыкъ
,, ,, ,, Самурза

Скота въ волости: лошадей 7394, рогатаго 2800, барановъ 48682.

V. Кыдыръ-Муруновская волость.

Волостной управитель—султанъ Калифанъ Ючинъ.

Составъ волости.

Султаны: Калифанъ, Турсунъ и Аликень Ючины

(*) Изъ этого отд. Старшій султанъ Кокпектинскаго округа Кійсыкъ Тезековъ.

ихъ тюленгуты изъ калмыковъ, уйсунцевъ и племенъ и родовъ: Увакъ, Кирей, Матай, Кокче-Табуклы, Актагызъ-Терстамгалы, Канлы, Садыръ, Бура. Особый (1) аулъ.

Аулы: 2) Рода Кыдыръ отд. Топакъ
изъ рода Матай 8 семей
изъ рода Терстамгалы 4 семьи
3) Рода Кыдыръ отд. Сатыбалды
изъ рода Туртугулъ 2 семьи
,, Дурбеулъ-Бура 2 семьи
4) Рода Кыдыръ отд. Найманъ
5) ,, ,, ,, Карабій
,, ,, ,, Есагасы
6) ,, Аджи ,, Байсалъ

Скота въ волости: лошадей 6905, рогатаго 1811, барановъ 31285.

VI. Куттумбеть-Муруновская волость.

Волостной управитель—султанъ Абдилля Сартовъ.

Составъ волости.

Султаны: Абдилля и Абулханръ Сартовы, Семике Ишимовъ и Саржанъ Самратовъ.

Аулы: 1) Рода Тюленгутъ (тюленгуты?)
,, Сентъ отд. Койлибай
2) Рода Тюленгутъ отд. Маралчи
изъ родовъ: Бура, Тобуклы, Куттумбеть, Терстамгалы, Увакъ и чалаказаковъ
3) Рода Казымбеть отд. Майлибай
4) ,, Урусъ ,, Даулъ
5) ,; Куттумбеть ,; Малтугуль
6) ,, Кулеке ,, Бакай

Скота въ волости: лошадей 8200, рогатаго 2422, барановъ 43640.

VII. *Бакы-Тлесъ-Матаевская волость.*

Волостной управитель—султанъ Атыханъ Даутовъ.

Составъ волости:

Султаны: Атыханъ и Кугадай Даутовы (съ отцомъ),
Исимъ Мамырхановъ и ихъ тюленгуты

Аулы: 1) Рода Тюлемысъ
2) ,, Утемысъ отд. Утемама
3) ,, Бакы ,, Койкель-баянъ
4) ,, Ногасъ ,, Чакалъ
5) ,, Байгонды ,, Баймамбеть
6) ,, Кудасъ ,, Есназаръ
7) ,, ,, ,, Тувма
8) ,, Бакы ,, Ельгонды
9) ,, Арыкъ
10) ,, Коженкулъ отд. Батырбекъ
11) ,, ,, ,, Актазъ

Скота въ волости: лошадей 2100, рогатаго 1242, барановъ 8601.

Какъ видно изъ свѣдѣній о Муруновскихъ волостяхъ, въ этихъ волостяхъ имѣли пребываніе враждовавшіе долгое время между собою султанскіе роды Ючиныхъ (въ волостяхъ Кыдыръ и Куттумбеть) и Ханхожиныхъ (Назаръ). Составъ Муруновскихъ волостей интересенъ также по обилію тюленгутовъ и киргизъ изъ другихъ волостей.

Г. Свѣдѣнія о волостяхъ Кокпектинскаго округа по исчисленію 1849 года.

(Изъ д. № 1664).

I) *Кондубай-Бура-Найтановская волость.*

Волостной управитель—бій Казыбекъ Утевлинъ.

Составъ волости:

Аулы: 1) Рода Алтыкысы отдѣленія Алдіаръ
2) ,, ,, подраздѣленія Джіеналы
3) ,, отд. Конакай
4) Рода Джанкысы отд. Назарымбеть

Скота въ волости: лошадей 3629, рогатаго 976, барановъ 9298.

II) Конекъ-Терстамгалы-Найлановская волость.

Волостной управитель—Джолда Майлибаевъ.

Составъ волости:

Аулы: 1) Рода Конекъ
2) Рода Конекъ отд. Карабай
3) ,, ,, Назаръ
,, ,, Чолпанкулъ
4) Рода Чурченгъ

Скота въ волости: лошадей 3326, рогатаго 1173, барановъ 9099.

III) Акымбеть-Сиванъ-Киреевская волость.

Составъ:

Султаны: Нуралы Чурегеевъ и Джолбасаръ Нуралинъ.

Аулы: 1) Рода Сиванъ отд. Андабай
,, Куттубай
,, Карлубай
,, Олджагулъ
2) ,, Алибекъ
,, Кошдавлеть
,, Кобей
,, Абакъ
,, Сарыбасъ
,, Кочумбеть
,, Рысбай

«Такъ какъ эти 2 аула должны уплачивать исакъ въ меньшемъ размѣрѣ, то по этому они исчислены отдѣльно отъ Акымбеть-Сиванъ-Киреевской волости, въ составѣ которой они находятся».

,, Кабанбай
,, Нартайлякъ

Скота: лошадей 1110, рогатаго 321, барановъ 4169.

IV. Баку-Тлесъ-Матаевская волость.

Составъ:

Аулы: 1) Рода Тлесъ отд. Куттумбеть
2) ,, Туттугуртъ
,, Джаманъ
3) ,, Кыйгылыкъ
,, Джапьмышъ

Эти аулы исчислены отдельно отъ волости, потому что должны уплачивать ясакъ въ меньшемъ размѣрѣ.

Скота: лошадей 1200, рогатаго 119, барановъ 6609.

V. Бура-Наймановская волость.

Волостной управитель—бій Чока Тугульбаевъ.

Составъ волости.

Аулы: 1) Рода Актазъ отд. Есеналы
2) ,, Курманъ
,, Кыдралы
3) Рода Каратазъ отд. Урусъ
,, Джарылганъ
,, Балтеке
,, Байджайляу
4) ,, Джумагулъ
,, Джанагулъ
,, Койбагаръ
,, Медеть

Скота въ волости: лошадей 1804, рогатаго 673, барановъ 9090.

VI. Джуватей-Бура-Наймановская волость.

Волостной управитель—султанъ Ибрагимъ Клычевъ.

Составъ волости.

Султаны: Джусунъ, Абышъ, Исмаилъ и Исхакъ Клычевы съ тюленгутами изъ калмыковъ и каракалпаковъ
Тауке Досановъ, бр. его и племян. съ ихъ тюленгутами изъ калмыковъ и каракалпаковъ
Сеильханъ Джолтабаровъ
Сары-иманъ Балатаевъ
ихъ тюленгуты изъ калмыковъ
Якубъ Клычевъ (бывшій упр. Кондубай-Бура-Найман. в.) съ бр.
Перечисливщіеся изъ Терстамгалинской в. — Мыржикбай Ханбабинъ съ сын. Бекень Бултруковъ съ сын. и бр.

Аулы: 1) Рода Джуватей отд. Байсары
,, Каракулъ
2) Рода Алтыбай отд. Чаканакъ
,, Карабасъ
3) ,, Худайкулъ-Аралбай
,, Кельдыкулъ
,, Сексень
4) Рода Дурбеулъ отд. Кангулъ
,, Ушрукъ
,, Султангулъ
,, Кара
5) ,, Тынике
,, Тогузакъ
,, Чака
,, Есенгулъ

Скота въ волости: лошадей 2456, рогатаго 971, барановъ 9177.

VII. Терстамгалы-Найматовская волость.

Волостной управитель—Кочеръ Кутюковъ.

Составъ волости.

Аулы: 1) Рода Кожегель отд. Сатыбалды

2) ,, Сатій
3) ,, Тойбике
,, Джарылгабъ
4) ,, Айткулъ
5) ,, Есергебъ
6) Рода Актыгызъ отд. Айбасъ
,, Калматай
,, Кара
7) Рода Тюртъ-Кара отд Сарымергень
,, Чагыръ
,, Бектемпсъ
,, Карабергень
,, Джантайлякъ
,, Тавасаръ
,, Тюлеке
,, Чортанбай
8) ,, Джаманъ
,, Оразъ

Скота въ волости: лошадей 3491, рогатаго 1160, барановъ 15057.

VIII. *Сарджумартъ-Найматовская волость.*

Волостной управитель—бій Аліханъ Тлеубердинъ.

Составъ волости.

Аулы: 1) Рода Досумбеть отд. Мамбеть
,, Тюлькубай
,, Бекбулатъ
,, Ніязъ
,, Байбулъ
2) Рода Бекберды отд. Чоткара
,, Кабылъ-догалъ
3) Рода Джіембеть отд. Куюмчакъ
,, Торткара

4) Рода Утемисъ отд. Ойкачаръ
5) Рода Джарты отд. Сатыбалды
Мамбеть
6) ,, отд. Худайсугуръ

Султаны Ералы Мусаралинъ и Абай Худайменднпъ.

Скота въ волости: лошадей 2611, рогатаго 1064, барановъ 10805.

IX. Караулъ-Ясыковская волость.

Волостной управитель—султанъ Кулеке Чингисовъ.

Составъ волости:

Султаны: Кулеке Чингизовъ съ тюленгутами.
Аулы: 1) Рода Кудасъ отд. Исенгулъ
,, Сюргасъ(?)
2) ,, Тансыкъ
,, Давлеть
,, Джилкы-айдаръ
,, Муркочекъ
4) Рода Муратъ отд. Бекшау
,, Ирке
,, Бокатъ
,, Досъ
,, Ирчи
5) Рода Булатъ отд. Акбулатъ
,, Байбулатъ
,, Тасбулатъ
6) Рода Касабулатъ отд. Джаубасаръ
,, Бекень
,, Джайнакъ
,, Джоланъ

Скота въ волости: лошадей 1118, рогатаго 749, барановъ 4299.

Д. Свѣдѣнія о 6 волостяхъ Аягузскаго округа по исчисленію, произведенному чиновникомъ особыхъ порученій Ивашкевичемъ въ 1846 г.

(изъ д. № 1672).

I. Есенгулъ-Садыровская волость.

Волостной управитель—султанъ Ибакъ Джебаевъ.

Въ волости 5 ауловъ, 1291 киб., 2784 д. м. п., 2335 ж. п., скота: лошадей 5163, рогатаго 3042, барановъ 32306.

Составъ волости.				*Число кибитокъ.*
Султаны: Ибакъ Джебаевъ съ братьями				8
ихъ тюленгуты				11
Иманъ Калдымановъ съ братьями				4
Турсунъ Токджановъ				1
Даиръ Булекеевъ				1
Аулы: 1) Рода Акынай	отд.	Буканъ		193
2) ,, Анда	,,	Алыбай		308
,, ,,	,,	Сарке		
3) ,, Чирубай	,,	Каай		121
,, ,,	,,	Тюрке		
,, ,,	,,	Аталыкъ		
4) ,, Мамбеть	,,	Кійкпай		288
,, ,,	,,	Клый		
,, Карылгачъ	,,	Джіенгулъ		
,, ..	,,	Искара-Тюлесъ		
5) ,, Чарджетымъ	,,	Есперлы		356

II. Туминская волость.

Волостной управитель—султанъ Усманъ Дженаевъ.

Въ волости 9 ауловъ, 1559 киб., 2973 д. м. п., 2627 ж. п., скота: лошадей 9645, рогатаго 3150, барановъ 62480.

Составъ волости.				*Число кибитокъ.*
Султаны: Усманъ Дженаевъ съ братьями и Аблай Киндженъ				9
ихъ тюленгуты				61
Аулы: 1) Рода Кулъ	отд.	Базаргельды		101
,, Клычъ	,,	Барабе		69
2) ,, Карабасъ	,,	Кожегельды		229
3) ,, Кійсыкъ	,,	Бока		249
,, ,,	,,	Кудасъ		
4) ,, Токпакъ	,,	Тулекъ		184
5) ,, Козбакъ	,,	Бауке		87
6) ,, ,,	,,	Утэбійке		124
7) ,, Байгана	,,	Аучи		118
,, ,,	,,	Ильтонъ		
,, ,,	,,	Оразъ		
8) ,, ,,	,,	Ингрекъ		146
,, ,,	,,	Надыръ		
9) ,, Тлеуберды	,,	Чинхожа		171
Султанъ Джанкучукъ Бонинъ				2
его тюленгуты				6

III. *Джангулы-Семизъ-Найматовская волость.*

Волостной управитель—бій Утепъ Атамановъ.

Въ волости 8 ауловъ, 1361 кпб., 2173 д. м. п., 1852 ж. п., скота: лошадей 15092, рогатаго 2240, барановъ 78153.

Составъ волости.				*Число кибитокъ.*
Аулы: 1) Рода Урузъ-Медеть	отд.	Байтайлякъ		171
,, ,,	,,	Джаркымбай		
,, ,,	,,	Каска		
2) ,, Казыгулъ	,,	Барлыбай		154
изъ Кендже-Каптагай-Матаевской волости				18
3) Рода Казыбекъ	отд.	Байгубекъ		131
,, Бердике	,,	Кунакбай		

4) Рода Амангулъ	отд.	Буранбай		
,, Булгакъ	,,	Джауаръ		184
,, Джанболосъ	,,	Коенбай		
5) ,, Джамангулъ	,,	Туманчи		
,, ,,	,,	Коджанъ		200
6) ,, Менлибай	,,	Алдіяръ		
,, Карагузъ	,,	Сайбулатъ		159
7) ,, Менглыбай	,,	Тогумъ		117
8) ,, Мендыбай	,,	Тюбеть		227

IV) Киржинская волость.

Волостной управитель—султанъ Джангиръ Уваліевъ.

Въ волости 6 ауловъ, 653 киб., 1341 д. м. п., 1082 ж. п., скота: лошадей 5754, рогатаго 1334, барановъ 24563.

Составъ волости.			Число кибитокъ.
Султаны: Ували Ючинъ съ сыновьями			4
Аулы: 1) Рода Джандавлеть	отд.	Коченъ	
,, ,,	,,	Акдавлеть	101
2) ,, Баубекъ	,,	Коко	101
3) ,, Кечу	,,	Арапъ	101
4) ,, Айдосъ	,,	Идпге	105
5) ,, Джолчара	,,	Дерімъ-сары	88
6) ,, Акчора	,,	Дандосъ	153

V. Байгубекъ-Сивановская волость.

Волостной управитель—султанъ Джемантай Бопинъ.

Въ волости 6 ауловъ, 870 киб., 1849 д. м. п., 1525 ж. п., скота: лошадей 5922, рогатаго 1146, барановъ 31098.

Составъ волости.	Число кибитокъ.
Султаны: Джемантай Бопинъ, Нуралы Джемантаевъ, Иралы Рахметевъ и Рустемъ Бопинъ	4

	их тюленгуты		6
Аулы: 1)	Рода Туке	отд. Бугумбай	130
2)	,, Чака	,, Малыбай	186
3)	,, Тюке	,, Тойгулы	162
	,, Байгубекъ	,, Тугулъ	
4)	,,	,, ,, Сатыбалды	109
5)	,,	,, ,, Карабасъ	71
6)	,, Акымбеть	,, Берчей	202
	,, Тлеу	,, Сарманъ	
	,, Джильгельды	отд. Маемиръ	

VI. *Джангубекъ-Сивановская волость.*

Волостной управитель—султанъ Баракъ Солтобаевъ.

Въ волости 9 ауловъ, 1138 киб., 2298 д. м. п., 2028 ж. п., скота: лошадей 11255, рогатаго 1823, барановъ 54494.

Составъ волости.		*Число кибитокъ.*
Султаны:	Бопа Абулфеизовъ, сыновья его Солтобай, Омаръ, Аджи, Муса, Джанкаба и Акымбекъ и внуки Баракъ и Сепльханъ Солтобаевы, Туйджанъ, Айчувакъ, Бадакулъ и Куанъ Джанкабины и Улбаба Акымбековъ	19
Аулы: 1)	их тюленгуты (родовъ Каракалпакъ, Сартъ, Калмыкъ, Чапрашты, Рамаданъ)	108
2)	Рода Кирей отд. Аджи	68
	,, Кокчегузъ	4
	изъ рода Бура-Найманъ	1
	изъ рода Кыргызъ	3
	изъ рода Булатчинскаго	3
	изъ рода Канджигалы	4
	изъ рода Сабанчи	1
	изъ калмыковъ	1
	изъ каракалмыковъ (каракалпаковъ?)	1
3)	Рода Ходжа отд. Саякъ	68

4)	Рода Джангубекъ	отд	Куттубай	118
5)	,, Куттубай	,,	Сейтень	139
6)	,, Салпы	,,	Сююндыкъ	167
	,, ,,	,,	Илеке	
7)	,, ,,	,,	Байбулъ	117
8)	,, Боку	,,	Сакадамъ-Сары	100
9)	,, Умиръ	,,	Садакты-Сары	198
	,, ,,	,,	Ботай	

Е. Свѣдѣнія о 5 волостяхъ Аягузскаго округа по исчисленію, произведенному засѣдателемъ Олѣховскимъ въ 1846 г.

(Изъ д. № 1673).

I) Кенджже-Каптагай-Матаевская волость.

Волостной управитель—Танеке Дюсетевъ.

Въ волости 5 ауловъ, 797 киб., 1240 д. м. п., 1169 ж. п., скота: лошадей 9104, рогатаго 1566, барановъ 30486.

	Составъ волости.			*Число кибитокъ.*
Аулы: 1)	Рода Каптагай-Сары	отд.	Джумай-Кулчанъ	247
	,,	,,	Кара	
2)	,, Джаксылыкъ	,,	Джартыбай	164
	,, ,,	,,	Карджау	
3)	,, Кендже	,,	Сакай	200
	,, ,,	,,	Каска	
4)	,,	,,	Байгозы	131
Султаны:	Абайдиля и Сыгай Едженевы съ сын.			5
	ихъ тюленгуты			8
	Нуралы и Кошке Мамырхановы, Али, Боткалъ и Аскаръ Нуралины, Байсалканъ Исинъ и Самень Касымовъ			9
	ихъ тюленгуты			15
	Джанбубекъ и Елемесъ Санновы и Абете Елемесовъ			3

его тюленгуты	5
Кашкинъ Саиновъ съ сын. и родств.	5
ихъ тюленгуты	5

II. Аталыкъ-Матаевская волость.

Волостной управитель—султанъ Кайранъ Досалинъ.

Въ волости 5 ауловъ, 803 киб., 1493 д. м. п., 1336 ж. п., скота: лошадей 3542, рогатаго 2356, барановъ 22826.

Составъ волости.		*Число кибитокъ.*
Султаны: Кайранъ Досалинъ съ бр. и сын.		7
ихъ тюленгуты		18
Аулы: 1) Рода Чокпаръ отд. Токпа		248
2) ,, Тшаръ ,, Тауке-Кунакпай		166
3) ,, Кайнаръ ,, Токпанъ		243
,, Еменелы ?		
4) ,, Айтекъ-Сиванъ		121

III. Тугульбай-Садыровская волость.

Волостной управитель—султанъ Али Джедаевъ.

Въ волости 4 аула, 1334 киб., 2302 д. м. п., 2074 ж. п., скота: лошадей 7067, рогатаго 2970, барановъ 46388.

Составъ волости:	*Число кибитокъ.*
Султаны: Булень (ст. сул. Аяг. окр.), Ували и Абулгазы Шанхаевы	6
ихъ тюленгуты	22
Али, Ишимъ, Тауке, Нурсултанъ и Хансултанъ Джедаевы и Джочи Шанхаевъ	11
ихъ тюленгуты	4
Джангиръ и Сыгай Шанхаевы, Асылханъ Тобуковъ и сыновья Джангира	9
ихъ тюленгуты	23

Аулы: 1)	Рода Кененбай	отд.	Буланъ	
	,, Куватъ	,,	Каракула-Тобичакъ	379
	,, ,,	,,	Ерчи	
2)	,, Чуэ	,,	Аджи	
	,, ,,	,,	Ильдей	386
	,, ,,	,,	Малышъ	
3)	,, ,,	,,	Мама	225
	,, ,,	,,	Кельтогора	
4)	,, Медеть	,,	Курнетай	239
	,, ,,	,,	Малкаръ-Зергеръ	
	причисленные къ волости татары			30

IV. Каракирей-Семизъ-Найматовская волость.

Волостной управитель—султанъ Букей Агадаевъ.

Въ волости 4 аула, 625 киб. 1082 д. м. п., 864 ж. п., скота: лошадей 4282, рогатаго 1117, барановъ 18550.

	Составъ волости.	*Число кибитокъ.*
Аулы: 1)	Рода Мендыбай отд. Алдіаръ	131
	,, Кипчакъ-Куланъ	56
2)	,, Матъ	99
	,, Мендыбай отд. Токхожа	172
3)	,, Кылды	95
Султаны:	Букей, Бектемиръ, Акымбекъ, Бексултанъ и Абылъ Агадаевы	8
	ихъ тюленгуты (особый аулъ).	64

V. Булатчинская волость.

Волостной управитель—султанъ Тауке Агадаевъ..

Въ волости 6 ауловъ, 1261 киб., 2204 д. м. п., 1959 ж. п., скота: лошадей 6105, рогатаго 1772, барановъ 34502.

Составъ волости.			*Число кибитокъ.*
Султаны: Тауке и Даиръ Агадаевы			3
ихъ тюленгуты			13
Аулы: 1) Рода Карамулла	отд.	Андыбай	167
2) ,, Джамгурчи	,,	Джанмурза	289
3) ,, Булатчи	,,	Алибекъ	173
,, Бистай	,,	Туттубай	
4) ,, Кирджинскаго	отд.	Буринскаго	172
,, Джиреневскаго	,,	Джандавлеть	160
5) ,, Бистасовскаго	,,	Алибай	144
,, Киринскаго	,,	Кыстаубай	
6) ,, Кечувскаго	,,	Айтуевскаго	140
,, Кеччу	,,	Джаныбекъ	

Ж. Свѣдѣнія объ Уваковскихъ волостяхъ по исчисленію, произведенному засѣдателемъ Федяемъ въ 1848 г.

(Изъ д. № 1667).

Сарманъ-Уваковская волость.

Волостной управитель—старшина, 14 класса, Тюреханъ Джаркыновъ.

Въ волости 10 аулокъ, 674 кпб., 1544 д. м. п., 1344 ж. п., скота: лошадей 4243, рогатаго 968, барановъ 8868.(*)

Составъ волости.			*Число кибитокъ.*	
Аулы: 1) Рода Тлеулы	отд.	Конай-Чонай	95	
2) ,, Кокчегузъ	,,	Маркаулъ	52	
3) ,, Сарманъ	,,	Манатъ	94	(Изъ нихъ 29 въ Байджигитскихъ в.в.)
4) ,, ,,	,,	Конай	54	
5) ,, ,,	,,	Бегимбеть	58	(3 въ Каракирей-Семизъ-Найманов. в.)
6) ,, ,,	,,	Баимбеть	75	(4 въ Каракирей-Семизъ-Найманов. в.)

(*) Скотъ исчисленъ только у наличнаго населенія.

7)	,,	Тлеулы	,,	Чопай-Чувакъ	49
8)	,,	Кокчегозъ	,,	Маркаулъ	55
9)	,,	Тлеулы	,,	Коскинскаго	52 (2 внутри линіи).
10)	,,	Кокчегозъ	,,	Джіенкулъ	90
					674 (изъ нихъ внѣ волости 34).

Чога-Уваковская волость.

Волостной управитель—Джабага Джанкаринъ.

Въ волости 7 ауловъ, 748 киб., 1487 д. м. п., 1354 ж. п., скота: лошадей 4034, рогатаго 781, барановъ 13163.

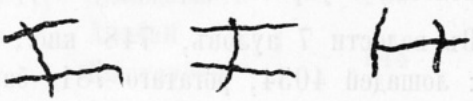
Составъ волости.	*Число кибитокъ.*
Аулы: 1) Рода Койбагысъ отд. Алибекъ	105 (изъ нихъ 20 кочуютъ внутри линіи на ур. Тополь-номъ).
,, Унгутъ	
изъ рода Акымбеть-Кирей отд. Ителі	4
2) Рода Мамбеть отд. Кыстау-Кендже	117 (14 въ Байджигит. в.в.),
3) ,, Чокчинскаго отд. Мамбеть	60 (6 въ Байджигит. в.в., 3—Мурунов., 7—Каракирей-Семизъ-Найманов. в.)
4) ,, Койбагызъ ,, Есеевскаго	97 (9 внутри линіи на ур. Тополь-номъ, 4-въ Семирѣчьѣ).
5) ,, Унгутъ ,, Айбасъ	100 (5 внутри линіи).
,, ,, ,, Кркъ-Уйлинскаго	
,, Сергелинскаго ,, Айкошкаръ	
Султаны: Бопы Сардаковъ съ род.	4
его тюленгуты	1
6) Рода Сергелинскаго отд. Байкошкаръ	117 (внѣ волости 8).
7) ,, Чокчинскаго ,, Бекмурза	117 (2 въ Байджигит. в.в.).

Кромѣ указанныхъ киргизъ, изъ Чога-Уваковской волости откочевали: рода Койбагысъ 137 киб. (жив. на ур. Топольномъ и Сартобекъ въ 60—70 в. отъ р. Бѣлокаменскаго), рода Сергелинскаго отд. Алибекъ 56 и отд. Джанкошкаръ 12 киб. (въ Акмол. окр. съ 1841 г.). Киргизы эти въ исчисленіе засѣд. Федяя не попали.

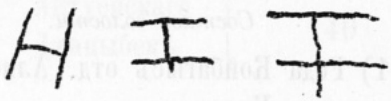
Въ дѣлахъ по исчисленію свѣдѣнія свидѣтельствовались аульными старшинами, которые росписывались, а въ случаѣ неграмотности рисовали свои тамги. Привожу, для образца, типичныя тамги въ точныхъ снимкахъ:

Волости Кокпектинскаго округа.

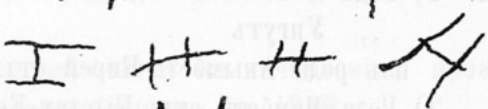
Бура-Найманская

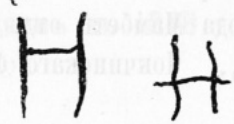
Джуватей Бура-Найманская

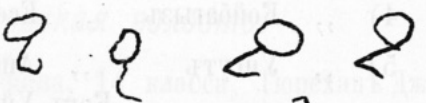
Кондубай-Бура-Найманская

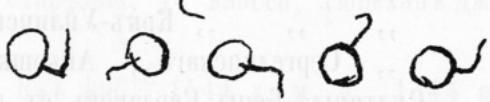
Сарджумартъ-Найманская

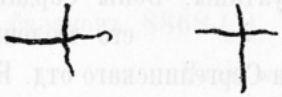
Терстамгалы Найманская

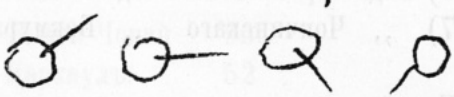
Конекъ-Терстамгалы-Найманская

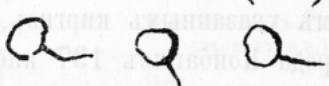
Акымбеть-Сиванъ-Киреевская

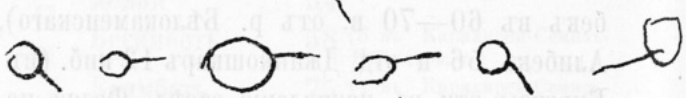
Бакы-Тлесъ-Матаевская

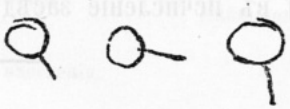
Караулъ-Ясыковская

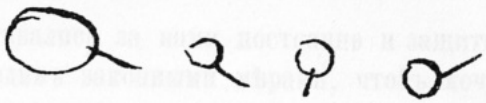
Назаръ-Муруновская

Кендже-Муруновская

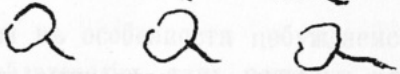
Куттумбеть-Муруновская

Кыдыръ-Муруновская

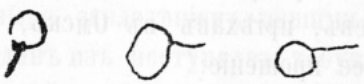

Кончи-Муруновская

Волости Аягузскаго округа.

Джангулы-Семизъ-Найманская

Каракирей-Семизъ-Найманская

Байгубекъ-Сивановская

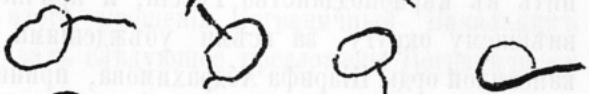
Джангубекъ-Сивановская

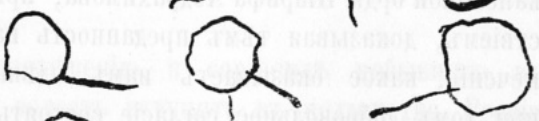
Туминская

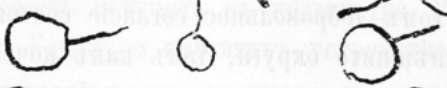
Булатчинская

Кыржинская

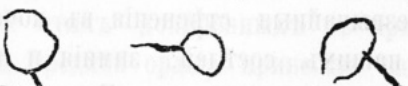
Тугульбай-Садыровская

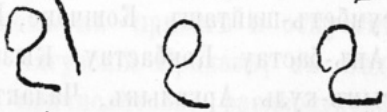
Есенгулъ-Садыровская

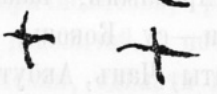
Кенджe-Каптагай-Матаевская

Аталыкъ-Матаевская

Сарманъ и Чога-Уваковскія

6.

6 мая 1840 г. довѣренные отъ Уваковской волости старшины Тюреханъ Джаркыновъ, Кунай Каракатовъ, Сатыбалды Серимовъ, Джаутукъ Карачулаковъ и Джадры Джангутдинъ и бій Карджасбай Джумабаевъ, пріѣхавъ въ Омскъ, подали Пограничному Начальнику слѣдующее прошеніе:

,,Предки наши и отцы имѣли постоянныя кочевки близъ Иртышной линіи; нѣкоторые изъ нихъ удостоивались Монаршихъ наградъ и уваженія мѣстнаго начальства, а побуждаясь всѣмъ этимъ и сами мы силились оказывать Россійскому Правительсву въ нужныхъ случаяхъ возможныя пособія и услуги.

,,По вызову Вашего Высокоблагородія, мы съ уполномочія народа нашего прибыли въ Омскъ и приглашеніе особы Вашей, чтобъ вступить въ вѣрноподданство Россіи, и причислиться къ какому ни есть внѣшнему округу, за всѣми убѣжденіями ахуна Средней киргизъ—кайсацкой орды Шарифа Абдрахимова, принимаемъ наконецъ съ удовольствіемъ, доказывая тѣмъ преданность нашу Россіи и платя за то попеченіе, какое оказываетъ намъ здѣшнее Правительство, изъявляя при томъ добровольное согласіе состоять подъ зависимостію Аягузскаго внѣшняго округа, такъ какъ кочевки наши сопредѣльны съ нимъ; но при настоящемъ нашемъ добровольномъ согласіи не можемъ, однакожъ, умолчать предъ Вашимъ Высокоблагородіемъ, что мы нынѣ терпимъ чрезвычайныя стѣсненія въ кочевьяхъ и отъ казаковъ, и отъ киргизъ нашихъ сосѣдей: зимнія и лѣтнія кочевки наши—Куянды, Навалы-Кусумбетъ-шайташъ, Кошчоке, Бештасъ, Испе, Кургамбай, Сарыбулакъ, Анъ-бастау, Кокбастау, Кызылъ-жалъ, Караулъ-Чоке, Белтерекъ, Сасыкъ-куль, Аркалыкъ, Чалакъ-терекъ, Чолпанъ, Байгабылъ, Бильда—Барчинъ, Ащи—су, Коконь, Арчалы, Атымтай, Юсалы, Серектасъ, Байтемиръ-чаты, Чанъ, Акбута-Джоланъ, Карасоръ и Чакаръ—

съ тѣмъ, чтобы всѣ они и оставались за нами постоянно и защитить насъ отъ всѣхъ стѣсненій, оградивъ законными мѣрами, чтобъ кочевки наши не были стравляемы и обкашиваемы сторонними, чѣмъ упрочили бы благосостояніе наше.

„Вступая въ вѣрноподанство, мы въ особенности побуждаемся покорнѣйше доложить Вашему Высокоблагородію, такъ какъ изъ многихъ нашихъ просьбъ извѣстно, что сосѣдственныя съ нами волости Аягузскаго и Каркаралинскаго округовъ дѣлаютъ у насъ безпрестанныя кражи и даже баранты, а насильнымъ завладѣніемъ нашими кочевками причиняютъ раззороніе; вотъ одинъ изъ поступковъ тобуклинскихъ киргизъ: много лѣтъ, какъ они вздумали завладѣть урочищами Коконь и Арчалы, объ этомъ производилось многими чиновниками дѣло, но не окончено и до сего времени, которое, какъ намъ извѣстно, состоитъ нынѣ въ Пограничномъ Управленіи, а между тѣмъ тобуклинцы въ минувшемъ году заготовленный нами для зимы кій и сѣно сожгли, и мы должны были терпѣть совершенную крайность, получивъ значительный уронъ въ скотѣ,—прося покорно настоянія Вашего о скоромъ и безпристрастномъ рѣшеніи этого дѣла“.

Тотчасъ по полученіи этого прошенія Пограничный Начальникъ полковникъ Ладыженскій сдѣлалъ слѣдующее предложеніе Пограничному Управленію:

„По сдѣланному мною распоряженію, я согласилъ небывшую въ составѣ округовъ Уваковскую волость вступить въ подданство Россіи и принять вводимое въ степи по Уставу о киргизахъ устройство.

„Принявъ объ этомъ отъ прибывшихъ нынѣ сюда отъ означенной волости довѣренныхъ родовичей прилагаемое здѣсь въ копіи прошеніе, я прошу Пограничное Управленіе этихъ довѣренныхъ въ присутствіи своемъ, нынѣ же, черезъ ахуна Средней орды, привести на вѣрноподданство приличнымъ порядкомъ къ присягѣ и отпустить въ ихъ кочевья, а между тѣмъ чрезъ Аягузскій Приказъ, къ вѣдомству котораго они изъявили желаніе причислиться, распорядиться привесть къ таковой присягѣ и прочихъ родовичей и почетныхъ киргизъ Уваковской волости на мѣстахъ кочевки, сдѣлать въ этой волости закон-

ное устройство, разсмотрѣть его и представить ко мнѣ по порядку, присовокупивъ мнѣніе свое отъ кого и кѣмъ замѣнить въ той волости вакансіи: толмача и письмоводителя, коихъ назначеніе при этомъ необходимо; о вступленіи же уваковцевъ въ подданство сдѣлать извѣщеніе по всѣмъ волостямъ внѣшнихъ округовъ и, наконецъ, по просьбѣ довѣренныхъ отъ нихъ оградить ихъ силою закона отъ притязаній и притѣсненій въ принадлежащихъ имъ кочевкахъ, принявъ дѣятельныя мѣры, чтобы производящееся по тяжбѣ ихъ съ тобуклинцами дѣло о зимовкахъ было кончено въ самый ближайшій срокъ,— вообще желательно, чтобы эти новые подданные, для примѣра другимъ, по просьбамъ ихъ получили и скорое, и правое на самомъ дѣлѣ удовлетвореніе, покровительство и защиту".

Депутаты были приведены къ присягѣ въ Омскѣ, послѣ чего для нихъ было устроено,, угощеніе"(*). Пограничное Управленіе предписало Аягузскому Приказу заняться выясненіемъ заявленныхъ уваковцами претензій, кромѣ спора объ ур. Коконь и Арчалы, который спеціально было поручено разслѣдовать ассесору Подозовъ-Чубковцу.

Въ томъ же маѣ былъ приведенъ къ присягѣ уваковскій султанъ Бопа Сардаковъ. Затѣмъ 14 мая Пограничнымъ Начальникомъ было получено въ Омскѣ слѣдующее прошеніе,, Киреевской волости родовъ Акымбеть, Аджи, Спанъ и Тойчи старшинъ и біевъ".

,, По сдѣланному намъ приглашенію и по убѣжденію нашего Средней киргизъ кайсацкой орды ахуна, мы, прибывъ сюда, изъявляемъ Вашему Высокоблагородію желаніе быть вѣрноподданными Россіи и поступить въ составъ Аягузскаго округа.

,,Принимая же душевно вѣрноподданство, имъ хотѣли бы, чтобы какъ ни есть обезпечить и себя, а потому и осмѣливаемся объяснить особѣ Вашего Высокоблагородія, чтобы претензіи наши получали скорое и справедливое удовлетвореніе, чтобъ мѣста наши называемыя такъ:

(*) Изъ депутатовъ Сатыбалды Серимовъ, какъ оказалось, вступилъ въ подданство съ своими родовичами въ 1835 г., причемъ всѣ они были тогда причислены къ Кокпектинскому округу. Когда это открылось, Серимовъ подалъ особое прошеніе о перечисленіи его въ Аягузскій округъ.

Салкыкъ—Тюбе, Байтайлякъ-кара-су, Арчалы, Кызылъ-су, Чаръ, Сура-адыръ, Анташъ, Биспай, Караганъ, Козанъ—Чукуръ, Косъ-ташъ-Чибалды, Джантеши-Кансаръ, Караулъ—Карамула, Сасыкъ-куль, Киргунгуль, Косумбеть, Джартасъ, Чубаръ-адыръ, Сары-булакъ, Ультюбе, Чолакъ-терекъ, Наульжельдыкъ-бой, Сары-чоку, Чоты, Саратау, Анбастау, Кызыкъ-жалъ, Чарды-котсы не были присвоиваемы другими, а отвратить это можетъ Ваше начальническое распоряженіе, и тѣмъ именно, чтобы дать намъ открытое предписаніе на имя пикетныхъ начальниковъ въ томъ, чтобы они оказывали намъ справедливую защиту по нашимъ основаннымъ на правдѣ жалобамъ".

Вслѣдствіе просьбы киреевцевъ имъ былъ данъ такого рода „охранный листъ":

„Предъявителямъ этимъ почетнѣйшимъ старшинамъ и біямъ Киреевской волости Атютану Надырову, Кулджану Бардысугурову, Кадысыку Итаякову, Таунанбаю Танашеву, Дайрамбаю Кожемжарову, Байжилу Исенжикову и Чокамбаю Джакмаеву съ ихъ родами во изъявленіе признательности начальства къ ихъ преданности къ Россіи, ознаменованной нынѣ вступленіемъ и въ подданство, и въ составъ Аягузскаго округа, предписывается всѣмъ начальствующимъ въ степи мѣстамъ и лицамъ оказывать имъ ласки, законную защиту, покровительство и скорое удовлетвореніе по всѣмъ ими дѣлаемымъ просьбамъ, когда они будутъ справедливы и достойны по закону уваженія, и, наконецъ, въ принадлежащихъ имъ безспорно и законно зимовьяхъ, ни въ кочевкахъ отнюдь не допустить никакихъ стѣсненій".

Просители были приведены къ присягѣ, причемъ оказалось, что изъ нихъ Атютанъ Надыровъ принялъ ее вторично, такъ какъ принималъ ее уже въ 1832 г. Въ іюлѣ 1840 г. киреевцы подали новое прошеніе о включеніи ихъ въ составъ не Аягузскаго, какъ хотѣли раньше, а Кокпектинскаго округа.

Приводъ уваковцевъ и киреевцевъ къ присягѣ и „устройство" ихъ волостей были возложены на Аягузскій Приказъ. Къ 1842 г. изъ названныхъ киргизъ были сформированы 3 волости: Сарманъ-Уваковская (управителемъ былъ утвержденъ ст. Тюреханъ Джаркыновъ),

Чога-Уваковская (ст. Кунай Каракатовъ) и Акимбеть-Киреэвская (ст. Атютанъ Надыровъ).

7.

Въ іюлѣ 1835 г. султанъ Матаевской волости Калдыгожа Сардаковъ подалъ Генералъ-Губернатору слѣдующее прошеніе:

„Родитель мой, будучи султаномъ Матаевской волости, которая «цѣлые вѣки состояла ни отъ кого независимой, но по смерти его «волость сія осталась въ моемъ распоряженіи, то я, видя цвѣтущее «состояніе подданныхъ Россіи, съ другой стороны тѣснимый необуз- «данностью кочевого народа, я рѣшился прибѣгнуть подъ сѣнь Пра- «вительства Россійскаго, твердые законы коего да сохранятъ благосо- «стояніе моей волости. И такъ я и подданные мои, влекомые надеж- «дою насладиться тишиною и спокойствіемъ подъ десницею Великаго «Монарха Россійской Имперіи, имѣемъ ревностное желаніе быть поддан- «ными и приносить собою Россійскому Правительству пользу, а по- «тому, пріемля смѣлость подвергнуться къ стопамъ особы Вашего Вы- «сокопревосходительства, всепокорнѣйше просимъ о принятіи насъ въ «подданство Россіи учинить зависящее со стороны Вашей распоряже- ніе».

Запрошенный о Сардаковѣ Начальникъ Кокпектинскаго отряда Нюхоловъ сообщилъ въ декабрѣ 1835 г., что Сардаковъ въ подданство еще не вступалъ и что «имѣетъ зимнія и лѣтнія стойбища въ недальнемъ разстояніи отъ Кокпектовъ, а въ настоящее время около Аганыкаттинскаго пикета въ $1^1/_2$ вер.». Получивъ затѣмъ разрѣшеніе принять Сардакова въ подданство, Нюхоловъ пригласилъ его явиться въ Кокпекты, что тотъ исполнилъ, но заявилъ, что съ нимъ вступаютъ въ подданство еще два матаевскихъ рода: Арыковскій и Кожемкуловскій, въ чистѣ 200 кибитокъ. Такъ какъ первый родъ принялъ уже подданство въ 1834 г., а второй въ началѣ 30-хъ годовъ и оба

они вошли въ составъ Аягузскаго округа, то Нюхоловъ «въ принятіи ихъ въ образуемый (т. е. Кокпектинскій) округъ остановился». Тогда, по сообщенію Нюхолова, Сардаковъ отъ вступленія въ подданство отказался и просилъ довести до свѣдѣнія Областного Начальника ,,не угодно ли будетъ передать ему, Сардакову, сіи два рода въ вѣдѣніе и состоять имъ подъ управленіемъ Кокпектинскаго округа, потому болѣе, что сихъ родовъ народъ самъ сего желаетъ, да и занимаемыя ими мѣста лѣтними и зимними кочевками имѣются въ средѣ Кокпектинскаго управленія. Если же привести къ присягѣ одного Сардакова, то легко можетъ быть разрывъ мыслей того народа, по легковѣрію будутъ прибѣгать какъ ближнему султану и могутъ оставить надъ ними управленіе Аягузскаго Приказа». Послѣдній, на запросъ Областного Начальника, отвѣтилъ, что судя по донесенію управителя Матаевской волости султана Даута Мамырханова, Арыковскій и Кожемкуловскій роды дѣйствительно пожелали поступить подъ управленіе Сардакова.

Сообщая въ іюлѣ 1836 г. Генералъ-Губернатору о требованіи Сардакова, Областной Начальникъ высказалъ слѣдующій взглядъ на дѣло: «1) какъ Кокпектинскій округъ еще не открытъ и не извѣстно мнѣ, какое изъ двухъ предположеній удостоено будетъ утвержденія, т. е. соединится ли оный съ Аягузомъ или составитъ особый округъ, и 2) киргизы, поступившіе въ составъ Аягузскаго округа, по прошествіи льготнаго времени должны уже платить въ казну ясакъ, а присоединивъ нынѣ помянутыя 200 кибитокъ родовъ Арыковскаго и Кожемкуловскаго, должно неминуемо будетъ подвергнуть тѣмъ же льготамъ, какими воспользуются киргизы при открытіи Кокпектинскаго округа, слѣдовательно, они будутъ имѣть преимущество противъ свонхъ товарищей, поступившихъ въ одно и тоже время въ составъ Аягузскаго округа, отчего могутъ легко произойти между легковѣрными сими азіатцами безпорядки и даже самое неповиновеніе, а потому я полагалъ бы помянутыхъ киргизъ не присоединять въ управленіе султана Сардакова, коему дозволивъ поступить согласно его желанію безъ всякаго однако-же принужденія на вѣрноподданство въ составъ Кокпектинскаго округа, объявить ловкимъ образомъ, что до открытія

сего округа нельзя сдѣлать никакого распоряженія на присоединеніе къ нему желаемыхъ имъ киргиаъ, и вообще думалъ бы я весьма полезнымъ, воспретить навсегда переходъ поступившихъ уже въ составъ округа киргизъ изъ одного округа въ другой—подобныя допущенія не только преграждаютъ порядку управленія въ степи, но и самое начальство поставляютъ въ совершенное затрудненіе исполнять предписанную закономъ его обязанность, а наиболѣе при сборѣ ясака, и сверхъ того угожденіемъ безпрекословно прихотей сихъ азіатцевъ едва ли можно будетъ научить ихъ когда либо какому порядку».

Генералъ-Губернаторъ согласился съ мнѣніемъ Областного Начальника, и Нюхолову была дана соотвѣтствующая инструкція, послѣ чего въ сентябрѣ 1836 г. онъ донесъ, что Сардаковъ «поступленіе свое въ образуемый Кокпектинскій округъ оставляетъ до открытія онаго».

8.

Китайское предписаніе киргизамъ Тауке-Байджигитской волости.

«Порученіемъ симъ отъ главнаго ханбы-анбони и батырь-анбони состоящимъ въ Тарбагатайскихъ горахъ таукинскимъ родоначальникомъ повелѣваемъ прочесть:

„По прежнему порядку посланными за мѣста наши собирался лошадьми алымъ, что и нынѣ было сдѣлано, но посланными при рѣчкѣ Темиръ-Чорга найденъ одинъ русскій; когда же обратились къ киргизамъ съ требованіемъ объ отдачѣ алыма лошадей, упомянутый русскій, признавая мѣста своими, устращивалъ киргизъ непозволеніемъ отдачи алыма. За это посланные военные чиновники, схвативъ его, представили въ Чугучакъ, здѣсь по спросѣ нами отозвался, что онъ есть посланный кокпектинскимъ начальствомъ и что кромѣ того на-

добности не имѣетъ. Изъ словъ, сказанныхъ имъ, увидѣли, что онъ есть худой русскій, разстраивающій киргизъ, зная при томъ, что требованіе лошадей есть справедливо. Китайскій народъ (разумѣя киргизъ), при напоминаніи о Кокпектахъ, убоязнивается по прежнему обычаю уплачивать каждогодно алымъ лошадьми, какъ до сего было чрезъ принадлежность китайцамъ; и что бы таковой когда либо находился въ границахъ русскихъ карауловъ и платилъ бы алымъ лошадьми, мы не знаемъ, а всегда состоялъ въ чертѣ нашихъ карауловъ и какъ великому народу платилъ лошадей съ запискою до сего въ бумаги. Русскій же, узнавши о прежнемъ нашемъ порядкѣ, согласился съ выше прописаннымъ. Затѣмъ привезенныя тѣмъ русскимъ изъ Кокпектовъ бумаги разсматривали и нашли въ нихъ, что онъ, привезши самъ, разстраиваетъ оными киргизъ, поэтому мы ко всѣмъ родоначальникамъ, написавъ бумаги послали, съ прибытіемъ посланныхъ разсмотрѣвъ съ вниманіемъ извѣстить всѣхъ біевъ съ тѣмъ, чтобы они слѣдующихъ каждогодно лошадей въ алымъ собрали и непремѣнно вручили посланнымъ нами чиновникамъ. Если послѣ сего пріѣзжающіе русскіе будутъ устращивать, то тому не слѣдовать и кто изъ родоначальниковъ уплатитъ русскимъ въ алымъ лошадей и тѣмъ будетъ отзываться отъ уплаты и о томъ поступитъ отъ посланныхъ бумага, тогда выступитъ съ собраннымъ войскомъ самъ батырь-анбони и всѣхъ родоначальниковъ изгонитъ изъ границъ карауловъ и на будущее время впущены обратно не будутъ. Обо всемъ этомъ чрезъ прочтеніе извѣщается. 25года 8 мѣсяцевъ и 14 дней».

9.

Въ архивномъ дѣлѣ за № 175 (Пограничнаго Начальника) имѣется слѣдующее *описаніе байджигитовскихъ родовъ, подвластныхъ Китаю:*

«Народъ Байджигитовскій, подвѣдомственный Китаю, кочуетъ лѣтомъ и зимой на земляхъ онаго, состоитъ изъ 3-хъ главныхъ родовъ, которые живутъ отдѣльно другъ отъ друга и управляются особыми лицами».

1-й родъ.

Джумукъ, коимъ управляетъ бій Тана Истемесовъ.

Въ немъ султаны:

Чотанъ Камбаровъ, Кулеке Токтакучуковъ, Байгозы Джабаевъ.

2-й родъ.

Тогасъ, въ немъ главный бій Сасанъ.

3-й родъ

Мамбеть, который состоитъ изъ 4-хъ отдѣленій:

1-е именуется Давленъ, въ немъ главные біи: Брымбеть Сармановъ, Алыбай Кочековъ и Кулубекъ Тайсаринъ.

2-е отдѣленіе Умиръ, въ немъ

«Родъ Джумукъ имѣетъ лѣтнія и зимнія кочевки подалѣе Чугучака къ востоку по рѣчкѣ Чаганъ-Оба, вытекающей изъ горъ Сауръ и впадающей въ Норъ-Зайсанъ около пикета Чаганъ-Оба; въ горѣ Монке-Джиргалъ по рч. Бургустай, вытекающей изъ этой горы, близъ пикета Бургустай, по рч. Бельчиръ, вытекающей изъ горы Кузувунъ, на этой рѣчкѣ есть пикетъ Бельчиръ».

«Родъ Тогасъ имѣетъ лѣтнія и зимнія кочевки, начиная отъ сопки Костобе, близъ пикета Костобе, у горы Кабаръ, по рч. Бескаичи, на ней пикетъ этого же имени; при подошвѣ горы Акчока и по рч. Джіпрма, изъ этой горы вытекающей, на ней пикетъ Джіпрма».

«Родъ Мамбеть имѣетъ лѣтнія и зимнія кочевки большею частью за Чугучакомъ на юго-востокъ, близъ селенія Китай. Эмиль—Тамы по рѣч. Эмиль у горы Джильдыгора, около селенія Сетеръ, по рѣчкѣ и у горы, называемыхъ Маралды-Тогай, около пикета Курту, у горы Учеты, по рѣч. Карабулакъ, близъ селенія

бін: Таутанъ Текебаевъ и Кубечень Чакчаковъ.

3-е отдѣленіе Калтай, въ немъ бій Джансеке Чимирбаевъ.

4-е отдѣленіе Кожакулъ. въ немъ бій Бейсары Джакасовъ.

Между Мамбетевскимъ родомъ есть султаны:

Туранъ
Сабекъ — Сюковы
Долонбай — который.

пользуясь уваженіемъ народа байжигитовскаго, имѣтъ вліяніе и по управленію ихъ.

и пикета Сарыгулунъ, по рѣч. Учдолаты, вытекающей изъ горы того имени; около пикетовъ Уластай и Карыкингуръ; при подошвѣ горы и по рѣч. того же наименованія, и по эту сторону Чугучака около пикетовъ Маилты, Табити и Бахты, тутъ находятся горы и рѣчки сего названія; у горы Кара-бура и около пикета Сарыбулакъ».

10.

РАСПИСАНІЕ

«подарочнымъ вещамъ, назначеннымъ для награжденія кызаевскихъ и байджигитскихъ султановъ и бієвъ».

Султаны и бін.	Какія каждому изъ нихъ назначаются подарки.	Цѣнность серебромъ	
		руб.	к.
Кызаевскаго рода.			
Султану Ботокѣ Абулфеизову.	Серебряная кружка № 4	65	—
	Столовый приборъ № 13	37	50
	Столовый приборъ № 14	37	50
	Табакерка № 2	30	—

Братьямъ его султанамъ				
Джангобысу	Красный суконный халатъ, обложенный въ 2 ряда широкимъ галуномъ	№ 24	63	—
	и табакерка	№ 9	18	—
Боке	Такой же халатъ бирюзовый	№ 25	70	—
Бекасыку	Такой же халатъ синій	№ 26	52	—
Аботаю	Такой же оливковый	№ 27	55	—
Біямъ управляющимъ родами				
Боруку Чурменеву	Серебряная кружка	№ 6	40	—
Сиванбаю Мурзанбаеву	Столовый приборъ съ чайной ложкой	№ 3	25	—
	Табакерка	№ 11	12	—
Наймантаю Илемесову	Бокалъ шампанскій	№ 19	22	50
	Табакерка	№ 10	15	—
Комыспаю Калбылову	Бокалъ шампанскій	№ 18	36	—
Койчубаю Байкадамову	Бокалъ шампанскій	№ 7	25	—
	Табакерка	№ 12	15	—
Дуванбеку Тюлегонову	Бокалъ шампанскій	№ 8	25	—
	Табакерка	№ 21	10	—
Бію Азысову	Табакерка	№ 1	30	—
Байджигитовскаго рода.				
Султанамъ:				
Доломбаю Сюкову	Ружье мастера Орлова	№ 17	125	—
	Столовый приборъ	№ 15	37	50
	Такой же	№ 16	37	50
Сабеку Сюкову	Халатъ малиновый бархатный	№ 22	125	—
	Серебряная кружка	№ 5	60	—

Турону Сюкову	Халатъ синяго бархата № 23	115	—
	Бокалъ шампанскій № 20	22	50
Біямъ управляющимъ родами:			
Таке Истемесову	Суконный халатъ, обложенный въ 2 ряда золотымъ галуномъ зеленый № 28	49	—
Сасану	Такой же темнокоричневый № 29	49	—
Брымбетю Сарманову	Такой же темнокоричневый № 30	49	—
Таутану Текебаеву	Такой же свѣтлокоричневый № 31	49	—
Джанаке Чимирбаеву	Такой же халатъ свѣтлокоричневый № 32	49	—
Байсары Джакасову	Такой же синій № 39	49	—
	Итого	1500	—

11.

«О киргизахъ Большой Орды.»

«Въ прошломъ году по разсмотрѣніи, совокупно съ Министромъ Финансовъ, свѣдѣній, представленныхъ о торговлѣ съ Западнымъ Китаемъ и объ обезопасеніи путей, туда ведущихъ, въ числѣ разныхъ мѣръ, удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія, сообщено было Генералъ-Губернатору Западной Сибири о постепенномъ приведеніи въ ис-

полненіе разныхъ видовъ нашихъ на Большую Орду, черезъ которую пролегаютъ главные торговые пути въ западныя области Китая, въ Кашгарію и Кокандъ. Для сего, независимо отъ тѣхъ мѣръ, которыя касались до торговли, предполагалось привлечь къ Россіи киргизовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ байджигитовъ и кызаевцевъ (кочующихъ на пути въ Чугучакъ), а съ тѣмъ вмѣстѣ занять выгодный пунктъ въ Семирѣченскомъ краѣ, какъ наиболѣе для насъ важномъ, дабы черезъ это окончательно утвердить вліяніе Россіи на Большую Орду.

«Всѣ эти предположенія съ постоянствомъ и благоразумною осторожностію уже приводятся въ исполненіе княземъ Горчаковымъ, а успѣхъ начатыхъ дѣйствій даетъ надежду, что въ скоромъ времени киргизы Большой орды приведены будутъ въ совершенную отъ насъ зависимость, и спокойствіе въ сей ордѣ будетъ прочно установлено, а это впослѣдствіи дастъ возможность приступить къ исполненію и другихъ намѣреній, собственно до торговли относящихся. Всѣ главные султаны Большой орды признали уже надъ собою владычество Россіи, отдаленные даже рода киргизовъ сей орды ищутъ покровительства Вашего Императорскаго Величества; кызаевцы присылали съ этою цѣлію своихъ депутатовъ въ Омскъ и въ числѣ ихъ главнаго своего султана Ботеке Абулфеизова; тоже самое сдѣлала значительная часть байджигитовъ въ лицѣ своего султана Долонбая Сюкова.

«Въ отношеніи ко всѣмъ симъ киргизамъ принята слѣдующая система дѣйствія, истекающая изъ Высочайше одобренныхъ Вашимъ Величествомъ наставленій, въ разное время сообщенныхъ Генералъ-Губернатору Западной Сибири отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ:

«а) въ отношеніи къ Большой Ордѣ предположено упрочивать тамъ постепенно наше владычество. Киргизы сей орды приняты уже въ россійское подданство; главнымъ султанамъ и старѣйшинамъ даны разные знаки милостей Вашего Императорскаго Величества (тоже свидѣтельствующіе о ихъ принятіи въ число вѣрноподданныхъ: кромѣ медалей нѣкоторымъ изъ нихъ пожалованы чины). Избрано мѣсто въ Семирѣченскомъ краѣ, гдѣ со временемъ должно быть основано укрѣпленіе (въ горахъ Каратау) Отрядъ въ Аягузѣ съ этою цѣлію за-

благовременно усиливается черезъ постепенное переселеніе туда части казаковъ съ Кузнецкой линіи. б) Что же касается до кызаевцевъ и байджигитовъ, то поелику значительная часть ихъ кочуетъ въ китайскихъ предѣлахъ, благоразуміе требуетъ поступать въ отношеніи къ нимъ съ большою осторожностію, не нарушая правилъ добраго сосѣдства съ китайцами; и такимъ образомъ положено: не объявляя ихъ русскими подданными, держать ихъ въ добромъ къ намъ расположеніи, лаская султановъ ихъ разными подарками и т. п., а черезъ это воздерживать ихъ отъ всякихъ непріязненныхъ покушеній противъ нашихъ киргизъ, отъ хищничества и притѣснительныхъ дѣйствій въ отношеніи къ торговлѣ: отъ нихъ требуется: кромѣ спокойнаго кочеванія, мирное обращеніе съ купечествомъ и содѣйствіе къ безостановочному слѣдованію каравановъ, а такъ же, чтобы и въ отношеніи къ Китаю, какъ къ дружественной съ нами державы, вели себя совершенно миролюбиво, не подавая повода къ какимъ-либо со стороны китайскаго Правительства жалобамъ.

«Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири, извѣщая нынѣ о счастливыхъ послѣдствіяхъ всѣхъ сихъ распоряженій, представляетъ, что для большаго още упроченія вліянія Россіи надъ племенами Большой орды онъ находилъ бы полезнымъ и даже необходимымъ: главныхъ родоначальниковъ султановъ Сюка Аблайханова, Галія, Гакима и Рустема утвердить въ ихъ начальствованіи (отъ Высочайшаго ли имени или по крайней мѣрѣ мѣстнымъ распоряженіемъ Главнаго Начальства Западной Сибири, какъ то дѣлается въ округахъ Средней орды для старшихъ султановъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ присвоить имъ равное съ сими послѣдними содержаніе. Мѣра эта, по его мнѣнію, принесетъ существенную пользу, привязавъ первенствующихъ киргизъ личными выгодами къ Россіи и положивъ нѣкоторое начало лучшему впослѣдствіи устройству. Независимо отъ сего, съ предположеннымъ занятіемъ въ свое время твердою ногою Семирѣченскаго Края, онъ полагалъ бы для огражденія киргизъ Большой орды отъ притѣсненій и для политическаго надзора, опредѣлить къ нимъ благонадежнаго штабъ-офицера въ видѣ пристава, съ содержаніемъ, правами и обязанностями, по соглашенію о семъ съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

А что касается до байджигитовъ и кызаевцевъ, то въ отношеніи къ нимъ ограничиться установленіемъ и поддержаніемъ добрыхъ связей.

«Находя всѣ таковыя мѣры, предлагаемыя княземъ Горчаковымъ, могущими болѣе и болѣе вести къ осуществленію желаемыхъ видовъ я пріемлю смѣлость довести оныя до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія.

«Нѣть сомнѣнія, что Большая Орда, по недавнему своему поступленію въ подданство Россіи, по отдаленности своей отъ линіи и по многимъ другимъ уваженіямъ не можетъ быть подчинена тому же порядку, какъ Средняя Орда: учрежденіе тамъ Приказовъ и предоставленіе всего ближайшему надзору и управленію поставленныхъ отъ Правительства чиновниковъ, неминуемо встревожило бы недавно покорившихся киргизовъ, даже обложеніе ихъ хотя легкимъ ясакомъ по многимъ причинамъ признается неудобнымъ, или по крайней мѣрѣ рановременнымъ. Вообще нельзя упускать изъ вида, что, во первыхъ, сіи киргизы покорились Россіи добровольно, что самое уже требуетъ большаго къ нимъ снисхожденія, а во вторыхъ, и это самое главное, что цѣль наша въ отношеніи къ Большой Ордѣ есть не пріобрѣтеніе нѣсколькихъ лишнихъ тысячъ подданныхъ и извлеченіе изъ сего какихъ либо денежныхъ выгодъ (не могущихъ, впрочемъ, быть значительными), а подчиненіе сей Большой Орды вліянію Россіи для видовъ торговыхъ, установленіе слѣдственно тамъ желаемой тишины и спокойствія и черезъ это самое установленіе безопасныхъ торговыхъ путей для распространенія нашей торговли съ Западнымъ Китаемъ, въ особенности съ Кашгаріею и съ частію Средней Азіи.

«По всѣмъ симъ соображеніямъ я полагалъ бы:

«1) Согласно съ мнѣніемъ Генералъ-Губернатора князя Горчакова, предоставить ему утвердить помянутыхъ четырехъ султановъ Большой Орды: Сюка Аблайханова, Галія, Гакима и Рустема въ начальствованіи надъ ихъ родами съ назначеніемъ имъ жалованія наравнѣ съ Старшими Султанами Средней Орды, т. е. по 343 р. серебромъ въ годъ каждому.

«2) Предоставить также князю Горчакову озаботиться выборомъ,

когда признаетъ сіе нужнымъ, благонадежнаго штабъ-офицера въ должность Пристава къ киргизамъ Большой Орды, и о томъ, кого именно предназначитъ въ сію должность, сообщить въ свое время Министерству Иностранныхъ Дѣлъ для дальнѣйшихъ распоряженій о его утвержденіи.

3) Сообщить въ тоже время Министерству Иностранныхъ Дѣлъ проектъ инструкціи для сего Пристава, коего главныя обязанности должны состоять въ томъ, чтобы старался добрымъ снисхожденіемъ и приличными внушеніями привязывать болѣе и болѣе киргизъ Большой Орды къ Россійскому Правительству; воздерживать ихъ отъ баранты и всякихъ внутреннихъ между родами несогласій, предупреждать всякія столкновенія съ Китайскимъ Правительством, содѣйствовать съ благоразумною осторожностію къ поддержанію власти и значенія утвержденныхъ Сибирскимъ Главнымъ Начальствомъ султановъ (ибо чѣмъ болѣе султаны сіи будутъ пріобрѣтать вліянія надъ своими единоплеменниками, тѣмъ легче будетъ нашему Правительству дѣйствовать къ обузданію киргизъ Большой Орды, не привыкшихъ еще къ власти, и у коихъ доселѣ царствовало безначаліе). Затѣмъ Приставъ отнюдь не долженъ вмѣшиваться во внутренній распорядокъ между сими киргизами, въ разбирательство ихъ дѣлъ между собою; если же киргизы будутъ сами къ нему обращаться съ подобными дѣлами, то ограничиваться внушеніями и добрыми совѣтами.

«4) Независимо отъ жалованія, которое Приставъ будетъ получать по чину штабъ-офицера (сообразно съ положеніемъ военныхъ чиновъ, находящихся на службѣ въ Киргизской степи), назначить ему, по званію Пристава, по тысячѣ пяти сотъ руб. серебромъ въ годъ столовыхъ, и какъ сіи столовыя деньги, такъ и жалованье для четырехъ султановъ Большой Орды, въ выше сказанномъ количествѣ, отнести на счетъ смѣтныхъ суммъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

«На все сіе имѣю счастіе испрашивать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія».

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Исполнить». Въ С.-Петербургѣ апрѣля 17 дня 1847 г.

12.

«1847 г. августа 4 дня, мы, нижепоименованные султаны и біи Киргизъ-Кызаевскаго рода, поступивши съ доброй своей воли подъ высокое покровительство Могущественнѣйшаго Государя Императора Всероссійской державы, даемъ сіе письменное обязательство Пограничному Начальнику Сибирскихъ киргизовъ въ слѣдующемъ:

«1) Строго удерживать отъ сего въ будущее время киргизъ своихъ отъ причиненія вреда киргизамъ, подданнымъ Россіи, барантами, грабежами и прочими дѣйствіями, клонящимися ко вреду ближняго, возстановляя съ народомъ россійскимъ миръ и дружбу.

«2) Такъ какъ мы съ народомъ своимъ приняты уже подъ покровительство Россійской державы, то обязываемся воздерживать народъ свой и отъ притѣснительныхъ дѣйствій торговцамъ, черезъ наши кочевья съ караванами слѣдующимъ, сохраняя къ нимъ мирное обращеніе, съ оказаніемъ купечеству содѣйствія къ безостановочному слѣдованію каравановъ.

«Актъ этотъ мы обязываемся исполнять свято, а въ случаѣ малѣйшаго нарушенія подвергаемъ себя, какъ гнѣву Божію, такъ и строгости взысканія отъ россійскаго правительства, подъ высокимъ покровительствомъ коего мы нынѣ состоимъ, въ полной надеждѣ, что и мы отъ обидъ народа россійскаго будемъ защищаемы правительствомъ«.

«1847 года іюля 29 дня, мы нижеприложившіе печати и тамги, Старшій султанъ Аягузскаго Приказа, засѣдатели отъ киргизъ, волостные управители, султаны и почетные біи въ собраніи съ султанами и киргизами кызаевскихъ волостей совѣщаясь о производимыхъ до се-

го времени между собою враждахъ, объ угонѣ скота, кражѣ имущества, всѣ единогласно составили сей актъ въ слѣдующемъ:

«1) По всѣмъ дѣламъ, произведеннымъ до 1841 года августа мѣсяца, иску совершенно не имѣть и никто производить съ обѣихъ сторонъ не въ правѣ.

«2) За скотъ и имущество, похищенные съ августа мѣсяца 1841 по августъ 1844 г., обязаны платить по 2—годовой штукѣ, разсчитывая это по своимъ обычаямъ.

«3) По искамъ, начиная съ 1 августа 1844 г., платить за все похищенное въ томъ самомъ количествѣ, какое похищено, рѣшаясь черезъ біевъ.

«4) За упалый скотъ при отгонѣ въ пути слѣдованія иску не имѣть.

«5) На будущее время вражды между собою не имѣть, жить въ мирѣ; если кто этого не исполнитъ и будетъ открытъ виновный, то съ него взыскивается за все похищенное втрое и лошади тѣ, на коихъ они были. За снятіе одежды должно взыскивать за вещи по цѣнѣ, въ штрафъ девять штукъ, начиная съ верблюда и лошадей съ похитителей; этому штрафу подлежатъ и тѣ, кто будетъ участвовать въ посылкѣ на хищничество. Всѣхъ пойманыхъ хищниковъ передавать съ обѣихъ сторонъ на распоряженіе Окружнаго Приказа.

«6) За высватанныхъ невѣстъ и неправильно взятыхъ плата должна производиться вполнѣ и не назначается срока прекращенію иска; этому подлежатъ дѣла о имуществахъ, отданныхъ согласно киргизскому обыкновенію по дружбѣ и объ отданномъ въ долгъ по торговымъ оборотамъ между собою.

«Все вышеписанное обязываемся исполнять съ обѣихъ сторонъ свято и ненарушимо, въ томъ прилагаемъ печати и тамги».

13.

Жалобы на грабежи байджигитцевъ продолжали поступать и въ слѣдующіе годы. Такъ, въ августѣ 1851 г, во время проѣзда Генералъ-Губернатора черезъ Кокпекты, Старшій султанъ Кокпектинскаго округа Кійсыкъ Тезековъ представилъ ему при докладной запискѣ слѣдующій «списокъ Кокпектинскимъ киргизамъ, у которыхъ байджигитовцы угнали лошадей и верблюдовъ»:

	Лошад.	Вербл.		Лошад.	Вербл.
У киргизъ Кендже-Муруновской в.	390	—	Сарджумартъ-Найманов ской	590	—
Назаръ-Муруновской	430	6	К н ги-Муруновской	70	—
Кыдыръ-Муруновской	240	10	Караулъ-Исыковской	30	—
Кутумбетъ-Муруновской	1000	10	Кыржинской	350	—
Джуватей-Бура-Найманов ской	30	—	Матаевской	40	—
Бура-Найманов ской	70	—		3240	26

«Съ общаго совѣта съ народомъ—писалъ Тезековъ въ запискѣ—желая окончить дѣла нашихъ киргизъ съ байджигитовцами, я для этого въ началѣ сентября предполагаю съ народомъ отправиться на рѣчку Катынку, на которую предполагаю пригласить и байджигитовскаго султана Кулеку Тохтакудукова съ подвѣдомственнымъ ему народомъ для рѣшенія нашихъ дѣлъ по народнымъ обычаямъ». Для безопасности Тезековъ просилъ дать казаковъ—10 человѣкъ изъ Кокпектовъ и 25 съ Урджара, отъ котораго до Катынсу 80 в. Продовольствіе казаковъ и ихъ лошадей киргизы брали на себя.

Генералъ Губернаторъ разрѣшилъ Тезекову устроить съѣздъ на Урджарѣ весной 1852 г. Сообщая объ этомъ Пограничному Начальнику, Генералъ-Губернаторъ предложилъ ему, чтобы разборъ дѣлъ на съѣздѣ происходилъ «при отрядѣ подъ надзоромъ офицера, долженствующаго не допускать ссоръ и безпорядковъ, и при благонадежномъ пе-

реводчикѣ, обязанномъ слѣдить за разговорами и образомъ мыслей наших киргизъ, не давая имъ этого замѣтить, съ тѣмъ, однако же, чтобы ни офицеръ, ни переводчикъ отнюдь не вмѣшивались въ разбирательство самыхъ дѣлъ между киргизами».

14.

Для выясненія первоначальнаго строя киргизскихъ волостныхъ организацій и ихъ эволюціи, мнѣ кажется, существенный интересъ представляетъ вопросъ, кто стоялъ во главѣ такихъ организацій, родовая ли знать (султаны) или просто экономически болѣе сильные люди. Занимаясь подборомъ матеріала относительно состава киргизскихъ волостей и проч., я считаю не лишнимъ привести здѣсь, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ въ пр. 5, нѣкоторыя отрывочныя данныя о киргизскихъ управителяхъ Кокпектинскаго округа изъ другихъ архивныхъ дѣлъ.

Управителями были:

Въ Назаръ-Муруновской в. — Таны Тлемысовъ съ 10 ноября 1842 г. по 24 декабря 1854 г., съ этого времени — Джайсанбай Дюсенбинъ. Упоминается какъ управитель еще въ 1858 г.

— Куттумбетъ-Муруновской в. — султанъ Абдильда Сартовъ (сынъ Сарта Ючина) съ 14 февраля 1845 г. Какъ управитель упоминается еще въ 1858 и 1866 г.г.

— Кыдыръ-Муруновской в — султанъ Исманъ Калифановъ (сынъ Калифана Ючина) съ 28 окт. 1855 г. Какъ управитель упоминается еще въ 1858 и 1866 г.г.

— Бура-Найманской в. — Бозай Чокинъ съ 16 марта 1850 г. Упоминается какъ управитель еще въ 1858 и 1866 г.

— Кончи-Муруновской в — Блачъ Баракпаевъ съ 24 мая 1846 г.

— Сарджумартъ-Найманской в. — Аліханъ Тлеубердинъ въ 1858 г. и Карманъ Тлеубердинъ въ 1866 г. Оба— сыновья Тлеуберды Козубаева, засѣдателя отъ киргизъ въ Кокпектинскомъ округѣ, а впослѣдствіи (съ 1858 года?)— Старшаго султана этого округа.

— Караулъ-Ясыковской в. — султанъ Кулике Чингисовъ въ 1866 г.

— Акимбеть-Сиванъ-Киреевской в. — Тютій Итаяковъ.

— Кыржи-Муруновской в. — султанъ Джангыръ Уваліевъ съ 12 января 1845 г. Упоминается какъ управитель еще въ 1858 г., а въ 1866 г.— султанъ Аліханъ Уваліевъ.

15.

При составленіи настоящаго очерка я думалъ коснуться, между проч., условій жизни въ Кокпектинскомъ округѣ казаковъ и вообще первыхъ осѣдлыхъ засельщиковъ этого округа. Къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили мнѣ этого сдѣлать, и поэтому я ограничусь перечисленіемъ нѣкоторыхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Семипалатинскаго Областного Правленія, которыя могли бы служить матеріаломъ для выполненія упомянутой задачи:

По архивной описи за № 1389, подъ заглавіемъ «О возложеніи на Кокпектинскій отрядъ перевозки муки». 1840 г.

№ 1390 «О исходатайствованіи бѣднѣйшимъ семьямъ Кокпектинскаго отряда вспомоществованія», 1840—1841 г.г.

№ 1392 «О изъявленіи купцомъ Зобинымъ желанія принимать въ собственную больницу нижнихъ чиновъ Кокпектинскаго отряда», 1841 г.

№ 1412 «О перечисленіи въ Аягузъ и Кокпекты двухъ казачьихъ сотенъ». 1848—1851 г.г.

№ 1413 «О перечисленіи въ Кокпектинское селеніе водворившихся на пикетахъ казаковъ». 1847 г.

№ 1416 «О размежеваніи земель Кокпектинскаго и Аягузскаго округовъ для надѣленія казаковъ», 1847 г.

№ 1424 «Объ угонѣ лошадей съ Урунхайскаго пикета», 1848 г.

№ 1428 «О покражѣ съ Себинскаго пикета лошадей». 1849 г.

№ 1431 «Объ оставленіи въ Кокпектахъ 50 рядовыхъ». 1849 г.

№ 1463 «О дозволеніи казакамъ Кокпектинскаго отряда ловить рыбу въ оз. Клы», 1842 г.

№ 1470 «О дозволеніи татарскимъ дѣтямъ проживать около Кокпектовъ», 1842 г.

№ 1611 «О успѣхѣ хлѣбопашества», 1844 г.

№ 1615 «О дозволеніи жителямъ Кокпектинскаго селенія производить рыбную ловлю изъ озера Кловъ, части Норъ-Зайсана», 1844 г.

№ 1639 «О утвержденіи въ селеніи Кокпектинскомъ ярмарки», 1848 г.

№ 1696 «О надѣленіи водворенныхъ въ Кокпектахъ казаковъ сѣнокосными мѣстами», 1851 г.

№ 1697 «О постройкѣ домовъ на Букони киргизами и челаказаками», 1851 г.

Всѣ эти дѣла—бывшаго Пограничнаго Управленія и Канцеляріи Пограничнаго Начальника. Матеріаломъ для указанной выше цѣли также могли бы служить дѣла, касающіяся золотопромышленности, о челаказакахъ и др.

Н. Коншинъ.